

АРТ ЛАНД

СОДЕРЖАНИЕ (6+)

1383-2013

Епифаний Премудрый. О церкви Пермской	4
<i>П. Лимеров. «По Тохтамышевой рати на другую зиму...»:</i>	
630 лет от учреждения Пермской	
(Усть-Вымской) епархии	12
<i>Ю. Екишев. Зелёная ветвь. Повесть. Продолжение .....</i>	18
<i>Л. Прошак. «И посетителя посетила смерть...».</i>	
Главы из романа	50
<i>о. Филипп: «Насколько надо любить народ, чтобы создать</i>	
для него азбуку и письменность...».	
Интервью с П. Лимеровым	96
ПРОЗА. ПОЭЗИЯ	
<i>Т. Шахова. «Шонді-мамлы тёрам ставён сывъяс...». Кывбуръяс</i>	104
<i>Л. Втюрина. Менам шоныд діяс. Повесът .....</i>	107
<i>Т. Канова. Неюбилей. Стихи .....</i>	126
АРТ-ФАКТ	
<i>М. Кузьмина. Нас объединяло многое .....</i>	132
Свет далёкой звезды (<i>О Лилии Ивановой</i>)	135
<i>А. Котылев. Образ Стефана Пермского в миниатюрах</i>	
Лицевого летописного свода XVI века	151
<i>С. Асташев: «Дефис» — это нечто между...».</i>	
Интервью с Е. Шелест	169
<i>О. Орлова. Безотносительно (<i>Выставочный проект</i></i>	
«Время DU»)	181
ОБЗОРЫ. НОВОСТИ. ПИСЬМА	
<i>Новости .....</i>	186
<i>Нам пишут .....</i>	187

Приложение к журналу:

Иван Торопов «Шуриклы шыд», «Бульон для Шурика».

Сыктывкар
2013

**Республиканский литературно-публицистический,
историко-культурологический, художественный журнал**

**Республикаса литература, публицистика,
история, культурология да художественной журнал**

Издаётся с 1997 года четыре раза в год на коми и русском языках.

Публикация материалов по освещению реализации социально значимых проектов осуществляется при государственной поддержке в форме субсидии Агентством Республики Коми по печати и массовым коммуникациям.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-35079 от 23 января 2009 г. зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.

Учредители: Агентство Республики Коми по печати и массовым коммуникациям,
Министерство национальной политики Республики Коми,
МОД «Коми вайтыр»

Главный редактор — Галина Бутырева

Зам. главного редактора — Павел Лимеров

Адрес редакции: 167982, г. Сыктывкар, ул. Карла Маркса, д.229, каб. 136, тел./факс: (8212) 201-499. E-mail: artkomi@mail.ru <http://www.artlad.ru>

© «Арт», 1998 г.

Подписано к печати 12.03.13. Формат: 70×100 $\frac{1}{16}$. Печать офсетная. Усл. п. л. 14,19 + вкл. 1,29.

Тираж — 1200 экз. Заказ 1497. Отпечатано в ООО «Коми республиканская типография» с дискет заказчика в полном соответствии с качеством предоставленных материалов, 167982, г. Сыктывкар, ул. Савина, 81.

Цена свободная

Подписной индекс 78503

Все права на материалы, опубликованные в номере, принадлежат журналу «Арт». Перепечатка без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

В оформлении обложки использована миниатюра Лицевого летописного свода XVI века «Степан создает пермскую азбуку». Л. 572 об.

В оформлении заставок использованы работы (©) Ю. Лисовского.

Материалы, не опубликованные в журнале, редакция не рецензирует и не возвращает авторам. Публикую материал, редакция не обязательно поддерживает точку зрения автора.

Журналын йөзөдтөм гижёдъяс редакция оз рецензиурит и авторъяслы найос оз мөддө. Редакция оз век во ѿти кывйö авторъяскöд.

1383-2013

2013
Q. Koo

Фотография с Интернет-сайта: <http://kolovodie.ru>

Епифаний Премудрый

Епифаний Премудрый, монах (к. XIV – н. XV вв.), духовный писатель и мыслитель, автор житий и посланий, раскрывающих мировоззрение Древней Руси. Получил образование в ростовском монастыре Григория Богослова. После 1370 совершил паломничество в Святую землю. После 1380 был иноком Троице-Сергиева монастыря. Вероятно, в 90-х XIV в. переселился в Москву. Его перу принадлежат «Слово о житии и учении Стефана Пермского», «Похвальное слово и житие Сергия Радонежского», «Послание иеромонаха Епифания к некоему другу своему Кириллу», в котором дана высокая оценка деятельности художника Феофана Грека, хорошо знавшего Епифания. По мнению некоторых исследователей, Епифаний был автором «Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия». На Епифания оказали влияние произведения южнославянских книжников. Характерными чертами стиля Епифания являются риторика и лирическая напряжённость, витиеватость словесных образов, восходящих преимущественно к церковно-книжной символике, обилие тропов, синонимов, сравнений, ритмических повторений, что сам автор определяет как искусство «плетения словес».

О церкви Пермской*

Божий раб Стефан, помолившись Богу, по окончании молитвы поспешил заложить святую церковь Божию. И была она основана и поставлена; возградил он её премногою верою и теплотой избыточествующей любви, воздвиг он её чистой совестью, создал её горячим желанием, украсил её всяким украшением, как невесту (*ср. Ис. 61, 10*) красивую и разукрашенную, исполнил её исполнением церковным, освятил её по совершении исполнения освящением великим, сотворил её высокой и хорошей, устроил её прекрасной и красивой, нарядил её по-настоящему чудно и дивно, ибо она поистине дивна.

Об этом и Давид свидетельствует, говоря: «Свята церковь Твоя, дивна воистину» (*Пс. 64, 5–6*). Дивна по причине многоного достойного у неё похвалы. Многими же похвалами похвалю её не потому, что она сотворена человеческим искусством или мастерскими приёмами, усовершенствована приспособлениями и изобретениями, но похвалю её потому, что она преукрашена Божьей славой, и преулучшена добродетелями, и превзошла мечту божественными славословиями, и украшена человеческим спасением, и облачена красотой православия (*ср. Пс. 44, 14*). Ибо в ней великолепные тайны являются, в ней святая литургия сотворяется, в ней божественных тайн пресуществление совершается, в ней многих людей души

¹ Публикация по изданию «Святитель Стефан Пермский». Серия «Древнерусские сказания о достопамятных людях, местах и событиях». Статья, текст, перевод с древнерусского, комментарии.— СПб.: «Глагол», 1995.— 280 с.

спасаются, в ней многим людям прибежище бывает, в ней телесные грехи крещением омываются, в ней душевные скверны покаянием и верою очищаются.

Поставил он эту церковь на месте, называемом Усть-Вымь, где река Вымь своим устьем впадает в реку Вычегду, где впоследствии была создана большая обитель, каковая потом была названа его епископией.

Когда же он освятил эту церковь, то нарёк её во имя Пресвятой Пречистой Преблаженной Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, славного её Благовещения. Постановлено таковой праздник праздновать в 25 день месяца марта, как он сказал, потому, что этот праздник — начало всех великих Господских праздников, ибо он — начало нашего спасения, о чём свидетельствует и его тропарь, говорящий: «Сегодня — спасения нашего начало и вечной тайны явление».

И в самом деле, месяц март — начало всех месяцев и называется первым среди месяцев, о чём свидетельствует Моисей Законодавец, говоря: «Месяцем же у вас первым среди месяцев да будет март» (*ср. Исх. 12, 2*). Ведь согласно тому, чему нас учат и что мы изучаем, ясно, что это — начало бытия. В марте ведь месяце начало бытия, когда вся тварь была сотворена Богом, приведена из небытия в бытие. В марте ведь было начало творения, и в марте же месяце в двадцать первый день первозданный человек, родоначальник Адам, был создан рукою Божией. Некогда в древности и израильские люди в месяце марте — об этом и Григорий Богослов говорил — бежали из земли Египетской от рабства фараонова и перешли пучину Красного моря немокрыми стопами, словно по сухе, пешими. В месяце марте также израильтяне вошли в Землю обетованную и Иерусалим построили. Опять же в месяце марте израильтянам было установлено каждый год праздновать Пасху. В марте же месяце и Благовещение было Святой Богородице, каковое архангел Гавриил благовестил ей, когда Сын Божий нашего ради спасения с небес сошёл и вселился в пречистую утробу Всеесвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии и без семени плоть от неё восприял. В марте же месяце и распятие Христос добровольно претерпел и смерть за нас принял, и установил, чтобы мы боголепно праздновали воскресение. В марте месяце опять же мы ожидаем воскресения мёртвых, второго пришествия Христова и страшного, грозного, вызывающего трепет, гордого, ужасающего, нeliцеприятного, неподкупного всемирного суда, когда Он придёт со славой, чтобы судить живых и мёртвых и воздать каждому по делам, и Ему — слава во веки.

Но, затянувшуюся речь здесь оставив, мы возвратимся к тому, о чём следует сказать. И поскольку март — первый среди всех месяцев и начало всего года и всех сезонов года, ведь март начальный месяц, то в начальном месяце и праздник начальный. И как Благовещение — начальный праздник среди праздников, начало нашего спасения и явление вечной тайны, так и церковь Пермская — начало спасения Пермской земли и явление веры Христовой.

Потому-то Божий муж постарался создать святую церковь Божию красивой и боголепной. Он сам, прия, старательно исполнил это дело, и великое беспокойство принял, и со многими стараниями и трудами великий подвиг совершил. Он очень печалился о заблуждении людей и весьма тужил, видя, что они одержимы волхвованием и помрачены идололожением. Он очень об этом скорбел и все дни и ночи молился Богу об обращении людей. Со стоном, плачем и слезами он приносил Богу молитву, говоря:

— Собери, Господи, Своих расточенных людей (*ср. 2 Мак. 7, 28*) и Своих заблудших овец (*ср. Рим. 4, 17*) и введи их в святую Твою Церковь. Присоедини их к Своей святой соборной и апостольской Церкви, причти их к избранному Твоему стаду, да и они с нами славят Тебя во веки, аминь.

При этом он не переставал, подобно апостолу, учить и наставлять, умоляя и запрещая (*ср. 2 Тим. 4, 2*), указывая им «путь истинный» (*2 Пет. 2, 2*) и направляя на «стезю правую» (*Пс. 26, 11*), сущность кумиров обличая и обман идольский посрамляя, стремясь привлечь их к разуму божественному (*ср. 2 Кор. 10, 5; Кол. 1, 10*). Но люди, бывшие омрачёнными, языка благодати Божией не понимая, смотрели на истинно полезное им как на нечто тщетное. Не с лёгкостью веровали, не тут же, сразу, вскоре слушались того, что он говорил, но и гневались на благодетеля, и ненавидели добро творящего им, и роптали на учителя, неблагодарные.

И затем однажды, в один из дней, найдя раба Божия уединившися, напало на него множество неверных некрещёных пермян и устремилось на него, чтобы убить. И, напав, нападали они на него с яростью, с гневом, с воплем, потому что хотели его убить и погубить. Ополчились на него единодушно и, группами став вокруг него, «натягивая, натянули луки свои» (*Авв. 3, 9*) и, сильно натянув их, направили на него разом смертоносные стрелы, бывшие в луках их. И в упор стрелами из луков застрелить его они жаждали, и хотели так предать его, наконец, смерти.

Божий же страстотерпец нисколько не убоился перед лицом нападающих на него, устремления ратующих, и не убоился выстрелов их, как сказано: «Не убоишься стрелы, летящей во дне» (*ср. Пс. 90, 5*). И что застрелят его, он не побоялся, но отнёсся к выстрелам их как к стрельбе младенцев (*ср. Пс. 63, 8*).

Можно было, друзья, можно было видеть тут, как сбываются слова Давида, сказанные им: «На Господа я уповал, как же вы говорите душе моей: летай по горам, как птица? Ибо, вот, грешники натянули луки свои, приготовили стрелы в колчане, чтобы стрелять во мраке в правых сердцем. Потому что то, что Ты совершил, они разрушили. А что сделал праведник?» (*Пс. 10, 1–3*). И когда «подстерегает грешный праведного, и скрежещет на него зубами своими» (*Пс. 36, 12*), «и смотрит, как бы убить его, и старается умертвить его, Господь не оставит того в руке его» (*ср. Пс. 36, 32–33*). И когда несправедливо напали на него и оружие извлекли грешники, «натянули луки свои, чтобы застрелить нищего и убогого, заколоть правого сердцем» (*Пс. 36, 14*), то лук сильных ослабел, а немощные препоясались силою (*ср. Пс. 17, 40*). Луки врагов сокрушились, ибо грешники натянули луки свои. Но луки их сокрушатся, и оружие сломается, и щит сотрётся (*ср. Пс. 45, 10*), которым «заострили, как оружие, языки свои, напрягли лук свой, вещь горестную, чтобы тайно застрелить непорочного. Внезапно стреляют в него, но он не убоится» (*Пс. 63, 4–5*). Потому не убоится, что «стрелами младенцев наносили они раны» (*Пс. 68, 8*).

Божий же раб, обратившись к людям пермским, сказал им:

— Братья! Обратитесь, сыновья человеческие, к Господу Богу Вседержителю с верой, покаянием, крещением, обращением! Обратитесь! «Если же не обратитесь, оружие Своё Он на вас обнажит и направит; лук Свой Он натянул и подготовил, и в нём подготовил орудия смерти, стрелы Свои палящими сделал» (*Пс. 7, 13–14*). И поскольку вы это делаете, на меня, натягивая, наставляете луки свои и

думаете стрелами своими в меня стрелять, то окажетесь и сами это претерпевающими: будет лук натянут и на вас, и стрелы будут выпущены.

Ведь это показал пророк Давид, говоря: «Если не обратитесь, оружие Своё Он на вас обнажит и направит; лук Свой Он натянул и приготовил» (*Пс. 7, 13*). Также и другой пророк, Аввакум, сказал: «Натягивая, натянем лук свой» (*Авв. 3, 9*). Великий же в пророках Исаия сказал, говоря как бы от лица Господня: «Вымойтесь и будете чистыми» (*Ис. 1, 16*), то есть креститесь. Ведь сказав «вымойтесь», он велит креститься крещением, ибо, если креститесь, будете спасены. Ведь если, сказал он, послушаете меня, земные блага съедите, и жива будет во благах душа ваша. Если же меня не послушаете, меч вас поест, оружие вас поест,— ибо уста Господни говорили это.

Мне ведь не велено моим Владыкой прятаться от ваших стрел, ибо так пишет Он в святом Евангелии: «Идите, вот, Я посылаю вас как овец посреди волков» (*ср. Лк. 10, 3*), «не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить и по убиении в геенну огненную ввергнуть» (*Мф. 10, 28*).

Да, говорю вам, того бойтесь. Ведь наносимая нам вашими стрелами телесная смерть маловременна и не на долгое время, это вскоре преходящая смерть, а скорее и не смерть, потому что она оказывается причиной жизни. Горе же и очень страшное — умереть человеку душевной смертью. Ведь «смерть грешника, сказано, страшна» (*ср. Пс. 33, 22*), душевная, то есть, смерть. Ибо смерть души есть мука вечная.

В один же из дней преподобный раб Божий, помолившись Богу, сотворив молитву, после молитвы пошёл в некое место, где находилась их главная кумирница, и попытался идолов их разрушить. И он опрокинул их алтари, а богов их разбил, и Божьей силой главную их кумирницу зажёг, пламенем запалил её. И сделал он это в отсутствие всякого человека, так что идолослужители этого не знали, и почитателей кумиров не было там, и не было избавляющего (*ср. Пс. 70, 11*), ни отнимающего их. Совершив же эту победу, он не убежал тут же с того места, не скрылся в другом месте, и не ушёл никуда оттуда, но сидел на том месте и пребывал, как будто чего-то ожидая, что должно с ним случиться, но Божию благодатию крепился.

И внезапно, когда они тут же, друг другу сообщая, об этом узнали, тогда стало сбегаться туда всё их сообщество. И, сбежавшись, в большой ярости, с великим гневом, с воплем, как звери дикие, бросились они на него — одни с дрекольем, а другие, многие из них, схватив в свои руки одноострые топоры. Они обступили его отовсюду и хотели тут же остриём топоров своих зарубить его, крича все разом и нелепицу говоря, бесчинные крики испуская на него. И, окружив его, стали вокруг его и секирами своими замахивались на него. И выглядел он посреди них, «как овца среди волков» (*Лк. 10, 3*). Он не спорил, не бился с ними, но Слово Божие проповедовал им, и учил их вере Христовой, и наставлял их во всякой добродетели.

И, руки свои воздев, словно к смерти приготовившись, в слезах говорил он Богу:

— Владыка, «в руки Твои предаю я Тебе дух мой» (*ср. Пс. 30, 6*), «покрой меня крыльями» (*ср. Пс. 36, 28*) Своей благости. Вот, за Твоё ведь святое имя подвигся я и оказался «как овца для заклания» (*Ис. 53, 7*). Потому что ради Тебя я решил выстрадать всё это, да явлю имя Твоё этим людям. Обрати, Господи, поганых в христианство, да и те будут нашими братьями, приняв святое крещение,

да с нами вместе славят Тебя, да и среди них тем самым прославится пресвятое имя Твоё во веки веков, аминь.

И, помолившись так Богу, он остался среди них цел, и никто не возложил на него руки, никто его не ударили, ни уязвил его, но Божией благодатью он был оставлен ими целым и невредимым. И тогда, пройдя среди них, он ушёл, ибо Бог сохранил Своего угодника и служителя. Как сказал пророк Давид: «Не допустит Господь жезла грешников на жребий праведных» (*Пс. 124, 3*), ибо «Господь сохранит преподобных Своих, во веки они сохранятся» (*ср. Пс. 36, 28*). Как пророк Иеремия говорил Богу: «Господи, вот, я не умею говорить, потому что я юн»; Господь же сказал ему: «К кому бы Я не послал тебя, ты пойдёшь, и что повелю тебе сказать, ты скажешь. И не убойся лица их, потому что Я с тобой во все дни, избавляя тебя и спасая тебя» (*Иер. 1, 6–8*). И ещё Давид говорил: «Не предай же меня в руки враждующих со мной» (*Пс. 26, 12*) и «не предай меня обижающим меня» (*Пс. 118, 121*), но «возбрани борющимся со мною» (*Пс. 34, 1*), и да разумеют народы, что Ты — Господь Бог, единственный славный по всей земле.

Поучение

И тогда Божий раб, помолившись Богу, попробовал снова их учить. И, став на ровном и видном месте среди народа, начал учить их о Царствии Божием и словно апостольскими устами сказал им:

— «О люди, что это вы делаете? И я тоже человек, но благовестую вам» (*ср. Деян. 14, 15*) Слово Божие и велю вам: отступите от этих бесполезных жертв идолам! Освободитесь от заблуждений о кумирах! Избегните суда и огня вечного! Чего ради поклоняетесь вы идолам, почитаете их и называете их богами? Изваянные и высеченные болваны, ваши кумиры, по сути дела — бездушное дерево, «произведения рук человеческих: уста имеют и не говорят, уши имеют и не слышат, глаза имеют и не видят, ноздри имеют и не обоняют, руки имеют и не осязают, ноги имеют, а не пойдут, и не ходят, и не ступают с места; не издают звуков гортанями своими, не обоняют ноздрями своими, и приносимых им жертв не принимают, не пьют, не едят. Подобными им да будут делающие их и все надеющиеся на них» (*ср. Пс. 113, 12–16*). А Тот, в Кого веруют, Кого чтут и Кого славят христиане,— Того я вам и проповедаю,— Тот и есть истинный Бог, и нет иного Бога кроме Этого.

Так что, мужи пермские, братья, отцы и дети, послушайте меня, добра вам желающего: веруйте в Господа нашего Иисуса Христа, Которого я вам ныне проповедаю. Это ведь Христос, истинный Бог наш. Это ведь Спаситель всех людей — христиан, верующих в Него.

Примите свет разума, взгляните в высоту разумности очами вашего ума. Отступите от болванов и кудесников и от всех пермских обычаем. Познайте истинного Бога, Творца всего, способного спасти ваши души. Я ведь пришёл к вам, братья, сказать вам благодатью, данной мне, что, если вы уверуете и креститесь, то будете спасены. Я возвещаю вам Царство небесное. А если не уверуете и не креститесь, то осуждены будете (*ср. Мк. 16, 16*) на муку вечную.

И уча их этому долгое время, многих он убедил рассстаться с бесполезным пермским заблуждением о кумирах и веровать в Господа нашего Иисуса Христа,

и они обещали креститься. Хотя и с яростью и гневом прежде устремлялись они на него, но склонялись к миру благодаря его кротости. Хотя готовые на убийство с дрекольем прежде нападали они на него, однако же благодаря его добрым словам и святым поучениям переходили они к кротости, и становились тихими, и говорили мирно. Расходясь, они не причинили ему никакого вреда, и многие из них крестились. И так понемногу множилось стадо Христово и постепенно прибывало число христиан. Постепенно ведь, говорится, созидается город. А прочие оставались некрещёными.

Имели они обыкновение постоянно собираться вместе, сходить в одно место: или пермяне приходили к нему в ту новопоставленную церковь, о которой мы прежде сказали, или он приходил к ним в другое условленное место разговаривать и отвечать на вопросы.

Но с тех пор, как была создана его церковь, каждый день и некрещёные пермяне стали собираться к ней, но не для молитвы, не спасения желая или ради молитвы прибегая, а чтобы рассмотреть красоту и добротность церковного здания. И постояв, насладившись зрением, вновь они расходились.

Плач пермских людей

И когда пришла к ним эта весть, возвещая им, говоря: «Придите, новокрещёные пермские сообщества, и увидьте и услышьте, что учитель ваш преставился, от вас ко Господу отошёл, а вас оставил сирymi. Мы ведь сами были свидетелями его преставления и служили при этом. Что очи наши видели, то руки наши осозали. Поскольку в Москве он болел и там умер, там и положен был с честью. Если же не верите нашим словам, но кажутся вам наши слова ложью, то пойдите и посмотрите на его ризы, на его ризницу, на его книги и прочие его вещи», — то они, едва услышав о преставлении его, заплакали со слезами и в туге сердечной закричали с умилением, жалостно сетуя, и все начали говорить:

— Горе, горе нам, братья! Как нам быть без доброго господина и учителя!

Горе, горе нам, ибо лишились мы доброго пастуха и правителя!

О, почему отнят у нас многое добра нам податель!

О, лишились мы очистителя душ наших и печальника о телах наших!

Лишились мы теперь доброго промыслителя и ходатая, который был ходатаем за нас перед Богом и перед людьми: Богу он молился о спасении душ наших, а перед князем о наших жалобах, о льготах и о нашей пользе ходатайствовал и промышлял. Перед боярами, начальниками, властями мира сего он был нашим горячим заступником, многократно избавляя нас от насилия и рабства, от чиновничьей продажи, и тяжкие дани облегчая нам. Даже сами новгородцы, ушкуйники, разбойники, словами его убеждены бывали, — не нападать на нас. Ныне же мы с обеих сторон пострадали и всего оказались лишены: не имеем горячего молитвенника перед Богом и не имеем горячего заступника перед людьми.

О, как произошла и откуда пришла разруха нашей жизни! «Были мы отданы на поношение соседям нашим» (*Пс. 43, 14*) иноязычникам — лопи, вогуличам, югре и пинеге.

О, добрый наш епископ, как живому тебе говорим: О, добрый подвижник правой

Успение св. Стефана Пермского.

веры! О, священномученик и бого-проповедник, Бога нам проповедавший, а идолов поправший, нелестный наш вождь и наставник, проводник заблудившихся нас! Если бы мы золото потеряли или серебро, то нашли бы другое вместо того, а тебя лишившись, другого такого не найдём.

Куда зашла доброта твоя? Куда ты отошёл от нас и куда делся? От нас ушёл, а нас, сирых, ты оставил, «пастух наш добрый» (*Ин. 10, 11*). Оставил ты своё стадо блуждать и скитаться по горам, быть в плену у гор и быть расхищенным волками. Кому передал ты стадо своё, попечение о пастве? Кто так, как ты, попечется о нас, заблудившихся овцах? Нестерпимо без тебя быть.

Без тебя мы скорбны и смущены, «как овцы, не имеющие пастуха» (*Мф. 9, 36*), и печаль у нас неутешная. Кто утешит нас в печали, охватавшей нас? К кому прибегнем, к кому обратимся, где услышим слова твои сладкие, или где насладимся беседой твоей душеполезной? Увидим ли мы после тебя такого господина и учителя, или не увидим? Если увидим, то благословен Бог; если же не увидим, то «зачем ты нас оставил» (*Пс. 21, 2*), «зачем отринул нас до конца?» (*Пс. 73, 1*) Или «прогневался ты на овец пажити твоей?» (*Пс. 73, 1*)

Зачем отпустили мы тебя в Москву, чтобы ты там умер! Лучше было бы нам, если бы гроб твой был в нашей земле перед нашими глазами, чтобы было у нас немалое облегчение и большое утешение в нашем сиротстве. И, как к живому, к тебе приходя, благословлялись бы мы у тебя и по успении твоём, как у живого, вспоминая твои Богом переданные слова. Ныне же совершенно всего вообще оказались мы лишены: не только тебя самого у нас не стало, но даже и гроба твоего иметь мы не сподобились.

За что такая обида нанесена нам от Москвы? Это ли — её правосудие? Имея у себя митрополитов, святителей — а у нас был один епископ,— и того к себе взяла, и теперь у нас нет даже гроба епископа. Один он был у нас епископ, и он же был для нас законодавец и законоположник, он же креститель, апостол, проповедник, благовестник, исповедник, святитель, учитель, чиститель, посетитель, правитель, исцелитель, архиерей, страж, вождь, пастырь, наставник, сказитель, отец, епископ.

Москва ведь многих архиереев имеет, изобилуя, излишествуя, мы же только его одного имели, но и того одного оказались недостойны и оскудели, и недостаёт его нам, и мы сетуем, «потому что очень обнищали» (*Пс. 78, 8*), потому что понесли урон, потому что стали очень убоги, ума лишились, ибо нуждаемся в руководителе и проводнике.

Что же теперь сделаем мы в скорби нашей? Ведь жатва уже созрела, как сказал пророк Иоиль: «Пустите в дело серпы, ибо жатва созрела, ибо предстоит

жатва» (*ср. Иоиль 3, 13*). И ещё: «Жатвы много, а делателей мало» (*Мф. 9, 38*). Итак, помолись, преподобный, к Господу, «молись Господину жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою» (*Мф. 9, 38*), и чтобы были те «делатели добрыми, правящими слово истины» (*2 Тим. 2, 15*), чтобы были те делатели не постыдными, непорочными, «не себе угождающими» (*Тим. 1, 7*) и «не ищущими своей пользы, но многих, да спасутся» (*1 Кор. 10, 38*), — делателей непосрамляемых, «не сребролюбивых» (*1 Тим. 3, 3*), не мздоимцев, делателей верных, «строителей тайн» (*1 Кор. 4, 1*) Его, делателей винограда Христова; делателей, делающих «бражно не гибнущее, но бражно пребывающее, дающее жизнь вечную» (*ср. Ин. 6, 27*); делателей полезных, поспешных в проповеди евангельской; делателей, делающих спасение людям. Таких делателей хотим и просим; в таких нуждается наша земля, что и сам ты знаешь не хуже нас, о, достойная чести голова! Если же не такими будут делатели, то никакой от них не будет для нас пользы.

О, как не сетовать нам, что не на своём престоле ты почил! Хорошо было бы нам, если бы рака мощей твоих была у нас, в нашей стране и в твоей епископии, а не в Москве, в не своём пределе. Не так ведь москвичи тебя почтут, как мы, не так тебя ублажат. Ибо знаем мы тех, кто кидал в тебя прозвища, отчего и называли тебя некоторые Храпом, не понимая силы и благодати Божией, бывавшей в тебе и через тебя. А мы бы какую должно честь тебе воздали, потому что должны тебе как твои ученики, как твои вечные чада, поскольку через тебя Бога познали и истления избежали, благодаря тебе от заблуждения бесовского избавились, крещения сподобились. Потому поистине ведь достоит нам почитать тебя как достойного хвалы, «ибо достоин,— сказано,— трудящийся своего заработка» (*Мф. 10, 10*).

Как же можем мы по достоинству восхвалить, или как ублажим тебя, когда ты совершил дело равное апостольскому? Хвалит Римская земля двух апостолов, Петра и Павла; чтит и ублажает Азиатская земля Иоанна Богослова, а Египетская евангелиста Марка, Антиохийская — евангелиста Фому, а Греческая — апостола Андрея, Русская земля — великого Владимира, крестившего её. Москва же блажит и чтит митрополита Петра как нового чудотворца. Ростовская же земля — Леонтия, своего епископа. Тебя же, о епископ Стефан, Пермская земля хвалит и чтит как апостола, как учителя, как вождя, как наставника, как воспитателя, как проповедника, ибо благодаря тебе от тьмы мы избавились, ибо благодаря тебе свет мы познали. Потому чтим тебя как делателя винограда Христова, ибо терновник ты разорвал — идолослужение в земле Пермской; как плугом, проповедью вспахал её; как семенами, словами книжных учений засеял ты борозды сердечные, откуда вырастают колосья добродетели, а сыновья пермские серпом веры жнут их охапками радости, связывают снопы душеполезные и сушат в сушиле воздержания, и цепами терпения молотят, и в житницах душевных сохраняют эту пшеницу, а затем едят пищу неоскудевающую, ибо сказано: «едят нищие, насытятся, и восхвалят Господа взыскающие Его; живы будут сердца их в век века» (*Пс. 21, 27*).

Но, о преподобный наш отче, священный епископ Стефан! Хоть и преставился ты от нас духом, хоть и далеко гроб твой удалён от нас, но да будет молитва твоя с нами всегда. Хоть и далеко мощи твои отстоят от нас, но благословение твоё да будет близко, среди нас и на нас всегда. Поминай нас в своих молитвах.

Перевод со старославянского Г. М. Прохорова.

Павел Лимеров

Лимеров Павел Фёдорович, ведущий научный сотрудник сектора фольклора ИЯЛИ КНЦ УрО РАН. Автор более 120 научных работ, в том числе учебного пособия «Коми несказочная проза» (1998); монографий «Мифология загробного мира» (1998), «Образ св. Стефана Пермского в письменной традиции и в фольклоре народа коми» (2008), сборника фольклорных текстов «Му пуксьём – Сотворение мира» (2005).

«По Тохтамышевой рати на другую зиму...»: 630 лет от учреждения Пермской (Усть-Вымской) епархии

Принятие официального крещения народом коми было обусловлено рядом объективных факторов. Основание в устье Юга в 1187 г. г. Гледен, а затем, в 1212 – г. Устюга привело к тому, что часть пермских земель по рекам Югу, верхней Северной Двине и Нижней Вычегде вошла в состав Ростово-Сузdalского княжества. Этим самым было положено начало активного воздействия на коми (пермян) древнерусской христианской культуры. В середине XIII века из-за разорения ряда русских княжеств монголо-татарами резко возрос приток русских крестьян-колонистов на земли финно-угорского севера и северо-востока. Миграциям способствовали и благоприятные для земледелия климатические условия, вызванные периодом потепления, так называемым малым климатическим оптимумом VIII–XIII веков. В начале XIV века политическое усиление Москвы дало новый толчок крестьянского колонизационного движения в северном направлении. В освоении северных территорий главную роль играли возникшие в XIV в. пустынnyе монастыри, что дало основание В. О. Ключевскому ввести понятие «монастырской колонизации» севера. Основателем движения пустынников был Сергий Радонежский, из обители которого в XIV–начале XV вв. вышло 27 пустынных монастырей-колоний. Главные направления монастырской колонизации шли от Троицкого Сергиева монастыря по р. Костроме на р. Вычегду, а также по р. Шексне на Белоозеро. Несомненно христианизирующая роль этого движения на язычников финно-угров, земли которых оно охватило, однако, следует отметить, что вместе с христианизацией происходила и постепенная русификация финно-угорского населения, поскольку, принимая «русскую» веру, финно-угры принимали и русскую православную культуру, а также и язык. Очевидно, что колонизационное движение

не могло миновать земли, населённые пермянами-коми, но сценарий колонизации был изменён трудами Стефана Пермского, предложившего свою программу христианизации пермян. Эта программа включала проповедь основ христианской веры на родном пермянам языке, строительство школ, церквей, монастырей. Результатом деятельности Стефана Пермского стала Пермская епархия — первое иноэтническое административно-церковное образование в пределах Московского княжества.

Образ Стефана Пермского, сложившийся в современном научном дискурсе, сугубо прагматичен и, в силу этого, существенно снижен. С одной стороны, признаётся его деятельность по обращению в христианскую веру Пермского (Коми) края, а с другой стороны, сама его миссионерская деятельность признаётся чем-то вторичным, сопутствующим великокняжеским планам скорейшего присоединения к Московской земле Пермских территорий. При этом совсем не учитывается напряжённая политическая обстановка, в которой Москва находилась в 1370-е гг.: это и постоянные конфликты с Тверью, Рязанью, военные столкновения с Литвой, войска которой в 1371 году едва не захватили Москву, это и военные «тяжбы» с Золотой Ордой — бойня русских войск на р. Пьяне (1377), битва на р. Воже (1378), Куликовская битва (1380), разорение Москвы Тохтамышем (1382) — всё это требовало многочисленных людских и денежных ресурсов, постоянной концентрации сил в этом направлении, поэтому «северное» направление ещё долгое время оставалось на периферии большой политики. Между тем уже сам факт составления «Жития» пермского епископа почти сразу после его кончины, говорит о том, что современники воспринимали св. Стефана как святого, а не как политического деятеля, причём, оценивали его религиозный подвиг очень высоко. Такая оценка подвига св. Стефана была обусловлена тем, что, по верному замечанию итальянского слависта Р. Пиккио, «впервые славянская Церковь выступила не как ученик ..., но в роли Учителя и Апостола». «Житие» Епифания Премудрого, написанное им, что называется, «по горячим следам», это, прежде всего, повествование о деле жизни Стефана Пермского по просвещению пермского народа, ставшем его подвигом святости. Поскольку «Житие» является фактом живого свидетельства автора деятельности Стефана, одним из главных вопросов исследователей всегда был вопрос о соотношении в «Житии» исторического и агиографического материала. В связи с этим, следует отметить, что единственной исторической датой, эксплицированной в «Житии», является дата кончины епископа — 26 апреля 1396 года. Эта дата, вкупе с указанием места, где покоятся мощи св. Стефана — храм Спаса-на-Бору в Кремле, свидетельствует о культе святого, складывающемся в Москве. Некоторые даты в «Житии» легко восстанавливаемы, как, к примеру, год учреждения Пермской епархии — «на другую зиму по Тохтамышевой рати», т.е. зимой 1383 года, другие, например, дата рождения Стефана фактически невосстановимы, есть и откровенно «тёмные» места, где Епифаний, будто бы специально путает исторические факты. Всё это говорит о том, что Епифаний сознательно отделяет наиболее важные факты для жизнеописания Стефана от менее значительных, и, тем более, от совсем незначительных (к таковым он относил и трагическую поездку Михаила-Митяя в Константинополь). Исторические факты постольку имеют для Епифания значимость, поскольку они имеют отношение к культу Стефана как святого. Поэтому Епифаний видит свою задачу не только и

не столько в изложении фактического материала, сколько в обосновании культа Стефана Пермского через раскрытие его подвига святости. Этот подвиг, по мысли Епифания, равен подвигам первых апостолов и равноапостольной деятельности славянских просветителей — Константина-Кирилла и Мефодия, и, как следствие, он является обоснованием концепции апостольского (или равноапостольного) происхождения христианства в Вычегодской Перми.

Итак, содержанием «Жития» Епифания является культ Стефана Пермского как равноапостольного святого, соответственно, и образ Стефана формируется в соответствии с этой концепцией. Вместе с тем, образ Стефана имеет и глубоко личностное начало: личность Стефана наиболее полно раскрывается в контексте его подвига святости, но его подвиг, именно как равноапостольный подвиг — непосредственно зависит от личных качеств самого Стефана. Эти качества являются благоприобретёнными, Стефан взращивает их в себе, начиная с самых юных лет. Соответственно, жизнеописание Стефана отчётливо делится на две части: в первой части рассказывается о годах его ученичества, вторая часть посвящена его учительской миссии. Нельзя считать, что годы ученичества были только подготовкой к религиозному подвигу, напротив, вся жизнь Стефана, без остатка, посвящена служению Богу и полностью входит в состав его святого подвига. Характер подвижничества Стефана связан с непрерывным учением, само-совершенствованием, это новый для послемонгольской Русской Церкви тип образованного святого, какого доселе не было, и ещё долгое время не будет. Именно образованность является главной точкой соприкосновения между образами Стефана и Константина-Кирилла, тонко воспринятая Епифанием и включённая в ткань «Жития». Так, и Стефан, и Константин с детства отличаются высоким интеллектом, любознательностью, приверженностью к книжным занятиям, скоростью постижения смыслов, что соответствует идее постижения Бога через разум, мудрость, через книжность. Через параллели с житием Константина Епифаний коррелирует духовные помыслы Стефана и с деяниями первых апостолов, показывает Стефана прилежным учеником апостолов, выстраивающим свою жизнь согласно их предписаниям. Особое место в повествовании занимают цитирования из деяний Павла, образ которого в контексте повествования является собой духовный идеал, наиболее отвечающий устремлениям Стефана. Это не случайно, поскольку учение апостола Павла играло доминирующую роль в сложении доктрины апостольской преемственности славянских первоучителей Константина-Кирилла и Мефодия. В связи с этим Епифаний придаёт большое значение вопросу о языке Стефановской проповеди. Епифаний пишет, что Стефан, находясь в ростовском монастыре, самостоятельно изучил пермский язык, составил для него азбуку, и перевёл на пермский язык богослужебные книги. В обретении Стефаном пермского языка есть своя внутренняя логика, поскольку ему предшествуют долгие годы монастырского подвижничества. Сюжет «Жития» сосредоточен на событиях, касающихся благодатного совершенствования подвижника, на развитии и организации его внутреннего, духовного пространства, когда в максимальном самоуглублении и отрешённости от всего внешнего ему открывается единственно верный путь, путь к Богу. Таким образом, первый подвиг Стефана был подвигом внутреннего, глубинного делания, это делание совершалось в нём постоянно и разнообразно, предавался ли он молитве, читал ли книги, беседовал ли с книжными людьми и

С. Галунова «Св. Стефан Пермский».

миссия возлагается на Стефана. Определённая таким образом преемственность просветительской деятельности Стефана апостольской традиции, его равнопостольность, служит для Епифания оправданием созданной Стефаном Пермской письменности. Епифаний сравнивает творчество Стефана с творчеством равноапостольного Константина-Кирилла и приходит к выводу, что грамоты, созданные ими, лучше эллинской, которая создавалась язычниками, в то время, как и Кирилл, и Стефан — угодники Божьи. Сравнение деятельности Стефана и Кирилла имеет ещё один смысловой план: таким образом, утверждается главный аспект деятельности Стефана — основание национальной Пермской Церкви с богослужением на пермском (коми) языке, как некогда Кириллом было обосновано право славян на известную церковную автономию с литургическим славянским языком. Мы не можем судить о том, какой, по мысли Стефана, должна была стать Пермская Церковь, поскольку этой его идеи не суждено было сбыться, однако можно с уверенностью говорить о жизненности утверждённой им на христианской религиозной почве культурно-языковой автономии коми народа.

В образе Стефана в полном объёме была раскрыта идея равноапостольного и святительского служения, доселе небывалого в русском православии. От первого

разумными старцами или же переписывал святые книги «искусно и быстро». Видимо, это делание не прекращалось в нём всю жизнь, и в какой-то момент «умного» молитвенного погружения в глубины сердца ему открылся замысел Бога о его собственной жизни.

По Епифанию, историческая роль Стефана в христианизации Перми есть не что иное, как осуществление воли Бога, возложившего на него апостольскую миссию, как некогда на первых апостолов. Епифаний обстоятельно перечисляет где, когда и какие народы были приведены в христианскую веру десятью наиболее видными из апостолов: Петром, Иоанном Богословом, евангелистом Матфеем, Филиппом, Фомой Близнецом, братом Христа Иудой, Симоном Зилотом, Варфоломеем, Андреем и Павлом, и делает вывод о том, что поскольку апостолы «в Перми не успела быти», то их

постижения «грамотичней хитрости и книжней силы» в Устюге, через иноческую аскезу, штудии Писания и других «святых книг», пермского и греческого языков, греческой философии до той точки максимальной полноты бытия, когда он, как передаёт Епифаний, «делался своим для Бога, приближаясь к Нему с чистой совестью, благой мыслью, добрыми делами». И далее — к тому, что Г. П. Федотов назвал «плодоносным кенозисом» — нисхождением из учёного затвора к язычникам-пермянам во имя любви к ним. Кенозис Стефана — это его «следование Христу» как в исполнении учительной миссии, так и в готовности принять за неё жертвенную смерть.

В заключительном разделе *Жития*, от имени пермских людей Епифаний пишет: «Как же мы можем по достоинству восхвалить, или как ублажим тебя, когда ты совершил дело, равное апостольскому? Хвалит Римская земля двух апостолов, Петра и Павла; чтит и ублажает Азийская земля Иоанна Богослова, а Египетская евангелиста Марка, антиохийская — евангелиста Фому, а Греческая — апостола Андрея, Русская земля — великого Владимира, крестившего её. Москва же блажит и чтит митрополита Петра как нового чудотворца. Ростовская же земля — Леонтия, своего епископа. Тебя же, епископ Стефан, Пермская земля хвалит и чтит как апостола, учителя, как вождя, как наставника, как воспитателя, как проповедника». (Епифаний, 1996. С. 219). Епифаний продолжает известные слова Иллариона Киевского, включая в ряд апостольских имён имена князя Владимира, крестителя Руси, первого московского митрополита Петра, епископа Леонтия, крестившего Ростов, и наконец, Стефана — апостола Пермской земли. Как и русские, пермяне «работники одиннадцатого часа», Бог «призрел» их в последние времена, не дал погибнуть в «прелести идольствий», послав учителя — Стефана Пермского. Однако, то, что Стефану удалось привить ростки христианства на абсолютно не подготовленной для этого почве, можно считать чудом. Если русские, принимая христианство, опирались на более чем столетний опыт христианизации славянства, в ходе которого были уже выработаны и приспособлены к славянскому языку основные понятия христианского вероучения, то у пермян-коми такого опыта не было. Христианство, рождённое в Иудее, сформированное в лоне эллинистической культуры и усвоенное через византийское посредство славянами, не имело никаких точек соприкосновения с той языческой средой, в которой находились пермяне. Для того, чтобы христианство всё-таки было усвоено в той или иной мере, необходимо было в этой языческой среде заложить основы новой, принципиально другой, интеллектуальной культуры, и заложить таким образом, чтобы не произошло её отторжения. Стефан решает эту задачу с помощью созданной им письменности на пермском (древнекоми) языке. Дело не только в том, что Стефан составил пермский рунический алфавит (анбур) и перевёл на пермский (древнекоми) язык богослужебные тексты и, очевидно, какие-то части Нового и Ветхого заветов. Не менее важно то, что ему удалось перевести на пермский язык — язык охотников, абсолютно не имевший абстрактных понятий, концептуальный аппарат христианской религии, используя для этого средства самого пермского языка. Речь идёт уже не о простом механическом переводе с одного языка на другой, а о создании нового христианского (литургического) языка, в ткани которого сохраняются и национальные смыслы. Письменность на пермском языке просуществовала порядка двух столетий, прежде чем в пределах

бывшей Стефановской епархии окончательно не утвердился славянский язык богослужения. Тем не менее, в течение этих двух столетий было фактически сформировано национальное христианское (письменное) сознание коми, и это позволило коми книжникам, с одной стороны, сравнительно быстро освоить кириллический алфавит для перевода некоторых текстов на коми язык, а с другой стороны, включиться в состав славянской письменной традиции.

Факт открытия новой епархии означал включение и подчинение её Московской митрополии, и даже вхождение в состав становящейся Московской Руси. Но в данном случае, и это надо подчеркнуть, присоединению подлежало не русское удельное княжество, а иноэтничная территория, вступающая в состав Московского княжества в качестве епархии. Особенностью этой территории как новой административной единицы было то, что здесь епископ совмещал и духовные, и административные функции, а площадь новой епархии значительно превышала площадь самого Московского княжества. Значение этой церковно-политической акции для истории России огромно и, по-видимому, ещё не оценено по достоинству. Во-первых, на примере Перми Вычегодской впервые был осуществлён опыт федерализма в будущем политическом устройстве России и, во-вторых, христианизация и присоединение к Москве территорий Перми Вычегодской, а затем и Перми Великой фактически открыли для России ворота в Сибирь, и стали первым шагом в будущем становлении евразийской Российской империи. В-третьих, в лице Стефана Пермского Русская православная церковь не только впервые выступила в учительной миссии, но и впервые дала «религиозное обоснование иной национальной культуры». Что касается коми народа, то следует отметить существование связи между спецификой принятия христианства коми народом и становлением его этнического идентитета (комиэтничности). Специфика заключается в целом комплексе факторов, главными из которых являются проповедь христианства на национальном языке, перевод христианских текстов на коми язык. Для различных родоплеменных объединений коми установление географических, лингвистических границ в рамках епархии способствовало выработке аспектов самоидентичности на этноконфессиональной основе, что и привело в дальнейшем к формированию собственно коми этноса. Перечисленные факторы означали также признание Московской Русью коми языкового индентитета вкупе с признанием его этнической территории, что, несомненно, способствовало становлению комиэтничности.

Юрий Екишев

Юрий Анатольевич Екишев (родился 6 апреля 1964 г. в Сыктывкаре) — современный писатель, драматург и сценарист, математик, политический и религиозный деятель. Занимается литературным творчеством с 1989 года. Сферой его деятельности до середины 1990-х гг. были переводы и подготовка к изданию православной литературы на коми языке. В 1996 году Ю. А. Екишев опубликовал повесть «Под защитой» в журнале «Континент» (Париж), которая принесла ему известность общероссийского масштаба. В 1997 году журнал «Континент» (Париж) принял к публикации серию очерков Ю. А. Екишева о Коми крае «На краю Российской земли», где молодой писатель раскрыл себя как талантливый публицист. Начиная с 1997 года, Ю. А. Екишев активно публикуется в жур-

нале «Арт». Успех первого номера журнала во многом связан с публикацией киноповести «Родвуж андел» (Ангел рода), сопровождавшейся предисловием известного русского кинорежиссёра А. Сокурова. С 1998 г. в журнале были опубликованы: повесть «Люди Твоя», роман «По глаголу Твоему съ миромъ, по закону Твоему с любовью» с приложениями в виде пьес «Борик, Витик и Хиппи», «Один только знак», «Давид и Авессага» (Арт, 1998–2000), «Дыхание ветра». В 2002 году в г. Сыктывкаре отдельным изданием вышел сборник произведений Ю. А. Екишева «О любви от третьего лица», в который вошли лучшие его повести и роман. В 2008 г. в Санкт-Петербурге вышла книга «Россия в неволе».

Зелёная ветвь

Начало в № 4 2012 года

18. Встреча на опушке

У города много оград. Внутренняя ограда — единомыслие, вече, избирающее следующее действие, обязательное для всех, или нового вождя, князя, мирного или же воинственного — это лекарство от многих внутренних болезней общины города, конечно, при правильном применении. Следующая — частоколы, заборы. Самая внешняя ограда — засеки вокруг города, долгие протяжённые завалы деревьев, устроенные в лесу для препятствия вражеской коннице. Обычно для засеки деревья срубались не под корень, а бровень с ростом человека, и валились верхушками внутрь полосы засеки, так что даже спешившись, человеку было очень тяжело перебраться через высокий вал.

Новгородские мужики, закончив очередной участок засеки, смыкая её с более ранней в одну непроходимую черту, стоят, отдыхают, ждут князя и плату за работу. Молодой парень попробовал забраться наверх, вязнет в снегу, проваливается между стволов, орёт благим матом. Мужики неодобрительно хмурятся — выросли из таких забав, а парень барактается, выкрикивает откуда-то из завала:

— Ну, теперь ни они к нам, ни мы к ним, в Москву, не пройдём! Порядок...

— А чё тебе там надо, в Москве-то? Чё ты там не видал? Вылезай, где ты там... — нехотя откликается один из мужиков, старший. Подхватывает и другой:

— С ними только драться, а толку-то, добычи-то — никакой. Правильно князь решил закрыть совсем проход в засеке.

— Не наше дело — правильно, неправильно... Может, правильней цепи железные по рекам повесить, а то лазит невесть кто! Немцы, шведы, рожи-то все какие-то нерусские... Вот кто первые враги — они, грабят нас по-хитрому, по-тихому, а мы... С Москвой не можем договориться, с нашими же...

Парень выбирается из завала и с ходу вступает в разговор:

— Наши-то наши! А когда Литва, скажем, прёт — где эти наши отсиживаются? Наши... Кто платит — тот и наши! А кому мы платим — тот не наш, нашим не платят. Где наши — там деньги ни при чём. Настоящие наши-то по правде должны поступать.

— Молодой... Правда-то у всех своя. Может, как раз мы и боимся, что наши придут, да и покажут нам правду-то. Городские-то, как соберутся, все горазды орать — этого хотим, того не хотим... Вот и вся правда. Господь что захочет, а мы и то услышим, потому что орём: правда, правда! А если по правде — то вот эти засеки почему мы строим? обороняемся от кого? Не от того. Здесь она правда-то, — мужик бьёт легонько себя в грудь. — Жжёт, а мы от неё заслоняемся. Если бы не платили денег — пошёл бы ты деревья-то валить? Я б, например, топор вообще бы забросил подальше — намахался уже, что только не рубил — крепости поднимал, церкви, кресты... Рубишь, рубишь, себе да семье своей только не успеваешь ничего путного срубить. А Бог-то всё сжигает да сжигает... Хорошо немцам — они всё из камня стараются, у них теплей.

— Рубит он, поглядите... Господь Сам плотничал — забыл?

— Вот разболтались! Делать нечего — лучше бы за это время ещё пару сосен завалили, как тетёрки — тар-тар, тар-тар... Засеку-то прочертить, правда, дело нехитрое. А вот как те же немцы — корабль соорудить попробуй? Это тебе не лодку, не ушкуй сляпать, раз-два и готово, дерево не тонет, сойдёт... Раз не умеете тонкую работу — значит, валите деревья да помалкивайте... — вмешивается ещё один мужик. Молодой парень всё хорохорится:

— А, ерунда, на чё нам корабли? Ну, поплыvёшь ты на нём, чё там делать?

— Поплыvёшь, посмотришь, продашь, что есть у тебя, что им надо... Увидишь — что они там делают, поучишься, ведь живут же как-то, спасаются...

— Чё делают... Как и все — чурок на печке строгают! И на стороне, и дома, вот и всё.

— Ну, молодёжь... Кроме похабства да б...дства будто ничего и не знает. Языки чешут, как свиньи об забор. Вон князь едет.

— Ну и что, — не унимается молодой, — сегодня он князь, завтра — я. Тоже мне начальник...

— Да уж с тобой бы наломали дров...

— Первым делом — я бы всех болтунов вздёрнул на дыбе, повертелись бы они у меня...

Вчерашний свежий сугроб в заветрии поваленных деревьев неожиданно зашевелился, мужики даже слегка оторопели:

— Мужики, это что? Медведь что ли залёг? Батюшки... Монах... Да ты что, отец, так и спал что ли под снегом, как куропатка? — отряхивая снег, из сугроба молча встал Прокопий, потом нагнулся, пошарил по земле, достал кочергу, снова поискал, нашёл ещё две и обрадованно вздохнул.

— Нда... Какой он монах... Он же того, больной, повреждённый... — мужики потеряли интерес к Прокопию, обернулись к подъехавшему уже князю. Тот остановился, слез с седла.

— Здорово, братцы! Хорошо получилось. Издалека вижу — теперь здесь не проскочат.

— Точно. Не проскочат, не пролезут. Если только чудом, по воздуху. Тогда мы их как уток...

— А это кто с вами, монах что ли? Тоже трудился? Молодец. Не все там тунеядствуют...

— Сами не знаем... То ли не здоровый, то ли наоборот — слишком здоровый — вон, под снегом ночевал.

— Ну, ладно, рассчитаемся, что ли? — князь, собираясь раздать плату, замешкался, присмотревшись внимательней, узнал по фигуре Прокопия. — А, это ты.

Мужики, почувяв что-то важное, расступились перед Прокопием, который молча вертел в руках кочерёжки, будто не замечая князя с охраной.

— Мужики, вы ступайте в город, я догоню, там и рассчитаемся. Да и вы тоже, — князь отпускает свиту. — Приеду, сам разберусь. Мне поговорить надо.

Дружины послушно разворачивают коней и, подхватив мужиков к себе, рассадив их за спинами, — уезжают. Князь молчит, ждёт пока все не скроются вдалеке, в снежной пыли, пока никто точно их не услышит. Прокопий тоже молчит, наконец, князь, вздохнув, не выдерживает:

— Слушай... Ты это, прости меня, сынок.

Лошадь князя всхрапывает, переминается на месте. Князь испуганно оборачивается, но увидев, что это всего лишь лошадь, а не человек, успокаивается, продолжает:

— Я Светку-то не выслушал сгоряча. Думал, она решила веру-то нашу разменять на твои побрякушки. Сказали мне, что ты вернулся, что раздал всю рухлядь, в монастырь ушёл. Я уже хотел было прийти покаяться, да то одно, то другое — некогда всё, спешил куда-то, воевал, маялся, а может, и забыть хотел... Раз уж свиделись — прости меня, сынок, прости, каюсь я. Хочешь — возвращайся, будешь у меня жить. Мужик ты хороший — доказал. Дам тебе всё, что нужно. Сгоряча я тогда, не хотел ведь. Опять же, она мне дочь, пойми... Не послушал я тогда сердце-то, теперь вот слушаю ночами — не сплю. Да ведь никого не воротишь, кто ушёл туда-то, а? Поехали со мной, сынок. Люди нам во как нужны. Что, немец, не понимаешь ты меня, а? Я ведь второй раз не позову, сынок...

— По правде сказать, вот что будет... — Прокопий вытягивает руку и показывает, как кочерга клонится, клонится и совсем ложится.

— Что это значит?

— Это значит, что ты такой же князь, как и отец — не видишь и не слышишь. Душа твоя вожделеет, томится, стремится, чтоб всё было в твоей власти, а сам власти не имеешь, даже над собой — ничего не слушаешь, ни сердца, ни разумной части души. Зовёшь встать под дерево, в которое попала молния, и которое горит

и падает. Может, и хватит ещё сил, в порыве безумия, не знаю, продолжать так жить, годик, полтора... А может, даже хватит сил поговорить с городом — чуть поскромнее быть, есть поменьше, на своих не наживаться — жить не одними набегами и грабежом — но кто тебя послушает, если ты строишь вот это всё? То, что ты называешь властью — всего лишь тьма и страх. А то, что называешь верой — умиление и баранья бессмысленность. Рядом с тобой и Варлаам, и целый монастырь, а ты ищешь советчиков — как так жить, чтобы только ничего не менять. Рядом сила, а ты опираешься на слабость. Рядом был свет, а ты кинулся укрываться от него. Впрочем, сам знаешь — у кого нет, у того отнимется. Ловишь людей, но на продажу... Как мальчишка рыбу — держишь просто так в затхлом пруду, да ещё играешься, запруды делаешь... А люди, как больные овцы, кого ещё не продал — баранами делаются бессмысленными, да с тебя пример берут. Там кто? — Прокопий показывает в сторону за чертой засеки, на сумрачный лес.

— Там Москва, ещё дальше — Волга, великая степь...

— А там?

— Там Устюг, леса сплошные, комариный рай.

— А там?

— Там — Литва, дальше — Германия твоя...

— А ты от кого закрываешься? От своих? А кому ты дороги оставил — таким же разбойникам? И хочешь, чтобы я участвовал в этом? Вот, — с силой вновь опрокидывает кочерёжки, — ты и твой дух.

— Да какой там дух! Иди ты, знаешь куда, урод! Дуростью занимается... Я ему дело предлагаю. Не нравится что-нибудь — так бери, переделывай. Что толку от твоей одежды? Да от этой дребедени? — берёт у него кочерги и сам ими вертит, как хочет. — Что ты этим докажешь? Или ты молишься что ли? Тоже мне труд! Купил себе спокойную жизнь за подводу мехов...

Прокопий оседает в снег, сидит на коленях, молча вздыхает. Князь, поостыv, сам присаживается перед ним на корточки, старается заглянуть ему в лицо.

— Обиделся? Сынок, ну прости меня. Опять я не то что-то делаю. Говорю не то, что хочу сказать. Прости дурака за дурость. Ну, хочешь, в монахи с тобой пойду? Вместе побредём куда глаза глядят — хочешь? В Москву хочешь? Или в Германию твою? Думаешь, мне нужны оковы-то эти позолоченные? Но ведь люди-то выбрали не кого-то там — меня! Значит, Бог того захотел. А для чего — не нам судить. Светку-то, деточку-то, сгубил я, не ты. Ты не мучайся, не надо, не монашеское это дело — душу травить. Ты только прости меня. Не хотел я. Морок какой-то напал. Ну будь я простой горожанин, да разве не дал бы я тебе её в жёнки-то? Дал бы, да ещё было бы мне за честь! Так нет — я князь! я власть! защитник веры! это моё! — помыслы-то так и полились в уши... Ты вот что, сынок, душу-то отпусти мою, прости уж меня, в который раз прошу, ведь нельзя так жить, как я живу...

Прокопий на всё кивает:

— Да, да, давно уже, сразу...

— Господи... Ну хоть чуть-чуть легче стало... Сразу легче...

— Почему ты её Светланой назвал?

— Не знаю. Захотелось. Как она родилась — всё пошло хорошо. Всё как бы светлое стало, радостное. С утра вскочишь на коня — хочется скакать куда-

нибудь, что-то делать, и домой хочется — к жёнке, к дочерям. Я и назвал — Светик, а что, Светлана — хорошее имя. Когда её крестили, комочек-то этот, конечно, по-гречески именовали — Фотиния, что ли. Но уж больно это мудрено: Светик он и есть Светик... А сейчас иногда, только очень редко — на миг всё повторяется и гаснет — как искра пролетит, и нету. Смотрю на снег — он мне улыбается, искрится, а потом гаснет, сереет. На воду гляжу — тоже блеснёт, и потом всё. При моей-то силе — думал горы сверну, а вот видишь — какие-то мгновения и остались от жизни, лохмотья одни...

— Прости меня, отче. Видишь, какой я сухой. Не плачу, не страдаю. Мне бы надо прощения просить первому, да я сегодня опять тебя испугался. Болит всё в груди, в сердце, ломит. Зашёл в храм — думал минуту постою, служба кончится, и выйду. А она всё идёт, идёт — и плачет всё внутри, и переворачивается, и не может места найти. Разум вот такие же слова говорит — о свете, о чистоте, а как посмотришь — свет-то остаётся снаружи, не проходит внутрь, внутри — мрак. Мне ведь тоже хотелось прочной радости, долгой — те же мысли были, на удивление даже, один к одному, а куда привели? Прости меня, отче, отпусти душу...

— Я и не держу, сынок.

— Куда мне лучше пойти? Где тут спокойней?

— Смотри какой он, покой-то. На западе ты был. Спокойно там у вас?

— Нет.

— На юге так по мне делать нечего: суета сует, крики криками, на востоке — тоже не мёд, поле дикое, сам видишь — от них заслоняемся, спасу нет. Я бы пошёл чуть севернее, в Устюг. Люди там простые, тихо, светло, вот только комары там да холод. Хочешь, коня дам?

— Нет, не надо.

— Точно. Я бы пошёл в Устюг. Бывал я там мимоходом, по разбойничьим-то делам — жить хотелось, жить — вот и шастал...

— Ну что ж. В Устюг, так в Устюг.

— Увидимся или нет — не знаю. На Страшном-то суде всяко встретиться придётся. А если до того тебе что-то понадобится, ты только скажи, дай веснушку — всё сделаю.

— То, что мне нужно — не в твоих силах. А то, что тебе нужно — ты и сам знаешь, но не делаешь.

— Ладно, оставь уж всю эту мистику. Пойдём, провожу тебя. А может, поедем?

— Нет, пешком так пешком.

— А я вот без коня уже не могу — иногда два шага надо пройти, до соседнего дома, всё равно на коне. И ноги болят уже пешком... Постой, сынок, вот что, если достучишься в ворота-то, вспомни про меня, не забудь. Если увидишь её — не забудь, хоть словечко от меня передай...

— Передам, — Прокопий встаёт, отряхивает снег с подрясника, оборачивается, идёт вдоль засеки. Князь долго молча едет рядом с ним, потом останавливается. — Темнеет уже, — на том и поворачивает обратно, расстается с монотонно бредущим Прокопием. — Достучись, сынок, найди, найди...

19. Дурак

Капитан мнётся в передней дома. А отец его уже ждёт — слышал, что прибыл корабль, что сын остался там, что история какая-то произошла... В гостиной приготовлено множество всякой всячины для обеда, но отец из всей пёстрой снеди выхватывает бутылку, два стаканчика, кричит капитану:

— Пойдём лучше ко мне...

Капитан покорно, будто на казни, поднимается по лестнице за отцом в его комнату. Тот, подмигивая, плотно закрывает дверь, жестом приглашает за столик, быстро наливая.

— Ну что, это правда, или нет?

— Ты же меня знаешь.

— Не обижайся. Ну ладно, ладно, прости... Поехали!

Отец пьёт спокойно, как-то деловито, а капитан принимает порцию осторожно, боясь расслабиться, ляпнуть что-нибудь, пытаясь остановить отца, который разливает уже по следующей, тоже с целью, чтобы капитан действительно расслабился, ляпнул, если что не так, прикрывая всё лёгкой болтовней.

— Всё же я не пойму... Почему он так легко согласился пойти на службу к этому русскому? Чего ему тут не хватало? Баба, не иначе, ведьма какая-нибудь... Почему он не написал ничего?

— Молодёжь.

— Да, да, только бы всё сделать попрёк...

— Да некогда было. Мы только разгрузились, и — сразу же обратно, — капитан скован, говорит медленно, с паузами, ждёт, чтобы отец сам его перебил, но тот пока молчит, и приходится продолжать: — А товар он не стал грузить. Решил, что тебе с большой ногой это будет только обузой, лишняя нагрузка. Со мной расплатился — вот деньги, что он мне дал. Остальное он себе оставил, себе на жизнь. Сказал, что всё равно батя всё хотел вложить в меня — дом построить, и так далее... Так?

— Так-то оно так... Ну, дальше...

— Да дальше ничего. Сказал — невесту найду и приеду.

— Невесту? Их здесь не хватает... Ну, давай, не тормози, — вновь пьют и наливают. — Нет, тут что-то не так... — отец рассуждает как бы сам с собой. — А где ты-то был столько времени, если вы сразу же обратно поплыли?

— Ну, сам знаешь где... В Голландии.

— Нет, тут что-то не так. Когда ты собираешься снова выйти?

— Не знаю. Почкинки накопилось выше крыши. Не раньше весны, точно.

— Ну вот, в начале весны и пойдём. Нет, весной поздно. Сейчас сплавляем, и потом ремонтируйся сколько влезет.

— Да куда сейчас-то?! Куда! Там уже лёд кругом.

— Ну, корабль можно оставить не доходя, и — по берегу, по берегу...

— По берегу... Нет, говорю тебе. С твоей ногой?

— Ну-ка в глаза мне посмотри! Что-то не так. Давай по одной, и ещё раз, подробно. Вот вы пришли, вот встретились с князем, стали торговать...

— О, он молодец! Всё так удачно прошло...

— Ну и дальше? Вечеринка, обед, баня, гулянка, что дальше?

- Давай рванём ещё по одной?
- Думаешь, я дурак? Рассказывай, рассказывай...
- Нет, извини, ты не дурак...
- А кто дурак?
- Не знаю.
- То есть, ты хочешь сказать, что мой сын — дурак, как и я сам? Ну, скажи, скажи, что молчишь? Кто дурак?
- Давай выпьем...

20. Устюг

Прокопий, на ходу разговаривая будто сам с собой, подходит к городу.

— Сама ко мне прикасаешься, а говоришь «не трогай, души не касайся». А как не касаться? Дереву, и тому нужен ветер, чтобы вырасти сильным. Это только на бумаге есть части, отдельно её составляющие, как у дерева — корни, ветки, по отдельности они всё равно не дерево, так? Сказочки это всё — про части души, про то, как всё соединяется и изменяется, как смешивается свет с тьмой, и как осторожненько надо бежать между ними, как огибать несчастье и покояться в счастье... Всё равно, что идти на юг и глязеть по сторонам, и уговаривать, что пойдёшь когда-нибудь и на север... Покой всегда можно купить за тридцатник. За тридцатник обеспечен полный мёртвый штиль. И вырастет — уродство. Щёлкнешь в воздухе пальцем — и труп повалится, лучше бы и не вырастал... Идёт человек на север по земляничной поляне, а все говорят ему, что это сон. Но он же идёт — видит ягоды, чувствует запах, землянику он называет земляникой, зайца зайцем, цветок цветком, почему же он дурак? А, Светик? Если дорога мне говорит, что она — дорога, а деревья говорят, что они — сосны, ели, можжевельники, пихты, и здороваются, и пригибаются, чтобы пройти над ручьём, что не так? Если всё как на войне, слева — огонь, и справа — пропасть, и руки сражаются, а сердце молится, чем плохо, Светик? Или тебе не нравится, что я такой земляной, тёмный, смрадный, ем, как медведь, ягоды, и плохо, что волосы мои не замерзают, а руки не оттаивают? Я тоже иногда смотрю назад и вижу, что до удивления всё было правильно — насчёт того, что сейчас происходит, никогда этого не скажешь — а тогда всё было правильно. Или на юго-запад надо было? К папе, маме? А о тебе помнить, вернее, вспоминать, или не очень-то и вспоминать? Стать ещё богаче, жениться, завести детей? Правильней было бы? Ты же прекрасно знаешь, что...

- Эй, болван! Что тебе тут нужно? — Прокопий и не заметил, как вошёл в город.
- Что, уже Устюг?
- Устюг, Устюг... Сапоги-то где оставил? Раздели на дороге что ли?
- Ну что ж. Петь-то будет кто-нибудь в конце концов или как? Что-нибудь такое, наше, военное, боевое, про священную войну...
- Дурак какой-то. О дурак-то! — встретившиеся у городских ворот воины смеются. — Зырьте, зырьте... За ним белка скачет, и заяц. Дайте-ка прицелюсь! Ты что, а вдруг он колдун какой-нибудь? Ещё сглазит... Господи, помилуй...

— Ну что, воины, защитим землю? — Прокопий бодр и свеж, потом обращается к белке и зайцу, как бы отпуская: — А вы идите обратно, за разговор спасибо...

— Вон, гляди, лебедь летит! Зима уже, откуда он? Сейчас на озеро сядет, бежим... Успеть бы...

— Устюг, Устюг... Ну, покажись-ка что ли? Чем ты пахнешь? Бездельем вроде не воняет, пахнет стройкой. Зaborчик-то только-только окончили? Новенький, можно сказать, ёщё забор, новорождённый, агу? Что тебе сказать, младенец? Мир тебе, если возьмёшь его у меня... Ну что, поговорим о границах любви, пределах и отсутствии их, а?

21. Любек

Капитан с отцом поддали сильно, языки уже заплатаются, воздух в отцовском кабинете, как в винном подвале — и слова, будто крепкие пары, бьются о стены и повторяются, бессмысленные и бесполезные:

— Дурак. Во дура-а-ак... Верну — и убью.

— Убьёшь, точно, — капитан поддакивает. — Да... Я бы убил, пристрелил бы своих за такое.

— Ну он же самый настоящий предатель! Ведь он же меня предал, мать предал, тебя — тоже предал, дом родной — предал и продал...

— Точно. Это точно.

— Ведь не вернулся, не сказал: папа, мама, я на службу поступил, поучиться жизни, ну и что, что к русскому — князь он и есть князь. Я бы сказал: да езжай ты с Богом, сынок, бери всё, что хочешь. А он что? Написать мог?

— Мог.

— Написал?

— Не написал. Ни одной буквы. Ну, может, он не мог...

— Что у него, руки были связаны?

— Ну, может, слов не нашлось в голове. Побоялся.

— Тогда он трус. Мой сын — предатель и трус.

— Тогда трус.

— Но он всё же мой сын, или нет?

— Твой. Сын. Да.

— Тогда он не трус. Тогда он подлец.

— Подлец. Согласен.

— Но-но... Что ты говоришь! Кто подлец, мой сын?

— Ну, да. Ты же сам сказал.

— Кто? Я? Что ты мелешь. Он лучший из всех. Тебе бы таких сыновей! А то вон — сидят под маминой юбкой! Не вытащить!

— Это мои-то?!

— Да, твои!

— Да уж не такие, как твой красавец — увидел первую попавшуюся вертихвостку — и хвать её!

— Но-но... Это ты о чём?!

— Да о тебе и сыне твоём!

— Ну, ну?

— Что ну, что ну? Баранки гну! Что думаешь, он ангел что ли? Это же додуматься надо — у князя дочку увести... Тоже мне — любовь, любовь... Тыфу... А как начиналось-то всё хорошо...

— Да? Что ты понимаешь в любви-то! Только что-то не помню, чтоб ты мне говорил, что он хочет породниться с этим, он же — шальной, как ветер, князь-то...

— Хочет... Уже породнился! Уже так породнился, что роднее некуда! Не разнишь, не разберёшь...

— Так что же ты, пенёк трухлявый, молчишь!

— Что молчишь, что молчишь... Да то! Что князь своими руками у нас на глазах её — раз! — и в прорубь! Что молчишь, что молчишь...

— Что-что?!

— А что слышал. Ты вот своего сынка своими руками и сунул туда, научил этому — не порол, не вдалбливал, как надо себя вести — вот он и решил, что всё можно! Чуть не увёз её. Князь нас догнал, и даже слушать не стал — чик! и нету... Какой папаша, такой и сын...

— Врёшь, Иуда. Врёшь, сатана! — протрезвел отец, да и капитан вскипел по-настоящему:

— Это я Иуда? Я вру? Да такое соврёшь, пожалуй! У меня руки до сих пор дрожат, ночью просыпаюсь — трясусь, не знаю, где я, то ли в проруби вместе со всеми, то ли где ещё! В общем, сын твой, ты и разбирайся сам, моё дело — сторона. Он мне сказал ничего этого не говорить, ну не вышло, так не вышло. Все вы чиканутые малость... Да не малость, а совсем! У него девку на глазах утопили — а он вместо того, чтобы сбежать — остался. Идиот...

— Ты сам идиот! И дети твои — говнюки порядочные... Мой сын — вот настоящий немец, харя ты голландская... Если он нашёл в себе мужество остаться — значит, он не пропадёт! А ты — ну-ка давай, давай отсюдова!.. — отец вскочил, распахнул дверь из кабинета на лестницу, ведущую вниз, к выходу. Капитан встал, не очень твёрдо сделал шаг, другой, потом обернулся и прямо в лицо отцу процедил:

— Ну подожди, сосед! Ну, поплаваешь ты у меня! Захочешь, запросишься — я припомню этот разговор...

— Давай, давай, катись к своим боровкам, к своим каплунам ненаглядным...

— Да я тебя сейчас голыми руками! Да ты у меня!

— Что ты меня! Что ты меня! — отец с капитаном сцепились, но поскольку перебрали сильно, то никто не может одолеть — отец пытается его сдвинуть с места, вытолкнуть, выпихнуть на лестницу, но нет сил.

— Ну-ка, что вы там! В чём дело! — на шум появляется хозяйка и поднимается к ним по лестнице. — Здрассте! Набрались!

— Да ни в чём! — отец делает вид, что обнимает капитана, да и тот, испугавшись грозного тона хозяйки, тоже пытается изобразить, что они обнимаются по дружбе, хрюпая. — Ни в чём... Мы просто так...

Хозяйка поднялась к ним, подозрительно посмотрела, вытерла руки, готовясь что-то предпринять.

— Хари-то красные — вижу все. Что это вы тут делите? А? Нализались, уроды, сейчас я вам покажу...

— Нет, мы просто силой меряемся. Что, нельзя? Так ведь, сосед? Решили старое вспомнить, — отец с капитаном уже не решаются расцепиться и так и стоят, обнявшись, капитан тоже хрипит от волнения и страха:

— Так. Точно так...

— Ну-ка, пеньки старые, какой это силой вы тут меряйтесь, — хозяйка заглянула в кабинет, оценила, сколько опорожнено бутылок, обошла их кругом. — Что-то тут не так. Рожи красные, носы синие, а глаза... Что-то тут не то...

— Всё то, всё то, успокойся, не мешай! — отец так и держит капитана. — Не заводись ты... Немного переусердствовали, решили размяться, поазартничали... Ну что, ничья, сосед, так? — отец разжимает руки, капитан обиженно ворчит:

— Ничья... Какой я тебе соседушка... — но про главное, что нельзя сказать матери, молчит, а отец уже обнимает его за плечи:

— Ну, не сердись, не сердись, прости, воротник тебе помял... Что было? Ничего не было. Просто глупая шутка, так?

— Ну, так.

— Мы же не всерьёз...

— Когда-нибудь доиграетесь мне, гады... Допрыгаетесь... — хозяйка разговаривает уже почти беззлобно, но всё ещё что-то чуя. — Когда-нибудь застукаю вас вот так, вы у меня и останетесь навечно — как вмажу в сердцах!.. Не боитесь?

— Ну, золотая моя, остынь, «жена да убоится мужа»...

— Что, что!

— Всё, молчу. Поспорили чуть-чуть, у кого дети лучше. Ладно, согласен — у него лучше, уже не спорю, так ведь, капитан?

— Так-то оно так... — капитан, видимо, всётаки хочет что-то добавить, но отец обрывает:

— Ну и хорошо! Ты уж молчи, сосед, видишь — штурмовое предупреждение... Мы-то, мужики, в шутку можем, а они-то, бабы, всерьёз всё, всерьёз...

— Делать вам нечего, я смотрю, — хозяйка спускается по лестнице, разговаривая уже сама с собой: — Ну хоть бы по дому что-нибудь сделал, для семьи! Ну хоть бы съездил куда-нибудь, привёз чего...

— Ну, ладно, прости меня, серёзно, сосед, — отец поправляет капитану воротничок, — действительно, помял... Не обижайся... Хочешь — сам погладжу. Снимай прямо сейчас — я всё могу!

— Ну, нет, идти надо.

— Я провожу!

— Да не надо. Я не обижаюсь — сам ляпнул...

Внизу ходит хозяйка, прибирается, вытирает пыль, переставляет нехитрую мебель. Но всё больше ворчит под нос:

— Что-то мне это не нравится. Что-то тут не так...

Отец с капитаном спускаются, идут к дверям, но мимо хозяйки не пройти.

— Я скоро. До кума дойду — и сразу обратно... И что-нибудь сделаю...

— Сделает он! Иди уж, кровопивец. Палку не забудь, пятую ногу... А не то и до дому не дойдёт, гад одноногий... кто-то болеет, а кто-то работает за троих... И зачем это всё? — хозяйка, будто и не замечая их, закрывает за ними дверь, всё так же рассуждая с собой: — Про детей они спорили. Ну вот кому-то делать нечего... Так можно жить — нализались, потом подрались, потом помирились...

22. Капитанский дом

Настоящий его дом — корабль, а этот — временный, место передышки и прибежища, ограда не чинена, деревья растут вокруг вразнобой, во всём некоторое пренебрежение к земле, не то что на корабле, где всё начищено и блестит — это и дом, и крепость, и тюрьма, и родина, и последняя колыбель.

— Ты уж прости меня, старого бздуна... Не хотел я тебя обижать — я же по дружбе, старая ты калоша. Ты — хороший капитан, и сыновья твои хорошие. Вот, расчувствовался, как баба...

— Да, ладно... Я же понимаю...

— Ты как соберёшься, позови меня, я буду ждать. Только моей, сам видишь, ни слова...

— Да уж кому я что когда говорил...

— Как ты думаешь — найду его там?

— Честно? Не знаю. Ты прости меня — не уберёг я его. Это как шторм, только хуже. Только что был штиль — и на тебе! — не успел оглянуться, уже ни жизни, ни смерти, а неизвестно что. Я даже и пересказать не могу, что это было. А ведь не был я в Голландии — по Балтике болтался туда-сюда, шторма искал, чтоб хоть что-то помешало вернуться. Подлая натура — высказался, и — легче. Мне-то легче. А мои-то, ты прав, болваны натуральнейшие. Им — что Русь, что Голландия — один хрень. Только и мечтают, что потараканиться бы с девками, пока я плаваю, не молодёжь, а кролики какие-то. Приходишь, и не дом — бардак... Может, им поздно уже того, в море-то...

— Других-то у нас нет...

— Что верно, то верно.

— Нет, ты не переживай. Они у тебя хорошие, светлые. Возраст такой у них. Ты просто не видишь.

— Ну уж...

Опять сцепились и не могут расстаться, как два, выросших вместе, дерева.

23. На камне

— Эй, Прокошка... Эй, ты, урод вонючий... — к Прокопию, стоящему на своём камне, подбегают дети, дразнясь и задираясь: — Эй, это кто плывёт, а?

По реке поднимается против течения корабль, навстречу ему — другой.

— Это я плыву. Люблю плавать, и тех, кто плывёт за своей любовью.

— А это кто? — дети покатываются, толкают друг друга. — Слыши...

— Тоже я, — Прокопий благословляет и встречный корабль.

— Ха-ха-ха... Как же ты в разные стороны плывёшь! У тебя же штаны порвутся... Ой, уссусь от смеха... — один, постарше, всё же выделяется. Он — первый заводила этой забавы. Прокопий не обижается, сам улыбается, старается спокойно беседовать:

— А как вы одной ногой в ад стоите, а другой на земле Господней и святой? И не рвутся штаны?

— Ой, врёшь! Мы-то на земле стоим!

— Вы просто не видите, а у вас у некоторых ноги-то даже плесневеть начинают, на сердце — мёртвость, как пыль, и в глазах...

— Ах ты, дурак! А ну, хватит врать! Да что вы, ребя, его слушаете что ли! Ну, получай! — вожак озлился, взял в руки камень и кинул в Прокопия. Младшие попытались его остановить:

— Ты что, ему же больно!

— Ему? Он же на корабле плывёт — а это просто чучело на камне! Соломой набитое! Чучелу не больно! На-на-на!.. Катись отсюда, это наш берег... — вожак кидает, стараясь попасть побольнее. Младшие кто кидается в рёв, кто виснет на его рукаве:

— Что ты, с ума сошёл? Он же человек. Мало ли что он говорит — он же живой!..

— А ну отвяньте! Тоже хотите получить! А ну, отвяли быстро, я сказал!..

— Ты злой. Правду он сказал — ты уже по уши в этом...

— Так вы, сопляки, за него? Заступаетесь?

— А мне предки сказали, что он вообще — святой.

— Что же он тогда не светится, твой святой-то! Что же от него духом-то таким несёт?! Падалью...

— Сам ты и есть что ни на есть последняя падаль! Даже не жаль тебя.

— А мои говорили, что он колдун — нагрепил много, вот и замаливает. А ещё ворожит — кочергу наклонит, и земля не уродит. Это как?

— Сам ты... Как есть урод...

— Ладно, пацаны, айда купаться, — ватага разделилась. Кто поспокойней, отошёл в сторону, не принимая участие в споре, но главный разошёлся уже не на шутку:

— Если этот урод — святой, то пусть отклонит камни! Видите — раз! два! три! — мечет точно в Прокопия, как в цель. — Ну что? То-то... Всё в яблочко. Ну, чё смотрите? Чё вылупились? — все остановились и смотрят на него с каким-то удивлением, как на то, чего не может быть, не возражая, не думая чем-то ответить. Главный, поигрывая большим камнем, сплёвывает: — Ну, ладно. Сами вы уроды...

Но тут на верху берегового откоса появляется Симеон. Увидев издалека, что происходит, он срываются вниз, бежит, крича на ходу:

— Эй, пацаны! А ну кыш отсюда!

Мальчишки, как зайцы от коршуна, бросаются от Симеона врассыпную, и отбежав подальше, некоторые кривляются, дразнятся, но Симеон уже не обращает на них внимания, подбегает к камню, касается его рукой, пытается отдохнуться.

— Вот бандиты... Запомню я вас... Ты как?

— Я-то? Всё хорошо, всё хорошо. С утра помысел был, такой чёткий — будто птица летит по небу и за собой след оставляет, как облако — «может, к Варлааму в Хутынь сходить, проведать его».

— Ну что, пойдёшь?

— Если через год будет такой же помысел, пролетит так же, как птица с севера на юг, то пожалуй, подумаю ещё годик. А там, может, и схожу...

— А что эти хотели от тебя?

— Дети-то?

— Да уж, нашёл детей... Разбойники, бандюги, только ещё маленькие. Как отцы их. Если так пойдёт — такие же грабители вырастут...

— Дети они и есть дети. Это ведь мои. Наши, точнее.

— Да которые из них ваши?

— А все. Все хорошие. Видишь, какие живые — не тонут, не хнычат, не боятся ничего. Все хорошие.

— Хорошие-то они хорошие, пока маленькие...

— А ты, Симеон, что, жениться не думаешь?

— Нет вроде, не знаю. Хотя, была мысль, но как воробей — фьють! А ты откуда знаешь?

— Сам сказал — птичка пролетела, только не воробей, синица. Вот я и увидел. Подожди ещё чуть-чуть. Не пришло время. Придёт — увидишь, как мелькнёт она, птичка-то. Только не торопись. В этом деле торопиться нельзя. Но и медлить тоже.

— Постараюсь. Я вообще-то, по делу, хотел одну вещь у тебя спросить.

— Ну, спрашивай.

— Читаю вот книжки, которые ты мне посоветовал. Василия Великого, потом... Ну, всё подряд. Читаю, вроде всё понятно. А как оторвусь, не пойму. Например — как это мир за шесть дней сотворён? И зло в нём откуда?

— Я и сам не понимаю. Это для понимания, может, и не годится. Василий что говорит? Нету источника зла в Боге, а я — как он, даже искать его не буду. Нет тьмы никакой. Говорится о мраке под ногами Его, но это говорится о любви. Ещё говорится о дне Господнем, который придёт, как мрак. Но это не ничто, обозначаемое тьмой. Её в Истине нет, и близко нет. Будешь сомневаться, искать — и не найдёшь. Но только это не полезно — станешь как кисель, как болото, лишишься духа. Лучше поискать свет. А? Но тоже не всякого — сатана, он же бывший ангел света, и эта тёмная личность о нём, о свете, знает лучше тебя. И подсовывает обманки, огоньки, заманивает. Надо не ошибиться, а как? Вот смотри, осторожно — о сотворении мира так сказано, чтоб разум твой споткнулся и блукнул о камень, потому что он слеп. И чтобы ты смотрел не разумом, а верой — и чтоб она в тебе воцарилась, не просто была приживалкой — нет, чтоб хозяйничала, светлая и красивая, как жена. И разум — у неё в советчиках, а не наоборот. А то он залез на её место, расселся — вот я какой! А если ты совсем уж так крепко ищешь Боговедения, как говоришь — то иди тогда в монастырьке помыкайся, и ещё дальше — в скиту... Оттуда-то, может, и возвращаться не захочется, как только общения вкусишь. Вот только зазря туда ходить не стоит. Или — залезай ко мне. Зачем тебе жена-то?

— Всё шутишь.

— Да шучу, шучу. Места тут мало. А то вдвоём легче отстреливаться, а? Будешь мне камни подавать, а?

— Да ну тебя...

— Ну, ладно, ладно, я же так... Потерпи — будет тебе и помысел, и жёнка что надо... Будет тебе и возможность действовать, и повоевать, и детей будешь нянчить, да ещё каких!.. Только не скаки пока.

— Уж как не скакать. Тебе-то хорошо. Ты-то вольный. У тебя-то покой на душе...

— Правда?

— Конечно.

— А ты, значит, не вольный, занятый...

— Не знаю. Будто держит что-то...

— Ты ещё мягенький, как глина — попал в печку, в обжиг. Отвердеешь, в слове отвердеешь — будет тебе и сладость, и полнота, и свет. Только надо иметь мужество не окаменеть, я не об этом говорю. Надо быть твёрдым и нежным, чтобы сберечь её, любовь-то. А без неё...

— ...всё ничто, знаю.

— Настоящее-то знание не в знании.

— А как же тогда спасаться? Вроде уже всё ясно, и знаешь, и границы есть — и вдруг опять всё плывёт, и никаких пределов — сплошная загадка! Вот — улыбаешься! Смешно... Ну что смешного? Конечно, хорошо тебе о любви-то говорить...

— Это не я смеюсь, а ты. Я в тебе смеюсь, а ты смотришь на себя из меня. И свобода — от движения души по краю, кажется, между светом и тьмой, «а никакого края нет, шепчет разум-то, пропасть между ними, никакого общения» — смотришь, правда, мрак под ногами, а не край, от которого ужас на душе, и от её движения — непонятно, приходит свобода...

— Ох, какой я дурак!..

— А я, ты бы знал...

— Ну всё, пора бежать на службу.

— Ну, беги, раз пора. Прости, если что — я старался попонятней... Дай обниму что ли тебя.

Прокопий медленно сползает с камня, осторожно обнимает Симеона, целует его в плечо, благословляет его, когда тот уже бежит быстро в гору.

24. Рыночный день в Гамбурге

Отец с матерью выезжают с рыночной площади — повозка нагружена, скрипит, отец морщится, наконец, спрыгивает, останавливает повозку, ковыляет по мостовой вокруг, осматривая, которое колесо так раздражает, потом машет рукой. Мать, думая, что он только хочет избавиться от шума, сидит спокойно, осматривает покупки, что-то прикидывает, но отец берёт узду лошади и вяжет к ограде.

— Ты что? Куда?

— Пойду, загляну к епископу.

— Зачем?

— Попрошу денег, чтоб взять товар.

— Я тебя не пущу, даже не думай. Куда это ты, одноногое существо, собрался, а?

— Ну просто сходить, поговорить-то можно? Сама же тараторишь с утра до вечера — чудо, чудо... Кто ёщё тебе его даст, это чудо-то, если просить не будешь?

— О чём поговорить? О чём ему с нами говорить? Он кто тебе?

— Он? Не знаю кто. По всему выходит, должен быть и слуга и родной: хочешь быть первым, будь последним... но кто на самом деле — не знаю.

— Вот. Тебя послушать — все только и должны думать, как только о нашем сыне, да о тебе. И его точно так же воспитал. И он там как раз из-за этого и

остался. А ты дурью маешься. Хотя сам, сам, своими руками... Думаешь — он пожалеет тебя? Ты сам-то хоть раз в жизни кого пожалел? Нужен ты ему... Была бы я мужчиной...

— Ты женщина, — отец спокойно снимает с одежды несуществующие пылинки, ждёт возможности уйти.

— Да. Я-то всего лишь баба. Да зато и ты не мужик! Настоящий-то давно бы уже сделал что-нибудь!

— Ну что? Что бы сделал настоящий? Что?

— Не знаю.

— А я знаю. И не мешай.

— Как же, знает он...

— Ты остановишься когда-нибудь?

— Нет, нет, нет...

— Ну тогда продолжай верещать в том же духе, а я пошёл. Нет, нет, нет... — передразнивает её, всё же уходя.

— Да иди куда хочешь! — сама слезает с повозки, идёт за ним в отдалении, подходит к воротам епископского дома, но останавливается и ждёт.

Отец побывал внутри недолго, вышел, стоит, молчит. Мать, уже поостыяв, не решается его спросить ни о чём, ждёт, когда он заговорит первым, видит, что отец никакой — не сердится, не радуется — и он не выдерживает:

— Стоишь?

— Стою. Ты уж прости меня. Не знаю прямо, что такое нашло. Ну как?

— Да никак.

— Не дал?

— Нет. Ничего не дал. Завёл разговор о Литве, о Польше, учёный...

— Что же будем делать?

— Не знаю.

Стоят оба, понурившись, у повозки, как лошади — опустив головы, тыкаясь пальцами в ворох накупленных никому не нужных безделушек. Тихонечко, почти на цыпочках, подходит нищенке:

— Возьмёшь меня?

— Ну вот, тебя не хватало. Иди, иди... — отмахивается отец.

— Возьми меня.

— Ну что ты, дурочка, отстань... Что тебе нужно? Вот, кстати, жена моя.

— Я знаю. Возьми меня. Я богатая.

— Ну и дура ты всё же... — отец с раздражением смотрит на неё, переглядывается с молчащей, тихо роняющей слёзы женой.

— Я не дура. Я очень, очень богатая. Ты бедный, и твоя жена — вы бедные.

— Ну разве это жизнь! Что это такое! — отец аж стукнул по возку, так, что испугались лошади, посмотрел вверх, выше епископских окон, в небо. — Ну что...

— Возьми меня.

— Вот привязалась... Слушай, ну-ка успокойся. Постой здесь с ней, я на минутку! — вручает плачущую жену нищенке, сам бежит вслед какому-то прохожему: — Эй, эй, капитан! Ты что тут делаешь? Постой!

Капитан, услышав знакомый голос, остановился, ждёт, когда его настигнет быстро ковыляющий отец.

— Я что делаю? Вот, с ремонта выхожу.

— А я вот... — отец запыхался, схватился за грудь. — Я вот... Здесь... По делам. Так ты что это? Всё в порядке?

— Ну, да. Пора впрягаться, а то честно говоря, уже почти на мели.

— Ну ты... Слушай... Вот что... Товара сейчас у меня нет... Но потом будет... А ты... Ну, в общем... Может, возьмёшь меня, да мы быстренько туда-обратно, в долг, сплаваем, а? Только туда и сразу сюда... А потом я тебе отдам...

— Ты что? Ты туда всё же хочешь вернуться? Ну, нет...

— Слушай, возьми меня. Ну найди что-нибудь, груз какой-нибудь, в Норвегию, в Финляндию... А меня по пути высадишь, ну а на обратном — подберёшь. Это совсем небольшой крюк...

— Крюк он всё равно крюк.

— Ну, я понимаю, понимаю... но ты же меня знаешь. Вернёмся — я отдам. Сейчас просто такое положение. Ну, ты же понимаешь, у тебя же двое... Возьми меня, а?

— Ну что ты со мной делаешь?

Стоят долго, молчат, отец не знает, что и сказать — всё сказано, всё ясно. Капитан пыхтит, будто ворочает камни, потом не выдерживает:

— Ну, ладно. Всё равно я хотел попробовать чуть-чуть покуыркаться после дока-то. Не всё ли равно как кувыркаться. Ладно, сплаваем...

— Я буду должен, буду должен. Ну что, плывём?

— Сейчас??

— А что тянуть? Я готов. Мне ничего не нужно. Вон — жена моя. Я только ей скажу — и готов.

— Ну, знаешь...

— Всё-всё, уже бегу! Даже не думай!

Отец быстро бежит к жене, говорит ей пару слов, и уже бежит обратно. Капитан, раздосадованный своей мягкостью и жалеющий о вырвавшемся невольном слове, ещё не успел прийти в себя, а отец уже здесь:

— Всё. Я здесь. Даже не думай... Вот только зря я покушал, но у меня есть средство от старческого бздежа... — звенит в кармане бутылкой.

— А приметы?

— Мы по чуть-чуть, только заполируем для гладкости ремонт твой... И всё.

25. На паперти

Поздним весенним вечером из храма со всенощной выходит несколько женщин, но внутри ещё поют. Одна из них подходит к Прокопию и, не церемонясь, протягивает ему кусок пирога:

— На, деточка. Пойдёшь со мной — ещё дам, а? Почему я раньше не обращала внимания, какой ты красивый? Ты откуда?..

— Это же для котика.

— Нет, это для тебя, какой же ты котик. Ты вон — стройный, крепкий. Чуть умыть, переодеть...

— У тебя котик в глазах.

— Нет у меня никакого кота! — женщина чуть рассердилась, но всё ещё при-

ветлива: — Собака у меня для охоты. А котика нет — муж не любит, вот и приходится собаке мышей да крыс гонять. Я и отучилась от котов... На, на, возьми...

— Котику отдай.

— Да какому ещё котику! Коты такое не жрут — это же всё постное. Ты не думай — ни капли молока и масла...

— Который под яблонькой сидит...

— Ну, бабы, точно — дурной... — растерянно оборачивается к товаркам. — Домой же не понесу... Зима ещё не кончилась — какие уж тут яблони!

— Ты о нём и молилася...

Бабёнка вспыхнула вся, раскраснелась:

— Бабы, да не слушайте его...

— Сама на веточке сидела, мурлыкала, а он внизу ходил...

— Ну всё, чё встали, айда домой! Темнеет-то как быстро...

— Слушай, — одна сообразила, — а про кого это он? Уж не про Ваську ли моего рыжего?

— Какого Ваську! Какого Ваську! Я те дам Ваську!

— Ваську какого? Моего, с мельницу... Он чистый котяра. И муки вчера обещал принести с мельницы, да что-то не донёс...

— Что ты мелешь сама-то? Что ты видела?

— А ты что же на меня кричишь, а?

— Да ну вас всех!

Бабы, окончательно рассорившись и растеряв и так небольшой мир между собой, разошлись уже по отдельности, разбежались порознь, не прощаясь. Прокопий с сожалением, что послужил причиной всему этому невольному разрушению маленьких мирков, мирочков, вздохнул, опустил голову, упёрся взглядом в грудь, и так и сидел и вздыхал, пока его не остановила девушка, легко выпорхнувшая из церкви, тоже протянувшая ему кусок пирога:

— На.

Прокопий очнулся, взял сразу, даже с некоторым почтением:

— Я ведь возьму... Что, кончилась наша служба на сегодня? Завтра снова в бой, а?

— Да. Всё...

Долго молчат. Прокопий неторопливо ест, девушка с любовью смотрит, не зная что и сказать, будто кормит старшего брата.

— Нда...

— Молчание — лучший разговор.

— Точно...

Прокопий откусил ещё кусок, она помогла отряхнуть ему крошки с бороды, он кивком поблагодарил.

— Вот... Что-то мало народу-то было.

— Как мало?

— Да мы вдвоём и были. Нет, ещё Симеон, но этот всё в небе витал.

— Как же так! Вон одних баб сколько стояло.

— А, эти... Те, что маслом забежали помазаться? Одна в хлеву навоз неубраный всё сгребала, другая деньги плохо припрятала, всё ёрзала, третья с мужиком время провела... Мы вдвоём и были. Да ещё Симеон. Но он всё мистики какой-то ждал, сутился сегодня.

— Как же так?

— А вот так.

— Что же делать? Они хорошие, хорошие, только у всех забот много... Что же ты не доедаешь? Кушай. Я за пазухой держала, так он немножко развалился. Что же ты? Ну что ты? — девушка присаживается перед Прокопием на корточки, смотрит ему в глаза. — Такие большие разве плачут? А?

— Всё как прежде: в церкви — как в моём теле, всё болит и никакой надежды...

— Что ты такое говоришь, родненький?

— Это не я.

— А кто же?

— Это друг мой. Хотел бы я так сказать, да не умею.

— Кто же твой друг?

— Василий Великий, кто...

— Хорошо же иметь таких друзей. Я бы, если бы замужем не была, может, так же хотела бы, рядом с тобой, дружочек ты мой, или в монастырь пошла... А не то, действительно, совсем что-то не по себе. Из Москвы идут — грабят, из Новгорода — тоже грабят. Да и наши всё это перенимают — вот опять куда-то стали собираться. И мой тоже...

— Тошно тебе не поэтому.

— А почему же, родненький?

— Потому что постишься, а нельзя.

— Так ведь пост.

— Пост, да не для тебя.

— Почему? Все ведь должны поститься, весь народ.

— Это Ева должна была поститься, а тебе — грех сейчас.

— Ну ты опять это, блажишь...

— Сама увидишь через восемь месяцев.

— А что будет через восемь месяцев?

— Что, что... Сама должна знать — не что, а кто. Девочка.

— Девочка? Шутишь?

— Ну, да. Ты же девочку хотела? Вот и будет вам девочка.

— Откуда ты всё знаешь?

— Это разве всё?

— Для меня всё. Почти всё. Я сама-то ещё не уверена была — сомневалась: вдруг мне кажется? Что-то вроде смутно мерещилось...

— Девочка, девочка. Кто же ещё! Так что никакого поста. А ты хотела в монастыре спрятаться. Девки боевые тоже ох как нам нужны! А то кто воинов-то настоящих рожать будет? А ведь есть ещё и князья, и епископы... Не эти же вертихвостки. Девчонки нам нужны! Вот такие, наши, настоящие. А то скоро совсем опустеет земля-то, вот тогда и придут, и захватят тут всё. Когда «оскуде преподобный»... Вот только мужа бы ещё ей хорошего...

— Ну что ты говоришь? Забрался уже и до мужа...

— Что есть, то и говорю. Так что доставай колбаску, рыбку — и вперёд, в бой! Даже не думай...

— Мужу-то как, сказать или нет?

— Что ты меня спрашиваешь, вот бестолковая! А ну отойди от меня! Это же муж твой! Что я тебе скажу!..

— Ну, не сердись, не сердись, дружочек. Скажу, скажу... Он-то обрадуется, конечно, или расстроится — они же хотели торговать ехать, с этими, как их... Ну здесь вот, чуть вверх по течению... Слово вылетело.

— В тайгу, в парму, к зырянам. Ну, это рядом, это хорошо, они мирные, это тебе не Германия. Ну и пусть спокойно едет, народ они хороший, никого не трогают. Он там тебе рыбок наловит, больших-больших, красных-красных...

— А ты откуда про Германию знаешь? У тебя там тоже друзья?

— Про Германию? Про какую Германию? Ну ты и болтунья — и я с тобой...

— Как про какую! Сам же и сказал. Говорят, страна сильная. Люди там — ох, уж светлые головы! Живут красиво, не то что мы — тут и сгниём в болоте, как пеньки...

— Кто же так говорит?

— И муж, и дружки его, да и не только они, почти все...

— Ну вот. Ну как вы устроены — всякой болтовне верите. Как кукушки, — всё бы летать, да глазеть по сторонам. Что там делать в этой Германии, хотя бы она и на самом деле была такая, а? Ну скажи мне!

— Не знаю. Говорят, они хотя бы крещёные, не то, что эти, в лесу — вроде и рядом, под боком, а страшно. Вдруг чего... Думается же всё равно...

— Как это вдруг чего! Ты это брось — вдруг чего. Здесь кругом — наша земля! И наши люди! Болтаешь не знаешь что, хоть и красивая, а птица — чирикаешь, выбалтываешь всё... От этого надо лечиться — колбаской, творожком, рыбкой, вином разбавленным. А будут такие мысли пролетать — пусть летят — повернись на другой бок, полежи. Не выходит — ещё капельку вина, оладушку с маслом. О чём ты думаешь-то! Не гонись за ними, поближе посмотри, что внутри у тебя. Там такие же страны, весь мир — ты только посмотри, какая красота. Если бы не девчонка твоя, то и пост был бы тебе к лицу, и по естеству необходим тебе, потому что при нём красота твоя, как ты сотворена — выступает вперёд, и как бы крылья получает. А ты гнить собралась... А раз уж девицу носишь, важную и пузатую, — так уж будь добра, украшайся по-другому. Кушай котлетки, да о пустом не думай. Она у тебя есть просит — так ты ей туда кинь кусочек повкусней, и мёду, и рыбки, и конфетку... Всё надо по чуть-чуть, в меру, это же ребёнок, девочка, лысик такой маленький, пухленький жирнундинчик, комочек сладенький... А ты о чём думаешь?

Девушка поражённо слушает Прокопия, смотрит на него как-то по-новому:

— У тебя что, тоже где-то дети остались? Убили? Новгородцы, московцы?

— Сейчас уже не разберёшь: отец мой — ребёнок, а я — старик.

— Ну какой ты старик!

— Ну всё, матушка. Будет болтать-то. Значит, поняла — лечись рыбкой, рыбкой, и колбаской...

— Ну я только ещё одну вещь спрошу, малюсенькую, можно? А, правда, тебя Камбилой звали, а наши уже переинчили в Кобылина как постригли? А?

— Я думал ты другое что-то хочешь спросить... А ты опять о глупостях...

— А может, к нам пойдём, а? А то я себя знаю — мне без тебя через пять минут будет скучно уже, и при тебе бы я ему сказала... Что молчишь?

— Я Симеона дождусь. Жениха.

— Да уж, на Сёмку-то наши глаз давно положили, разбойницы-то. Ладно, побежала я, да ведь не хочется. С хорошим человеком всегда хорошо поболтать... Почему не все такие? А ты мне так и не сказал...

— Беги, беги. Ноги, смотри, береги. А Симеона этим кошкам не отдадим.

— Расставаться не хочется...

— Я тебе дам! А ну, бегом! Чтобы девка была — как огонь! Поняла?

— Постараюсь, родненький.

26. Новгород

На одном дыхании перемахнув Балтику, реки, озёра, капитан с отцом вступают в город, но не совсем обычным своим образом — без большого обоза, без многочисленных шумных спутников, вдвоём. И ведут себя тихо, шепчутся перед княжеским крыльцом:

— Добрались.

— Комаров-то покормили. Эй, слушай, человек, где князь?

Прохожий дружиинник хмурится:

— Да с дружиной обедает.

— Обедает? Очень хорошо. Когда человек обедает — он добреет. Я когда высплюсь и поем — сразу тянет дать кому-нибудь взбучку — жене, торгашу какому-нибудь... Как раз мы к столу...

— Ничего хорошего... — дружиинник смотрит в землю, видно, и сам хочет выговориться: — Хорошего ни капли. Он там выволочку всё нам делает. Своих же свои и постреляли.

— Ну, это бывает по случайности. Что там долго ругать. Ну, куда же идти?

— Лучше бы вы подождали всё же.

— Нет. Некогда. Веди.

— Ну, я предупредил... — вздыхает воин, ведёт их за собой, и открывает дверь в трапезную, вводит их туда. В трапезной гробовая тишина. Князь сидит во главе стола, в каком-то окамененном безмолвии. Тишину нарушает стоящий глава отряда, хрипло с большими паузами выдавливающий из себя слова:

— Ну, значит, тово, не иначе — сглазили... Не иначе наколдовал это всё кто... Недоверки эти устюжские... Взяли мы, значит, товар... Возвращаемся. Торопимся, подустали. Вроде день, а туман. Не видно ничего. Близко уже к Устюгу. Мы хотели до темноты, чтобы проскочить, да только туман этот. А там мель большая, и ещё остров посредине, как назло. И стали спорить...

— Остров сам вырос? — князь обронил слово, начальник отряда вздрогнул, покачнулся, чуть не упал на стол с нетронутыми закусками, но устоял, продолжил выдавливать сквозь пересохшее горло такие же высохшие слова:

— Нет, остров там всегда был... Значит, стали мы спорить — одни говорят, пойдём слева от острова, другие — справа. Ну, значит, не договорились, они пошли слева, мы — справа, времени-то нет спорить, хотели до темноты.

— Кто они? — вновь обронил князь. Начальник дёрнулся, как от удара, облизал высохшие губы, лихорадочно задёргался — что сказать:

— Кто они? Ну, наши, кто, свои... Заспорили мы — одни говорят: слева

острова идти надо, другие — справа. Ну, в общем, разделились. Идём каждый по своему рукаву. А эти-то, выб...дки устюжские, ну в общем, между нами, клином, тихо просочились в тумане, засели на острове, и как заорут! И как стали стрелять стрелами!

— Попали в кого?

— Да вроде нет. В тумане-то кто разберёт. Ну, мы в ответ, они — нам. Мы опять в ответ, и так плотно стреляют — многих поранили, почти всех, и мы у них...

— У кого?

— Ну, у них, у тех, кто стрелял.

— А кто стрелял?

— Ну и наши тоже. Ну, мы же не думали, что это наши там по нам так лупят.

— Как же вы разделились и не знали? И ведь ещё оправдываетесь теперь — это же ещё хуже.

— А кто там сообразил бы, что эти уроды устюжские хитростью нас возьмут и столкнут? Они же закричали и выстрелили первые, враги, из тумана — а кто там, не видно... Когда сообразили, что мы своих же метелим, пока разобрались с ранеными, да с теми, кого в суматохе с той стороны из своих мочканули — они вскочили из засады, ну и половину товара под шумок и утащили... А мы почти все раненые, даже и сопротивляться-то не смогли... Хорошо, никого не убили насмерть, прибили пару человек не до смерти, с лодок повыбрасывали — и товар взяли...

— Ну, а дальше?

— Что дальше? Вот и всё.

— Что всё?

— Ну хочешь, пойдём, сожжём их там всех!

— Да, вы уж жечь мастера... Как жить-то дальше думаете? На что?

— Прости уж нас, княже, прости, а? Мы и сами не рады. На душе тошно — ведь своих же и мочканули, вот что обидно...

— Нда... — князь долго молчит, дружины все повставали, как провинившиеся пацаны, ждут. Князь заметил отца с капитаном, мрачно поприветствовал:

— А, это вы... Вот видите — нету у меня сегодня товарчика, нету. Разве что штаны бархатные с этих вояк поснимать...

— Да мы не за товаром, — отец осторожно приближается, чтобы поговорить с князем о своём деле не во всеуслышание.

— А зачем тогда?

— Сын у меня. Сын.

— Сын? Ах, да, сын.

— Ищу его. Он же тут остался.

— Нет его тут.

— А где он?

— Ну, ты интересный старик... Откуда же я знаю — где. Я не ясновидящий. Хотя своих в тумане отличил бы, — князь говорит это с нажимом, обращаясь к дружине, те молча кивают, стоят. — Нда... Меняются люди — одни в лучшую сторону, другие — в худшую. Не сожжёшь вот такой городишко — и на тебе, уже банду сколотили, и вот воюют уже, сопляки. Нда... Всё меняется. Прадеды наши ещё резали их, как овец, сыновей-то и дочерей, перед болванами деревянными, а ты — сына приехал искать... Народ мы немощный, сами потеряли себя, где уж нам

за человеками смотреть... — князь последние слова говорит погромче, начальник отряда да и многие другие совсем уж утыкаются главами в грудь от стыда.

— Отче, не жалоби, не стыди, стыдно и так...

Но князь уже отвернулся.

— Ну чего ты так расстроился-то, батя?

— Так ведь сын...

— Сын. Понятно. Хороший у тебя сын. Пойди, поищи его у этих, в Устюге. Только не через нас — с нашими-то делами общими. Или хочешь — дружины моя пойдёт с тобой? А? Что, пойдём, братцы?

— Пойдём, пойдём, прости нас, уж мы этим козлам дадим жару, мало не покажется... — дружина ожила, заволновалась.

— Нет, так, с мечом, я не пойду, я лучше один, — отец даже немного испугался, настойчиво повторяя: — Один, только один...

— Одного поймают, как зайца, да и всё. Кто там разбираться будет? Тебя же никто не знает... — князь критически с ног до головы оглянулся щупленьского, с палочкой, отца. — Разденут как липку. Наша школа.

— А как ещё тогда, посоветуй?

— Иди лучше со всеми своими по реке. Через Белое море.

Капитан присвистнул:

— Это же круг ого-го...

— Так и мы не близко, разве нет?

— Да, не близко. Но это в четыре, в пять раз длиннее, а напрямик — рукой подать, — капитан испуган, смят в своих расчётах.

— Рукой-то подать... Если она с дубинкой хорошей. Обождите, — князь отворачивается от отца с капитаном, встаёт. — Ну что, трапезу закончим? Что, расслабились, братцы?

— Расслабились, отче, расслабились... — дружины кивают, но уже не так уныло, даже как-то радостно принеся покаяние.

— Не подумали как следует? Повелись на гнилой душок?

— Не подумали, повелись...

— Головы-то закружились?

— Закружились.

— Ну, ладно. Трапезничайте с Богом, отдыхайте. Завтра поутру подумаем — может, в Киев вместе махнём, а может, вот к этим, мягкотельым, в гости... — кивает на капитана с отцом. — По последней. Чтоб бить только чужих, да не издали в тумане, на звук, лицом к лицу! А своих беречь.

— Грешны, каемся, здоров будь, — дружины пьёт, крестясь, чокаясь, почтительно кивая князю, некоторые даже со слезами. Все идут из-за стола, собираясь оставить князя наедине с гостями, но князь напоследок приказывает:

— Еду-то и вино с собой возьмите, братцы, там поедите, а не то, я смотрю, в рукава сүте...

Когда все уходят, князь совсем оттаивает:

— Это хорошо, что есть куда идти, отцы... Мне вот некуда идти. Вот что плохо. А вам, хоть кругом, хоть в пять раз длинней, да всё прямо... Или хотите — берите моих разбойников благочестивых, и в бой. Они у меня все хорошие. Дурака свалили — так это просто расслабились. А сейчас как раз, обиженные-то, бодренькие-то, вернутся с вами да наваляют устюжским-то мудозвонам вчерашним...

— Нет уж, мы потихонечку, кругом...

— Ну тогда с Богом, отцы, с Богом. Правда — хватит воевать-то. Правильно, что ничего не привезли. Устал я что-то сам воевать. Или оставайтесь, поживите, можете в Хутынский монастырь сходить — там старец прозорливый, всё вам скажет. Но я-то знаю — он там. Там он, голубчик...

— Ну, пойдём мы тогда, всё ясно.

— Да, да. Нет, постойте. Вот — сказать что-то хочу, а сам не знаю что. Может, что-то надо вам? Мёду, воску, хлеба? Сейчас самый медосбор начнётся...

— Нет, нет, ничего не надо...

— Да погодите отцы, не торопитесь. Вот, если найдёте, отдайте ему, — князь торопливо достаёт из-за пазухи бережно сложенный свёрток. — Он поймёт. А еды вам погрузят. И даже не думайте отказываться — обижусь. Главное, отдайте ему. Я уж так... Что я... Я такой же отец... Ну вот, отцы, всё. Ничего не осталось. Идёмте, я вас провожу...

Князь встаёт, идёт первым на двор, капитан с отцом, кажущиеся рядом с ним действительно маленькими старичками — за ним. Отец чуть медлит, отстает, рассматривает свёрток, расправляет — это не до конца вышитая зелёная ветвь.

27. Устюг

Прокопий ходит от двора к двору, стучится осторожно в ворота или дверь. Если не слышат — скребёт оконную раму.

— Кто там?!

— Гроза будет.

— Да иди ты, дурак! Делать нечего. Сами знаем — вон как парит-то, я вся мокрая...

— Будет гроза.

— Ну и что?! Пошёл ты... Гроза будет... Да и хорошо — пора бы уже полить-то, всё сохнет, не растёт...

— Будет гроза, покайтесь.

— Ты что, тупой? А солнце садится — что делать? Акафисты читать? А комар на нос сядет? Псалмы?

Прокопий идёт по улице, методично обстукивая подряд каждый дом, будто почтальон. Он подходит к дому, в котором живёт красивая женщина, пытавшаяся угостить его пирогом, собирается так же тихо постучать, но она уже вкрадчиво откликается:

— Кто там?

— Гроза будет.

— Так заходи, переждёшь у нас. Вернее, у меня — моего-то что-то нету...

— Будет гроза каменная.

— Бедненький, небось забыл — что это такое... Я сама настоящая гроза...

Только вот не каменная, помягче, да послаже...

— Я не шучу.

— Ох, боюсь я. Такая я боязливая, ужас... И защитить некому... Только не дура, нет, не дура — про камень-то, кто первый его бросит — читала, знаю... Так что, зайдёшь? А то боюсь я одна этой грозы.

Прокопий отрицательно качает головой.

— Ну, иди уж, дурачок, раз счастья своего не понимаешь... Все ведь так живут — посмотри, все... Камни некому бросать, кто без греха?

У дома беременной девушки то же самое — Прокопий собирается постучать, а она уже вышла навстречу.

— Привет, собирайся, гроза будет.

— Куда собираешься?

— А ты как думаешь?

— Не знаю. Опять ты загадками говоришь.

— Это что у тебя? — Прокопий тыкнул осторожно пальцем ей в тугой живот.

— Сам же говорил — девочка. Или нет?

— Я про побрякушки, про камушки, — теребит поясок с серебряной красивой пряжкой.

— А, это... Это муж подарил. Они же там много взяли.

— Вот я тебе и говорю. Гроза будет.

— Так они же никого не убили, даже не ранили. Он мне поклялся. Те, дураки, сами своих постреляли. Наши-то даже никого не тронули...

— И ты тоже?

— Что я? — встревожилась девушка.

— Серьги-то вынь из ушей.

— Да о чём ты говоришь-то? — проводит пальцами по ушам, где нет и не было никаких серёжек.

— О золотом тельце, ядущем траву. Кто он такой?

— Не знаю. Сам говоришь — телец. Телок, наверное...

— Он у тебя в ушах. Поймёшь — придёшь. Не поймёшь, сердце ёкнет — прибежишь. Не шевельнётся ничего — не найдёшь меня. Я пошёл.

— Ну, иди. Ничего не поняла.

Прокопий, обойдя все дома, идёт в храм, открывает ворота — он не заперт, но пуст. Осторожно входит внутрь, встаёт перед иконой Божией Матери, начинает молитву. Через какое-то время осторожно в створ дверей проскальзывает Симеон, потом беременная. Прокопий читает, они шёпотом повторяют, крестятся. Входит ещё несколько человек, присоединяются к молящимся.

Вполнеба медленно надвигается чёрно-каменная туча, впереди низко и очень быстро бегут маленькие серые облачка, будто волны, рассекаемые огромным кораблём. Первый проблеск молнии, первое содрогание земли, первые капли — одновременно с ними с иконы тоже падают первые маслянистые капельки. Прокопий толкает Симеона локтём, тот замечает это, вскакивает, бежит куда-то в ризницу, возвращается с сосудиками и ставит под места, где каплет масло. Когда кончается молитва, беременная осторожно подходит к Прокопию, который сам от усердия весь мокрый, весь в капельках пота. Он берёт скляночку, мажет ей лоб, чрево, тем временем она снимает поясок, кладёт его на пол, в сторонке. Остальные женщины поступают так же со своими украшениями, снимают их, кто с шей, кто из ушей, с груди, кладут туда же, молча, едва дыша, подходят к Прокопию помазаться маслом и взять чуть-чуть с собой.

Тишину нарушает Симеон, указывая Прокопию на золото.

— Куда это?

— В речку, всё в речку...

— Может, нищим?

— Это что, хлеб? В речку или в костёр. На них кровь наших братьев, — Прокопий усаживается на лавку, сидит, осторожно вздыхая. Симеон не торопясь аккуратно всё смахивает веничком в совок, будто угли. В храме тихо, темно от дождя, прохладно. Беременная после молитвы выходит на крыльце храма, стоит под мелким дождём, поглаживая живот.

— Вот, уже и не страшно, правда?

28. Белое море

Штиль, туман, корабль лежит в дрейфе. Капитан с отцом топчутся на верхней палубе. Отец отобрал у капитана трубу, пытается хоть что-то разглядеть в молочном, неподвижном мире. Капитан ёжится, вздыхает:

— Ну, как там, ничего?

— Совсем ничего. Ну ни капли не видно.

— Куда ты смотришь? Если видно, то сразу должно быть ясно — то самое. Река большая, в устье волны другие, маленькие, но упорные, не как у берега или на глубине. Хотя, какие сейчас волны...

— Ничего не вижу. Может, вниз пойдём, переждём?

— Да, туман. Зима скоро, а туман...

— Вот-вот, пойдём-ка вниз...

Отец со вздохом возвращается трубу капитану и спускается первым. Капитан, кутаясь в лёгкий воротник, вздыхая идёт за ним в каюту. В каюте отец разворачивает какую-то бумагу на столе, капитан слабо удивляется:

— Это что, карта? Брось...

— Это всё ерунда, карты там всякие! Я знаю, что мы на месте. А пока туман — вот. Это я составил — когда вернёшься, половина моего дома — твоя. Жене моей и половины хватит. Всё равно детей у нас больше нет. Только племянники.

— Ты что?!

— Ты меня высадишь в этом несчастном устье. Даши шлюпку, пару матросов. Они меня высадят где-нибудь, а потом вернутся на этой же шлюпке, подождут какой-нибудь корабль. Если до холодов не успеют, то перезимуют со мной. Или лошадей им куплю парочку, и отправлю в Новгород.

— Даже не думай. Вот старый дурак!

— На носу зима. Ты что, хочешь на полгода вмёрзнуть в лёд здесь? Вместе с кораблём? Тебе же надо работать, кормить семью. Мою половину дома можешь продать. Если растянуть, то надолго хватит, и весь твой простой из-за меня окупится. Я тут всё написал.

— Ты всё очень хорошо написал. Не сомневаюсь. Только всё неправильно.

— У тебя же дом, сыновья. Скоро им жениться...

— Вот-вот...

— Им же тоже жить надо!

— Вот-вот. Если ты думаешь про меня, что я для примера способен взять эти бумаги у тебя, а потом ещё им сказать — вот как надо жить, то что я буду после всего этого? Настоящий отец? Да я буду дешевле плевка на палубе, дешевле девки портовой — так ты всё правильно придумал? И ты думаешь, я не обижусь, что ты так способен про меня подумать?

— Как же быть? Мы уже забрались невесть куда из-за меня. Даже если мы успеем до ледостава добраться до этого Устюга — ну что делать дальше? Увижу его — и что? Останусь жить там? Я ведь ничего не знаю...

— И я не знаю.

— Нет, я честно не знаю.

— Ты-то как раз знаешь.

— Что я знаю?

— Что мы только жить начали! Вот настоящая жизнь, свобода... Не притворяйся, ты прекрасно знаешь, что это любовь. И всё. И я знаю, что это такое. А бумаги — выкинь в воду, чтоб никто не видел. Чтоб никто даже подумать не мог, если на них наткнётся, что мы, немцы, способны на такое... Что мы жизни не знаем, и понятия не имеем о любви...

Сверху, сквозь деревянную обшивку, пробивается крик:

— Вижу!

— Бежим!

— Постой, но как же...

— Да иди ты скорей, старая развалина. Эй, что там, а?!

— Вот, смотрите, — матрос указывает в туман.

— Что там? Что?

Туман неожиданно расступается, прорывается будто под натиском безмолвных и безлюдных каменных берегов, установленных высокими одинокими крестами.

— Что это? — матрос в страхе крестится. Капитан с отцом в волнении:

— Кто знает...

— Куда это мы приплыли?

— Похоже, как раз туда. Точно туда, куда нужно...

29. Дом Симеона

Дом — одно название: голые стены, серые, не висит ни одной цветной тряпки. Симеон ухаживает за своей парализованной сестрой — Галей, и этому подчинено всё, даже с некоторой подчёркнутой суровостью в быту. Единственное её развлечение — окно — занавешено очень плотно: на улице лютый мороз. Симеон делает Гале питьё. Та неожиданно говорит:

— Прокопчик идёт.

Она может говорить, и даже чуть шевелить пальцами, летом может потянуть потихоньку за верёвочку, чтобы в белые ночи прикрыть свет от окна и не будить Симеона.

— Да ну, в такой мороз...

— Идёт, идёт.

Действительно — осторожный, едва различимый мелкий стук в дверь, обычный для Прокопия. Симеон подходит к двери, на всякий случай спрашивая:

— Кто там?

— Это я, Прокопий. Погреться пустишь меня? Не побрезгуете?

— Отче, ты что! О чём ты говоришь, заходи скорее! Что с тобой? Чайку? Только вскипел.

— Ну, налей, — Прокопий осторожно отряхивается от инея — мороз прихватил и одежду и волосы. — Смотрите, сами если хотите, я так не особенно. Ну как, Галина, спасаешься?

— Спасаюсь, Прокопьюшка. Лежу вот пока.

— Ну, ничего, ничего.

Симеон суетится, делает чаёк, вернее, горячий напиток на сухих травах. Прокопий присаживается рядом с Галиной, гладит её по голове.

— Не разбудил?

— Нет. Я видела, как ты шёл. Что-то случилось?

— Во-во, я тоже хотел спросить. Ты как зашёл — будто какой-то не такой, — Симеон обернулся от чашек с травками: — Кому послать?

— Налей ему. Он замёрз сильно, правда? — Гая глазами показывает на Прокопия.

— Не то слово. Да уж ты всё знаешь. Холод необычный сегодня, правда. Вы-то как? Если так будет продолжаться — никаких дров не хватит на зиму...

— Садись туда, рассказывай, — Гая приглашает Прокопия сесть так, чтоб ей было видно.

— Да что рассказывать?

— А где был, что видел?

— Про мороз-то?

— Про собачек и дальше.

— Да ты и так всё знаешь.

— Нет, я тут лежу, а там не была, где ты был.

— Вы это о чём? Загадками говорите... — недоумённо вклинивается в диалог Симеон. — Ой, обжёгся...

— Ладно, расскажу, только никому ни слова. До тех пор, пока не помру.

— Рановато ещё, Прокопчик, — Гая говорит бодро, ровно, и даже как-то весело. — Рано ещё.

— Насчёт смерти — никогда не рано. Только точный срок редко кто узнает. А торопить твари Творца и спрашивать, разве возможно? Я вот собрался уже сегодня, да не вышло. Солнце село — вижу что-то чудно, не так как-то всё, воздух уж больно прозрачный какой-то, и ветра нет. Думаю — к морозу сильному, но сам не ожидал, что такой вот стукнет.

— Подумаешь, мороз... — Симеон по молодости хорохорится, а Гая его перебивает: — Не мешай, дальше...

— Холод злющий... Думаю, попрошусь погреться — там, на краю, стучусь...

— Обругали, — вздыхает Галина.

— Точно.

— Надо было к нам сразу, — Симеон вскипает, как вода: — Нашёл куда проситься. Если бы ты к ним за выпивкой пришёл — они бы не только пустили, а целоваться бы полезли, целовальники... Ну подумаешь — обругали... Ну и что, не переживай!..

— Да я и не переживаю. Зашёл в сарай — вижу: собачки лежат. Точно, собачий холод, думаю, к ним примошусь. Так и они от меня удрали. Ну, думаю, раз уж время замерзать — так пойду к церкви. Пощёл. Лёг на паперти, жду.

— Чего ждёшь?

— Сам не знаю. Смерти от холода. Или чего-то ещё такого. Лежу и жду. Вот, думаю, придёт она, светлая, как день. Отвернётся душа от тьмы, пойдёт за ней, или как? Может, ещё что-то будет... Просто предполагаю, как будет дальше, и всё — раз уж пришёл срок. Ещё думаю, хотелось бы чуть-чуть попраздничней приодеться... Вижу — лежу я под чем-то белым...

— Под покрывалом что ли? — Симеон осторожно дует на настой и по глоточку даёт Гале, а сам слушает.

— Нет, под снегом, просто под снегом. Вот, думаю, и всё. Ощущаю уже как это — будто человек под лёд провалился и всё в нём стынет понемногу...

— Ну, какие ты ужасы рассказываешь. Зачем ты это выдумываешь? — Симеон не на шутку уже испугался.

— Ничего он не выдумывает, — Гая слушает и улыбается.

— Ничего я не выдумываю, конечно. Что я могу выдумать? Пришёл за мной не человек. Может, ангел, взял за руку, я встал, он меня повёл — сад показал, ветер был лёгкий, листья...

— И всё? — Симеон недоверчиво слушает Прокопия. — И всё? Как сон?

— И всё.

— Как во сне, точно. Может, не обращать на всё это внимания, а?

— Да, пожалуй не стоит. Бодички мне дай, пожалуй...

— Да вот же горячий чай! Пей, что ты! — Симеон подвигает Прокопию кружку, но тот переливает его обратно в чайник, протягивает пустой стаканчик.

— А я воды хочу, нальёшь?

— Пожалуйста... — Симеон чуть-чуть обижается, но приносит воды. Прокопий тихо улыбается.

— Не стоит обращать внимания, точно, — и потихоньку осторожно достаёт из-за пазухи зелёную оливковую ветвь и ставит её аккуратно в стакан, потом берёт его и ставит на полочку перед взглядом Галины, так, чтобы ей было всё время видно, подмигивает ей: — А ты говоришь, внимания не обращать... Ну что, пойду я...

— Ты что! Оставайся ночевать! — Симеон спохватывается от растерянности: — Ух ты... Ничего себе...

— Да что я вас стеснять буду...

— Нет, нет, останься...

— Ну, тогда половинчик мне тут кинь в угол, я и лягу...

— Да нет, ты что! Давай на лавку, вот здесь...

— Нет, нет, я тут, мне удобно. А не то я как наемся да хорошо выслюсь — опять потянет воевать с этими... Можно и меру потерять...

— Слушай... — Симеон оборачивается на живую ветвь... — Это правда?

— А ты сам как думаешь? Только не говори никому ничего. Будет, всё будет у тебя, у Гали, потерпите... Подождите её ещё чуть-чуть...

— Кого, смерть?

— Нет, ну ты всё об одном и том же. Ты пока что не умирай, жёнку ещё дождись, суженую, правда?

— Правда, правда, — поддерживает Галля.

— Какую жёнку? Я вообще-то...

— ...в монастырь собрался, на подвиги, — продолжает Прокопий. — Будет тебе дома монастырь: Галина, жёнка-красавица, сын будет, настоящий воин, епископ из нашенских. Будет, как в Писании: руками сражаться, сердцем молиться, да ещё как... Хватает тебе, а?

— Нда...

— Ну что, гасим свет, спим?

— Давай, — последнее слово за Галиной, Симеон тушит свечку, все укладываются, Галля вздыхает: — Пахнет...

— Да, точно.

— Сильно.

— Запах такой древний какой-то...

30. Весна

Вербное Воскресение, весна только ещё подступает, Прокопий во время праздничной службы стоит на паперти, вздыхает. К храму подъезжает несколько повозок, не похожих на русские, какие-то более приземистые, низенькие, из них вываливаются, чем-то погромыхивая в поясных мешочках, охотники, зыряне. Осторожно подступают к Прокопию, с любопытством, издаля, осматривают его, как дети, переговариваются:

— Он? Точно он...

Видно, что-то хотят спросить, подталкивают друг друга вперёд, а он как бы не замечает их. Это тянется долго, наконец, Прокопий не выдерживает первым:

— Вы туда хотите? — указывает внутрь храма. Они кивают, но стоят, смотрят на него.

— Так входите, входите, не заперто...

Кивают, что, мол, всё понятно, но всё равно стоят — откровенно смотрят на него, почти как на идола. Потом один, наконец, развязывает мешочек, осторожно достаёт чёрные камни, спрашивает:

— Это ты делал?

— Что я?

— Ты, ты, мы знаем...

— А что у вас, дело какое-то? Что-то нужно? Так вы к священнику идите. Он такой бородатый, красивый, с крестом.

— Во-во, — кивают, но улыбаются и стоят, не трогаясь с места, бережно увяззывая мешочки с камнями. Один толкает другого: — Покажи.

Охотник осторожно достаёт тряпичку, протягивает Прокопию.

— Мне что ли?

— Да, да, — показывают на пальцах: двое их было, двое, сидели в лесу под деревом, у погасшего костра, замёрзли. Один побольше, бородатый, другой без ноги, маленький, совсем щупленький. Показывают — лежат мирно эти двое, как дети.

— Спать легли?

Отрицательно кивают головами — лежат, не просыпаются, как ни буди. Замёрзли. Один с этой тряпочкой в руке, у другого на груди кошелёк. Тряпочка простая, детская, с недоконченной вышивкой — с одной стороны крестик, с другой — оливковая веточка.

Прокопий берёт их, бережно рассматривает, спрашивает:

— Ну, похоронили вы их?

Охотники кивают, сокрушённо вздыхают — опоздали.

— Всё правильно. Не переживайте. Давайте, я всё это передам, передам, всё сделаю, как надо...

Охотники опять радостно кивают, восхищённо переглядываются:

— Он... Что я тебе говорил... — садятся в свои повозки, не прощаюсь, и уезжают. Прокопий даже не замечает, как остаётся один, бережно рассматривает вышивку:

— Ну вот, папик... Ну вот, Светик... Капитан... Княже... Ну, вот...

Служба оканчивается, выбегает радостный Симеон:

— Ну что? Как сегодня? На хлеб есть?

— Есть...

— Вот и хорошо. Ладно, я побежал Галку кормить...

— Постой. Погоди минутку.

— Ладно. Служба сегодня была такая... Что с тобой, опять что-то случилось?

— Вот, посмотри, — подаёт ему истрёпанный кошелёк, вышивку с веткой.

Симеон внимательно рассматривает, но недоумённо возвращает обратно.

— Ветка, крест, что это означает? Кошелёк старый, не наш... Знак какой-то?

— Погоди. Научись всё видеть, как оно есть. Вот, тихо.

В это время из храма выходит женщина с маленькой девочкой на руках, та самая, что раньше долго болтала с Прокопием. Она одета уже совсем скромно, без побрюкунек, и тем более молчаливая, красивая, свободная. Прокопий радостной улыбкой, кивком здоровается, встаёт на колени перед девочкой, но вместо того, чтобы поиграть с ней или пощекотать, делает земной поклон:

— Вот идёт мать будущего епископа... — оборачивается к Симеону, тот внимательно наблюдает, опять в недоумении, выходящий народ толпится, толкается:

— Ну что там! Что такое... Опять он... Вот тупой, дал бы пройти, душно ведь...

Прокопий освобождает дорогу, подходит к Симеону:

— Ну? — забирает у него тряпочки, складывает на груди. — Ну что смотришь?

— А что я должен видеть?

— Что, слишком ещё маленькая?

— Кто, девочка?

— Девочка... Это жёнка твоя будущая.

— Как?! Она? Вот она? Пигалица?

— А кто ещё?

— Такая маленькая?

— Всё растёт. Ты-то что, стариk уже что ли? Ты научись смотреть на всё. Только гляди, не умри от любви — смотри на всё правильно, не возносись умом. Хотя... Ты же не немец какой-нибудь... Это они, как дети — непонятно от чего могут умереть внезапно, от любви или от холода — слишком нежные...

— О чём ты? Ну, опять не понимаю, хоть убей! Ничего не понимаю. При чём тут немцы. — Симеон совсем растерян, ошарашен, прижат к земле словами Прокопия, который бережно увязывает тряпицу на груди:

— Да так... Вот видишь — пока живу, она мне напомнит о смерти. Буду замерзать — согреет, разгорячусь — охладит, как камень, тяжелее камня и холоднее льда. Да, кстати, о камне — ты уж будь добр, после смерти мой-то камень положи надо мной, он меня успокоит...

— Да что это такое?! Камень, холод, немцы, жёнка...

— ...снег, любовь, предсмертная радость, прикосновение к истине, покаяние... Симеон не выдерживает, расстраивается.

— Может, хватит?

— Ладно, хватит, иди, раз хватит. Галя будет беспокоиться за тебя, иди же...

31. Лето

Начало июня, жара, в доме Симеона — все окна и двери нараспашку. Симеон что-то лениво ищет по дому, ворчит под нос:

— Ну где же они, ну где... Гал, слушай, я тут камни на подоконнике держал, и ещё веточку, ту самую, в стаканчике, не видела, кто их взял? Или ветром смахнуло?..

— Камни, веточки? Не знаю, может, сам прибирался, переставлял? Подумай... Или выкинул...

— Как выкинул?! Ты что... Пойду под окном посмотрю...

— Подумай. Мало ли камней и веток... Дети игрались...

— Ну они у меня доиграются!

— Ну что тебе эти камни? Иди — вон ворота хлопают, запри, ветер поднялся.

— Какие ворота? — Симеон выглянул в окно, перевесился, сначала через подоконник внимательно посмотрел на землю вниз, потом оглядел двор. — Господи... Это что такое? Гал, снег пошёл посреди лета. Вот тебе и верхушка лета, представляешь? Венец лета, сенокос начинается, а на улице снег идёт, а?

— Какой снег?

— Настоящий, белый, ты смотри! Метель настоящая началась!

— Снег... Хочу посмотреть... — Галя с усилием приподнимается к окну, одеяло окидывается, на пол скользит припрятанная ею веточка, сыплются те самые камни. — Снег. Любимый твой снег, Прокопчик.

32. Снег

Женщина с девочкой осторожно мимо луж идут к храму. Симеон уже на пороге, внимательно смотрит на них. Приблизившись, женщина тихо спрашивает:

— Ты Прокопия ждёшь?

— Да.

— А я его искала. Мне надо было поговорить с ним, а его уже три дня никто не видел. Я думала, он у вас с Галей.

— Третий день?!

— Да, вот как снегопад прошёл.

— Может, на камне?

— Может быть... Хотя я только что там была, мы как раз оттуда, думала — он здесь. Как заколдованный круг — опять разминулись. Ну что, домой? — девочка кивает маме, и они уходят. Симеон тоже идёт, но в другую сторону города, иногда оглядываясь, пока они не скрываются совсем.

У камня никого нет. Симеон идёт дальше вдоль реки к мосту. У моста ложбина, в которой ещё остался большой сугроб — на открытых местах всё уже сразу растаяло. Симеон прошёл мимо, взошёл на мост, но на середине остановился, постоял и пошёл обратно к сугробу. Там он сел рядом со снегом на траву, долго сидел, кивал головой, будто отвечая на чьи-то слова, потом встал, обломил веточку с новыми листьями и положил на сугроб, медленно побрёл обратно в город.

В городе он постучался в ворота дома. Вышли несколько девочек, среди них та самая — видимо, только что во что-то играли.

— Мама дома?

— Нет. Может, что-то передать?

Симеон долго молчал, смотрел на них внимательно и спокойно. Потом обратился к самой маленькой:

— Передай ей, Маша, что он там, у моста...

— Откуда вы знаете, как её зовут?

— Знаю.

— Ладно, передадим. Что-то ещё сказать?

— Нет, не знаю пока... — Симеон присел перед Машей на корточки, взял, поцеловал ей руку. — Он там, под снегом, я вижу, он был прав...

Людмила Прошак

Людмила Прошак. Первая и главная профессия — журналист. Прошла путь от районки до центральной прессы, работала в горячих точках и местах катастроф, затем в автожурналистике (отсюда — тяга к трофи- и ралли-рейдам, экспедициям). Сейчас — шеф-редактор в московском издательском агентстве А2, ведёт газетный проект на Урале. В свободное от профессии и любимой семьи время пишет научные статьи, монографии (кандидат исторических наук) и художественные книги, основанные на документальных свидетельствах («Спасатели», «Северный волк», «Я — КАМАЗ» и другие). В предлагаемой читателям новой книге все события являются вымыслом, основанным на исторических фактах. Автор посвящает книгу Юрию Алексеевичу Спиридонову, без которого не было бы и самого замысла этой работы.

И ПОСЕТИЛА СМЕРТЬ...

Роман-реконструкция

‘Ο Θεός, ιλάσ-θη-τί μοι τώ ἀμαρτωλώ! Άρην.
Господи, буди милостив мне грешному! Аминь.
Γέροντις οὐτικτυκύπεσσις απαστρέψας

ПРЕДИСЛОВИЕ

...Где-то сейчас ещё существуют прошлые события, только всё удаляясь от нас. И где-то существуют уже будущие события, приближаясь к нам. Мы живём в хронотопе.

...Предрешённое прежними событиями, но требующее созревания и условий извне, чтобы сейчас открыться в действии и для всех выявиться, — вот хронотоп в бытии и доминанта в нас.

Алексей Ухтомский

Не ищите на карте точку, которую мы непременно хотим достичь. Её там нет (по крайней мере в атласе современных дорог уж точно), хотя два наших навигатора не сдаются, без устали определяя координаты GPS и пересчитывая в пространстве маршрут, который пролегает во времени...

Ухоженное (насколько это может быть в стране, известной двумя главными бедами) шоссе сменилось узким трактом. Вот и отлично! На двухрядной свежеасфальтированной дороге хронотопу нет места, там только настоящее, а мы охотимся за прошлым (будущее же дремлет в детском креслище сзади на диване новенького «Дастера»).

Он (Renault Duster, в просторечии ежедневного общения «Дася») — не последний... (чуть было не написала: *человек*) участник предпринятой экспедиции. Ну что ж, в этом ничего странного, все водители делятся на две категории: первая (*cabby sapiens* — извозчик разумный) относится к своей машине как к средству передвижения, другая (*cabby spiritus* — надеюсь, вас не введёт в заблуждение звучание с русским «сторгадусным» словом) подозревает в машине наличие души.

Последнее — необходимое условие для того, чтобы достичь цели нашей экспедиции. Итак, эти строки пишет, как вы поняли, *cabby spiritus*. Когда мы переводим слово на древний язык (не обязательно чтобы это была латынь), оно обретает новый образ и, следовательно, дополнительный смысл (не столько семиологический, сколько философский).

Судите сами. Наша экспедиция называется «Хронотоп». На древнегреческом χρόνος — время, ίόπτος — место. Напишем то же, но кириллицей:

ХРОНОТОП

Правда, если смотреть на начертание этих букв, то за ними видится всё же не то, что в χρόνος ίόπτος? А можно и совсем иначе:

ХРОНОТОП

Тогда смысл написанного будет сокрыт тайной, как и сам абур (его ещё называют анбур, но тут есть о чём спорить) — азбука, к которой мы прибегли, чтобы выразить единство времени и места по-древнепермски.

Впрочем, тайна присутствует даже если написать «хронотоп» на современном русском языке. Почему? Да потому что единство, о котором речь, — «закономерная связь пространственно-временных координат», «мировая линия человека от A_1 до A_2 ». По крайней мере так полагал Алексей Ухтомский — один из самых выдающихся мыслителей XX столетия. Он размышлял о феномене хронотопа вслед за Германом Минковским, объединившим физическое трёхмерное пространство и время, и Альбертом Эйнштейном, заставившим мир ломать голову над теорией относительности.

Несутся из чёрной мглы прошлого навстречу «Дастеру» снежинки, вонзаются в настоящем крохотными белыми копьями в лобовое стекло, чтобы исчезнуть в будущем... Но что в нём такого незнаемого и безвестного, если мысли — «предупредители» будущего — выведены из опыта прошлого?

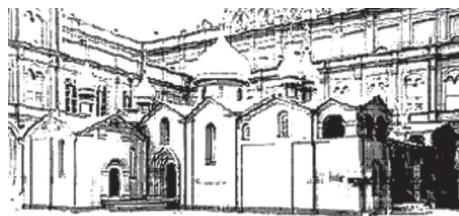
Двигается ли наш «Дастер» по Великоустюжскому тракту или протекает через измерения, значимость которых определяется нашим интересом к ним, как к истории далёкой и великой? Если верно второе, то тогда и сам «Дастер», и его экипаж, и заснеженный лес, и утративший своё практическое применение абур, и его создатель Стефан Пермский, и далёкий по времени, но не по месту и не по духу, потомок, вернувший память о нём, — всё это мировые линии — те самые,

про которые писал Алексей Ухтомский — связывают «давно прошедшие события с событиями данного мгновения, а через них — с событиями исчезающего вдали будущего» в закономерном протекании хронотопа, ибо «...мы все наблюдатели данного, которое протекает, и мы сами протекаем; мы вечные странники бытия, пока живём...»

ХРОНОТОП

I

Быть в ризной казн€

1

Московское царство,
Москва, Кремль, Спас на Бору,
в год 7057¹ месяца апреля в 25-й день,
перед утреней

*Плоды «испытаний и обыска».
Ночь сомнений: святой или еретик?*

Узкая подземная галерея упиралась в лестницу, ведущую к потаённой двери. Она поддалась легко и бесшумно — железные подставы заботливо смазаны. За сводчатым коридором скрывалась палата с окнами-бойницами. Стоявший посередине стол был завален свежими плодами «испытания и обыска» новых русских святых, отыскиваемых по поручению семнадцатилетнего царя Ивана IV.

В правом углу столешницы высился две стопки жёлтых листов с наследием епископа Пермского Стефана. Первая была совсем тощей. «Исправлений не потребно», — писавший, похоже, даже расстроился: перо, чиркнув по бумаге, брызнуло чернилами. Вторая стопка возвышалась над первой как боевая башня над мостом. «Различия велики, многочисленны и разнообразны», — значилось в сопроводительной записке, приколотой сверху.

Тяжело опустившись на широкую лавку, митрополит Макарий вытянул больные ноги. Ступни горели, словно на горячих углях. Протянул руку, чтобы взять из второй стопки лежавший сверху лист — тщетно. Пришлоось снова вставать, испытывая муки не столько даже из-за больных ног, сколько из-за сомнений.

¹ От сотворения мира, или 1549 г. от Р.Х.

На Соборе, состоявшемся два года назад, уже был канонизирован сонм русских святых и утверждены праздники в их честь. Ни в одном из имён Макарий не сомневался, все они были из его библиотеки-уникума, которую он составил, будучи ещё новгородским владыкой. Но молодому царю было мало, и спешные розыски продолжились. Это походило на ледоход на Волхове, когда тёплые и стремительные воды несут по весне всё, что удалось подхватить по пути.

Макарий положил руку на стопку сомнительных страниц. Истончённые от ветхости по краям, они были покрыты бисером полуустава. На немногих, хоть и с трудом, но всё же разбиралась ижица. На остальных — буквы, маня своей схожестью то с греческим алфавитом, то с русской азбукой, ни тем, ни другим не являлись.

Списки пестрели закладками и пометками исследовавших Стефаново наследие. На одни восьмушки толмачи выписали слова, которые сумели понять и сверить с Библией, на другие — требовавшие дальнейших «изысканий». «Переводу» и «сверке» поддалось немногое.

Ури — мир, согласие¹. В пермском языке это слово не известно.

Вэр — используется для обозначения слова раб, которое в оном языке также не ведомо. Созвучные слова: вэрос — муж, мужчина, вэр чэри — самец рыбы.

Выходит, язычники, которых крестил Стефан, не знали, что такое «раб» и не нуждались в слове «мир»? Митрополит, нахмурившись, взял очередной листок.

Вэжка — святой, вэжас'ас — пусть освятится, вэжа ва — освящённая вода. Созвучные слова: вэж — светлый, туйвэж — перекрёсток.

Вичко — церковь. Созвучные слова: вис — жертва, ко — если.

И что же, святой — тот, кто выбрал светлый путь из числа других? А храм — дом для жертвоприношений?! Господи, да не ересь ли всё это?! Забыв о больных ногах, Макарий, холода, вскочил. Боль вернула ему присутствие духа. Опустившись на скамью, митрополит протянул руку за следующим листком.

Мэзёс — Господь, спаситель. Созвучное слово: мэзды — освободи.

Йэн могыс' — ради бога. Созвучные слова: йэнма-муя костын — между небом и землёй, ѹэн велт — небесная крыша.

Что же это получается?! Господь — и освободитель, и небесная крыша... Чему Стефан учил своих язычников?! Царь Иван IV неустанно твердит: «Греки для нас не Евангелие», не у них следует искать истину, а у охранителей древлего благочестия. Но Евангелие ли для нас пермские письмена? И для чего только понадобилось переводить на пермский язык Святое писание, для которого и слов, как видно, не находилось?

Митрополит посмотрел на чёрный переплёт лежавшей особняком книги. В ней помимо Евангелия, составленного из четырёх книг Нового завета, бог весть почему было подшито в конце ещё и «Слово о житии Стефана Пермского», составленное Епифанием Премудрым. Отдать ли житие на доработку Пахомию Логофету, уже поработавшему над другим трудом Епифания — Житием Сергия Радонежского, или оставить без внимания?

Не находя ответа, Макарий, прихватив с собой дикирий, направился к внутристенной лесенке, ведущей на хоры собора. Огонь двусвечника выхватывал

¹ Здесь и далее см. Г. С. Лыткин «Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык». — СПб., 1889; В. И. Лыткин «Древнепермский язык». — М., 1952.

из тьмы строгую простоту каменных стен и печально склонённые головы на фресках.

У Спаса на Бору было особое предназначение. В левом и правом его приделах покоились те, кто не властвовал в соответствии со своим велиkokняжеским предназначением, а вёл жизнь в смирении монашества. Младший сын Димитрия Донского Иоанн, от рождения бывший не от мира сего, покоился у гроба своей бабки. Здесь же были усыпальницы жён Симеона Гордого — первых двух, отвергнутых им ещё тогда, когда он был в силе, и третьей, пережившей его почти на полвека. Несмотря на то, что над всеми гробницами у выносных образов горит неугасимая свеча, усопшие давно преданы забвению. Все, кроме одного. К нему и направлялся сейчас митрополит Макарий.

Стефан Пермский покоился не в велиокняжеском некрополе, а в самом храме. Это хоть отчасти объясняло, почему северного епископа похоронили в Спасе на Бору. Рака, устроенная на полу над местом его погребения, представляла собой простой деревянный ящик, на узорчатой крышке которого было изображение епископа во весь рост, в ризе, покрытой серебром, словно инеем.

«Посоха не хватает, надо бы затребовать из северной епископии»¹, — мимолётно отметил Макарий, тяжело опервшись о рукоять митрополичьего жезла. Сам не заметил, как молитва уступила место размышлению. Не только о наследии Стефана, но и об особом положении русской церкви во Вселенной, и о свершившемся объединении вокруг Москвы не только ближних, но и дальних земель. Пермь Великая в их числе. В том заслуга Стефана.

Решение пришло вместе с усилившейся болью в уставших ногах. Митрополит, морщась, вернулся в тайную палату, обмакнул перо в чернильницу и внёс имя Пермского епископа в список канонизируемых. Да будет так!

И только затем вывел поверх первого подвернувшегося под руку листа из Стефановского наследия размашистую надпись, многократно повторенную позже усердным дьяком:

Тем книгам и рукописям быть в ризной казне,
а без указу смотреть давать не велено никому.

---

¹ В Кремль посох попал после 1571 г. при переносе епископской кафедры из Усть-Выми в Вологду, когда часть ризницы была перевезена в Москву.

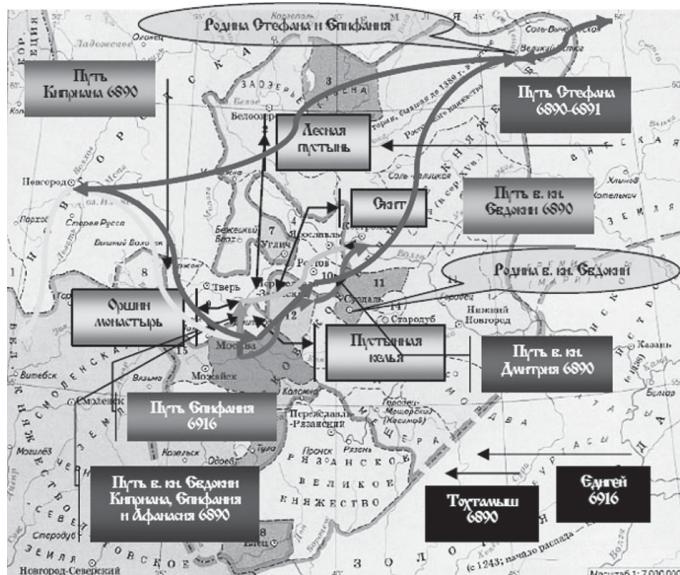
Часть первая

Тайная грамота

ГЛАВА

I

Рождественский пост

1

Великое княжество Тверское,
р. Орша, Вознесенский Оршин монастырь,
в год 6917¹ месяца декабря в 1-й день,
третий час

*Бегство от Едигея.
Монахи-воины в поисках книжника.
Том, которого ищут.*

Наместник, статный старец, отмахнулся от послушника, пытавшегося накинуть на его плечи подбитую волчьим мехом мантию. Выскочил на лютый мороз в чём был — в домашнем подряснике. Как молоденький, побежал по узенькой тропке, ниткой пролёгшей среди глубоких сугробов.

Но монах, несмотря на свою тучность, уже и сам соскочил с саней, поспешая навстречу:

— Благослови, отче!

¹ 1408 god om P. X.

Антоний вместо того, чтобы осенить гостя крестным знамением, прижал к широкой груди:

— Ну вот, Епифаний, и свиделись!

Трудник Кирилл, в послушание которого входило быть вратарем, затворяя за приезжим покрытые пушистой изморозью ворота, удивился прыти наместника — не то что вчера.

Накануне вечером тоже постучались. Кирилл, ссугулившись, выглянул в рубленое оконце и увидел трёх всадников в коротких кожухах, из-под которых виднелись рясы. Поднятые воротники скрывали лица.

Трудник, косолапо загребая, поторопился сообщить наместнику... Антоний пошёл вместе с трудником к воротам, в которые продолжали нетерпеливо стучать приезжие. Наместник кивнул — Кирилл отворил.

— Книжников среди гостей нет? — грузно спрыгнув с лошади, спросил у настоятеля главный из монахов. Полы его кожуха разошлись — из-под короткой кольчуги, надетой поверх рясы, выглянула верёвка, служившая поясом. У трудника приоткрылся рот от удивления, но он тут же одёрнул себя.

— Так откуда ж мне знать, кто есть кто, — Антоний опустил руку, которую поднял было для благословения, о котором его никто не попросил.

Кирилл задвигал засов, стараясь напрасно не шуметь — только бы не пропустить ни слова.

— Того, которого ищем, ты бы отличил от других, — продолжал старший, — он с собранием книжным путешествует, Епифанием его зовут... Премудрым.

— Я б и сам хотел его видеть, — усмехнулся наместник. — Но увы...

— Так мы заночуем?..

Как отказать? Оршин монастырь не был ни особенно знаменитым, ни богатым. Но, как и прочие обители к северо-западу от Москвы, забыв о недавних междоусобицах между князьями, укрывал в своих непрочных деревянных стенах всех моливших о помощи. Пример показал сам тверской князь. Несмотря на то, что Москва вынудила его навсегда отказаться от претензий на великое княжение, он под всяческими предлогами уклонялся от помощи Едигею, просившему для штурма белокаменной стенобитные орудия, которыми славилась Тверь. Как уж тут монастырям не отворить ворота для всех страждущих...

А сегодня поутру послали за монахами-воинами в келью — из трёх один остался, самый младший. На расспросы только руками разводит да плечами пожимает: не знаю, мол, с устатку спал очень крепко. Не гоните меня, мол. Говорят, а у самого глаза бегают...

И вот, как только улеглась метель, — новый гость. Наверняка тот самый, о котором вчера допытывались исчезнувшие в夜里 пришельцы.

— Отче, мне бы куда-нибудь в пустыньку вместе с моими спутниками, — Епифаний кивнул на стопки книг, заботливо укутанные в тулуп.

Антоний грустно усмехнулся:

— А я думал, хотя бы нынче ты один...

Епифаний только руками развёл. А что тут ответишь, если в прошлый раз немало хлопот Антонию доставил.

Наместник, должно быть, припоминая, задумчиво кивнул:

— Хлеб-соль сначала отведай, а там, бог даст, решим...

Антонию и вправду казалось, что он вновь ввергнут в события шестнадцатилетней давности, когда на Москву совершил набег предшественник Едигея Тохтамыш¹. Тогда многие вынужденно бежали в Тверь, увидев, как спешно двинулся за Волгу, в Кострому, великий князь Дмитрий Иоаннович.

И вот сейчас история повторилась. Надежды на то, что Едигей идёт не на Русь, а на земли Литовского князя Витовта, улетучились вместе с последней осенней листвой. Первого декабря, эмир, не сумев взять Москву приступом, решил поставить её на колени голодом, вознамерившись зимовать у её неприступных стен, в селе Коломенском. Догорали головёшки в Верее, Городце, Дмитрове, Клине, Нижнем Новгороде — разосланные во все концы отряды опустошали окрестности. По примеру своего покойного отца скрылся за Волгу Василий Дмитриевич, а прочие, не стыдясь, бежали проторённой дорогой в Тверь. Вот и Епифаний, как и в прошлый раз, пожаловал одним из последних.

2

**Исповедальная записка
наместника Оршина монастыря Антония
о событиях в год 6891²
с месяца августа 30-го дня по месяц октябрь 16-го дня**

Смотрите пристальнее на звёзды, которые Владыка премудростию сотворил³. Они не только указывают путь, но и приготовляют наши души к стойкому восприятию сокрушительных перемен, обновляющих нас.

Я вышел на крыльце и поёжился. Студёное утро торопило приближение осени. Редкие зарницы скрупульно подсвечивали восток. Вдруг одна из звёзд сорвалась и алым копьём понеслась вниз. Не то чтобы я удивился знамению: хвостатых звёзд накануне нашествия на Русь Тохтамыша видывали мы немало. Просто понял, что этот предвестник — мой. Я продолжал одиноко мёрзнуть на крыльце...

Ещё не успела наступить утренняя заря, а в ворота забарабанили. Опредив вратаря, я сорвал засов. Тверской владыка Евфимий, которого я до этого самого дня видел лишь издалека во время празднеств, обескураженно отступил назад:

— Карапулил, что ли?

Не зная что ответить, я молча поклонился. Евфимий посторонился, и во двор въехал всадник в белом митрополичьем клобуке. Его сопровождали два конных инока и уверенно державшийся в седле отрок, одетый как князь — в шапочку с собольей опушкой.

— Сколько мы должны тебе заплатить за постой? — спросил мальчик, запуская руку в висевший на поясе кошелёк.

¹ В 1382 г. от Р. Х.

² 1382 г. от Р. Х.

³ Ср. Пс., 103:24.

— Ты не на постоялом дворе, отрок, а в обители. У нас все гости от Бога,— ответил я ему, сам удивляясь резкости своего тона.

— Это хорошо, — не обиделся мальчуган, завязывая кошелёк,— купленные друзья ненадёжны.

Почувствовав себя рядом с ним несмышлённым младенцем, я растерянно оглянулся и понял, что владыка испытывает то же самое.

— В годину невзгод дети взрослеют рано,— подал голос обладатель белого клобука.

Два торопливо соскочивших с коней черноризца поспешили к нему.

— Осторожно, отец Киприан,— предостерёг архипастыря полнотелый ион, держа стремя.

Киприан?! Итак, день ещё не наступил, а у меня уже в гостях митрополит, то и дело попадавший в опалу московского князя, а с ним тверской епископ, до сего дня не имевший времени посетить нашу обитель, и отрок, ищущий неподражаемых друзей...

Но тут я понял, что поторопился подытоживать список незваных гостей. В монастырский двор въехал крытый возок, запряжённый парой рысаков. Из-под опущенного полога показалась узкая женская рука.

Я не отношу себя к тем бедолагам, которые, стоит им завидеть женщину, забывают о своём сане. И всё же — Господи, каюсь! — в тот миг запамятовал обо всём, глядя на её продолговатые тёмно-карие глаза, прямой тонкий нос и печально сомкнутые губы. Чувствуя себя неловко, я опустил голову. Теперь мне оставалось только смотреть на её длинные пальцы, сжимавшие свёрнутую трупочкой грамоту.

— Великая княгиня Евдокия с детьми путешествует к своему мужу, великому князю Димитрию, за Волгу и нуждается в кратковременном отдыхе, — вывел меня из забытья голос епископа. — Позабиться, Антоний, о них.

В голосе владыки легко читалось нетерпение. Евфимию, по всей видимости, хотелось как можно быстрее передать гостей с рук на руки и вернуться незамеченным в Тверь. Его можно было понять. После смерти Алексия митрополитов на Руси объявились больше чем певчих на клиросе, а никому из них этого ведь не скажешь, да и предугадать, кого завтра возвысит, а кого прогонит московский князь, невозможно. Один из них, Пимен, сосланный московским князем, сидит в заточении где-то под Тверью. А теперь ещё один по своей воле в наши края прибыл. Вот владыка и решил в убежище ему не отказать, но с глаз долой спрятать. Только почему вместе с Киприаном княгиня с малыми ребятами?

Будильник¹ ударил в било. Иноческие веками, припухшими от сна как у неистати разбуженных детей, потянулись на службу, но, завидев во дворе архипастырей, в нерешительности остановились. «Как быть? Попросить благословения или лучше не беспокоить?» — читалось в вопросающих взглядах, устремлённых на меня, их наместника.

— Ступайте, отцы, мы присоединимся к вашей молитве, — степенно благословил братию Киприан.

Иноческие заторопились в храм. Евфимий, потея лицом, попяталился к воротам. Киприан и его малочисленная свита (всего лишь два черноризца!) с одинаковой

¹ Будильник — монах, будящий братию на молитву.

улыбкой ироничного всепрощения проводили его взглядом. Я натянул скуфейку как можно глубже: от волнения у меня как у мальчишки пылали уши.

Киприана я поселил в «задней» келье, которую братия тут же прозвала «митрополитской». Для великой княгини Евдокии с детишками освободил свою келью, которая хоть и не отличалась особыми удобствами, зато в преимуществах имела просторные сени и отдельный ход. А сам поселился с двумя приезжими монахами — Афанасием и Епифанием — в пустовавшей труднишной.

Там меня и отыскал наш келарь. Он стоял, скрестив большие руки на тощем животе, и взирал на меня в немом ужасе:

— Чем гостей потчевать будем, отче? У нас же ничегошеньки нет! И коза совсем страх потеряла, молока даёт на три глотка. И курицы нестись бросили, только под ногами зря путаются...

— Совсем ничего нет?

— Ну разве что только прошлогодняя капуста,— сделал страшные глаза келарь,— кочанов семь.

— Вот их и готовь. А кур этих с глаз подальше убери, тут обитель, а не птичник.

Келарь выскочил, едва не вынеся на своих костистых плечах дверь. Спустя пару минут во дворе раздалось переполошенное кудахтанье, но вскоре и оно стихло.

На литургии, которую служил Киприан, присутствовала великкая княгиня Евдокия с детьми. Младшенького сына она держала на руках, а старший, Василий — тот самый, что испытывал меня на продажность — стоял особняком, среди взрослых мужчин. Я пару раз ловил на мальчике взгляд его матери. С такой тревожной нежностью смотрят, когда готовятся к неминуемой разлуке. О том, что она предстоит, казалось, знает не только мать, но и сын, исподволь приучающий себя, маленького, к большому, взрослому одиночеству.

Он и в трапезной сел поодаль от семьи, по левую руку от Киприана (или это Киприан был у него по правую руку?).

— Мама, ну давай будем есть курицу,— с ложкой на изготовку поторопил мать один из княжичей, указывая на глиняный горшок.

— Откуда ты знаешь, Петруша, что это курица? — удивилась великкая княгиня.

— Я видел, как монахи ловили кур! — оглушительным шёпотом сообщил матери малыш.

Киприан, обведя внимательным взглядом стол и убедившись, что и перед братией стоят точно такие же горшки, повернулся ко мне:

— Это курица?

— Да, владыко, только это... монастырская курица,— уточнил я, ощущая себя тем самым горшком, который вот-вот отправят в печь.

— Ну-ну,— преувеличенно добрым голосом сказал митрополит и взялся за ложку.

— Вкусно! — Петруша облизнул пальчики.— Я такой курицы ещё никогда не ел!

— Я тоже! — сказал митрополит, попробовав: — Что это?

Я посмотрел на келаря: тот от ужаса надул впалые щёки.

— Это... курица... Ой, нет! — замахал он огромными ладонями-лопатами.— Это... вla-vla... дыка... капуста это!..

— Не может быть!

— Может! Мы её крошим, в горшок укладываем, а сверху — молочком и яйцами поливаем, да и в печь, чтоб подрумянилась.

— Ты ж говорил, яиц нет? — брякнул я.

— Так, отче, мы когда ловить кур стали, иные из них со страха нестись начали прямо на бегу. Два яйца разбились, но остальные мы успели поймать...

— А я уж грешным делом осерчал, — захохотал Киприан. — Думаю, в Царьграде на одних оливках монаху можно прожить годы без урона для здоровья, а тут... курица! Что за излишество!

Бывший посол византийского патриарха, нынешний митрополит Киевский, Русский и Литовский (будет ли когда-нибудь у православных митрополит всей Руси?) и впрямь умел довольствоваться малым. Единственное, без чего он не умел обходиться, — так это без перьев, чернил и пергамена, которого требовалось с каждым днём всё больше, и это стало моей главной заботой.

Но прежде навалились хлопоты иные. После трапезы великая княгиня Евдокия известила о том, что намерена злоупотребить гостеприимством лишь до утра.

У меня было такое чувство, словно с неба сорвалась ещё одна хвостатая комета и ударила меня своим копьём («Так быстро!..»). Но разве мог я возразить? Зато не молчал митрополит.

— Уже успела забыть, как мы к поганым в лапы едва не угодили? Хочешь полонянкой стать — твоё дело, но княжичи — о них ты подумала? Если Тохтамыш к Москве пришёл, чтобы выдачи великого князя требовать, думаешь, семью его пощадит?

Не дожидаясь ответа, митрополит сокрушённо повернулся ко мне.

— Мы насили ноги из Москвы унесли. Стоило князю Кремль оставить, как замятня началась: одни обозы со скарбом грузили, другие их грабили; одни из города выбирались, другие в них камнями со стен кидались; а когда уж кремлёвские погреба разграбили, то все как обезумели. Тогда-то я и умолил великую княгиню Кремль покинуть.

Конечно же, Киприан пустился в повествование не из-за устремления обрести во мне свежего слушателя, а из-за желания повлиять таким не нарочитым образом на великую княгиню. Она и впрямь чутко прислушивалась к его рассказу, и всё же, когда она заговорила, в её словах было больше отклика на свои собственные мысли, чем на откровения митрополита:

— Мы бежали из Кремля через Фроловские¹ ворота — те самые, через которые Димитрий уходил на битву на Куличках и возле которых мы с детьми встречали его с победой. А то что люд сейчас поднялся... Вправе ли мы его, оставленного государем и митрополитом, винить?

Киприан вскинулся как от пощёчины:

— Когда я оказался в Царьграде, охваченном великой смутой и насилием — на море господствовали латиняне, а сущей завладели богопротивные турки, я не покинул в ужасе царицу городов². А нынче картина иная. Ты уж прости

¹ Ныне Спасские.

² В литературном наследии Киприана имеется драматическое описание византийских событий 1379–1380 годов, которым он был свидетель и участник.

мне, великая княгиня, дерзновенную откровенность, напомнить тебе хочу: великий князь, отъезжая, семью свою поручил моим заботам — тебя с детьми малыми. А как сберечь, если не знаешь, кого остерегаться больше — хмельных простолюдинов, вероломных бояр или беспощадных ордынцев?

— Меня, отче, беречь не надо, я сама себе и своим детям защитница. А если на кого из заступников и уповаю, так только лишь на неё, на Пресвятую Богородицу, — вспыхнула великая княгиня.

Киприан, стиснув посох так, что побелели костишки пальцев, опустил голову.

Помолчав, все разошлись: великая княгиня затворилась с детьми в келье; Киприан удалился в храм, взгляном остановив нас, вздумавших сопровождать его; Афанасий и Епифаний, вздохнув, тоже куда-то побрали, каждый в свою сторону. Остался я в одиночестве, мучаясь невозможной мыслью: должно быть, не одна Москва в осаде, прочие города и земли уже пленены, а как же великая княгиня с детьми малыми в дальнюю дорогу пустится? Что-то в этой хрупкой женщине было такое, что указывало: эта не отступит, не остынет от своего бессильного женского гнева, а и вправду соберётся с утра — и поминай как звали, а две дюжины мужиков, путаясь в рясах и бородах, станут крестить её вслед.

— Свалились мы на твою голову, да?

Я и не заметил, когда один из иноков вернулся. Это был Епифаний. Серые глаза смотрели с усталым пониманием.

Не ответив, я молча кивнул.

— Об Евдокии думаешь?

Я снова кивнул.

— Я и сам про неё думаю, — просто сказал Епифаний и предложил:

— Пошли под яблоньку сядем, я со Спаса ещё ни одного яблока не съел, а они у вас краснобокие такие.

Мы не сразу нашли, где сесть: в траве то там, то сям алели паданки. Епифаний подобрал одну и, потирая в ладонях, вдохнул тонкий аромат:

— Вкусно! — он самозабвенно захрустел яблоком. Спелое семечко застряло в завитке курчавой бороды. — Не много испытала Евдокия радостей в супружестве за Дмитрием. Едва свадьбу сыграли, великий пожар случился, затем — моровая язва, потом — одно за другим нашествия на Москву: то литовский Ольгерд, то рязанский Олег, то тверской Михаил, теперь вот Тохтамыш. А она всё у Фроловских ворот — встречает, провожает... Не удержать её митрополиту в Твери, она к мужу в Кострому поедет, потому что он, конечно, великий князь, да только она его становой хребет. Без неё ему в Москву не вернуться. Не смотри, что она маленькая и тихая, в ней решимости и веры больше, чем в любом из нас.

— Да я уж это понял. Но, если она от нас одна-одинёшенька с детьми уедет, кто мы после этого будем?

Епифаний молча принялся за второе яблоко.

— А княгиня сама ведь суздальская? — спросил я, смутно припоминая. — Может, братья родные помогут, хотя бы с войском к мужу сопроводят?

Епифаний улыбнулся мне как несмышлённому дитяти:

— У власти родни нет. Власть лишь саму себя знает и любит. Мы когда из

Москвы выбирались, знаешь, кто рядом с ордынскими вельможами под стенами белокаменной стоял? — Епифаний забыл про яблоко, и оно, выскользнув из рук, с глухим стуком скатилось в траву. — Суздальские князья Василий и Семён! Тохтамыш за их родной сестрой с племянниками малыми погоню снаряжал, а братья в это время её подданных уговаривали: мол, царь татарский не на вас войной пришёл, а на князя Дмитрия, потому не бойтесь ничего, ворота открывайте. Думаешь, Василий и Семён сами по себе туда пришли? Нет, их отец туда прислал состязаться в предательстве с рязанским князем Олегом, тот ведь татарам угодяя, все броды на Оке показал. Вот и суздальский князь Дмитрий решил от него не отстать: ярлык на великое княжение дороже жизней дочери и внуков. Так что Евдокия совершенно справедливо лишь на заступничество Пресвятой Богородицы уповаёт.

— А как же вы от погони ушли?

— Изворотом, как ёщё! Митрополит с меньшими княжичами в возок сел, будто бы он, грек, над сиротками сжалился, по пути подобрал (к нему как тохтамышев дозор подъехал, он с греческого языка ни разу на русский не перешёл). Я со старшим княжичем верхом ушёл, посадив его в седло позади себя. Афанасий с княгиней особняком от нас поскакали, она ведь в седле сидит с мужской сноровкой. Взяли б с собой дружиныхников, боя не миновать, а так выскользнули... Ордынцы хоть и ушлые, а всё же княгиню с детками искали, но никак не грека с сиротками, не иеромонаха с послушником, не игумена с дьячком. А вот как дальше быть, не знаю. Митрополиту не с руки в Кострому ехать к князю. Ведь тот когда Киприану семью препоручал, сам собирался лишь до Переяславля доехать, да видно не удалось там войско собрать, вон аж в какую даль забрался. Значит, будет под горячую руку виноватых искать.

Не знаю почему, но в моей голове мельтешили обрывки двух фраз: «Взяли б с собой дружиныхников, боя не миновать» и «Евдокия на заступничество Пресвятой Богородицы уповаёт...» — будто разноцветные осколки, которые должно сложить в единый узор:

— Неподалёку от нашей обители женский скит есть, будь я князем, туда бы войско собирать поехал. Там такие матушки, что им и оружия не надобно. За себя и правду голыми руками постоят, но из них и лучницы знатные, и мечницы отменные.

— Это где ж они так научились?

Вопрос Епифания заставил меня вздрогнуть. Я и не заметил, как начал размышлять вслух.

— А у инокинь этих у всех судьбы схожие. У них не осталось никого. Они, прежде чем принять постриг, пережили нашествия и моры, схоронили мужей и детей, только верой да памятью и живы, а это, сам знаешь, какая сила.

— А ну-ка пойдём, брат, к митрополиту,— вскочил Епифаний и под его сапогом с хрустом брызнуло наливное яблоко.

Киприан, выслушав, просветлел лицом:

— Сколько до этого скита?

— Четыре дня пешего пути.

Митрополит сник.

— Или два дня конного пути,— уточнил Епифаний.

— День и ночь, если свежего коня с собой взять,— подобрался я.

— День туда, два назад,— подытожил Киприан и поморщился,— не удержим великую княгиню.

— А где этот скит, близ какого тракта? — спросил Епифаний.

— В излучине Волги,— пожал я плечами, теряя надежду. Но тут непослушные разноцветные осколки вдруг сложились в цельный узор. Я вскричал: — Так ведь это по пути в Кострому!

Стоит ли рассказывать, как я хлестал коня и шептал ему на ухо, прося поторопиться, как молили инокинь взять на себя охрану Евдокии и её детей... Я увершевал матушек долго, но толку, пока у меня от отчаяния не вырвалось: «Видно, правильно про нас миряне говорят, что сердца наши открыты лишь для молитвы. Не понять инокине тревоги женщины, рвущейся на части между долгом жены перед мужем, матери перед детьми!» Сказал и увидел, как замкнулись их лица. Что я наделал!

Но, готовый быть изгнанным, вместо этого услышал: «Не приведи Господь испытать ей то, что выпало на долю каждой из нас. Вы двое и вы двое, собирайтесь в дорогу». «А не мало ли?» — усомнился я. «Две по две,— странно усмехнулась настоятельница,— вполне достаточно. Как могут устоять перед двоими десятки одиночек, отягощённых железом?»

В изумлении я наблюдал, как инокини достали с полки колчаны и сосредоточенно вложили в их гнёзда острые сулицы. Древки этих копий были такими тонкими, что их умещалось не менее семи в каждом из колчанов. Всё очень сильно походило на военные сборы. Инокини, закрепив одна другой на поясе колчаны, отправились седлать лошадей...

И вот теперь я сидел на опушке, откуда был виден лесной тракт. Два моих коня копотливо щипали траву, а я ждал, карауля каждый предрассветный звук. Вот сонно ухнул филин. Вот воскликал, пробудившись, жаворонок. Его поддерживал соловей.

Чу! Вот звук, который я чаял услышать: топот копыт! Спустя мгновение увидел мчавшихся во весь опор двух всадниц. Развеялись хвосты и гривы лошадей, простирались по ветру как крылья чёрные мантии. Инокини скрылись в лесной чаще.

Тут же донёсся скрип колёс, а вскоре и показался знакомый возок, запряжённый парой гнедых: великая княгиня не замедлила выступить в дорогу.

Я думал, что вот сейчас умчавшиеся вперёд инокини вернутся, поравняются с возком, великая княгиня, разумеется, ринется им навстречу с самоотверженностью птихи, уводящей хищников от своего гнезда, а они объяснят, что будут охранять её.

Я вскочил, жадно взглядываясь в перепутье, на котором вот-вот произойдёт замышенная встреча. Возможно, я даже успею подойти и проститься? Я стоял, сбивчиво молясь то о благоприятном путешествии рабы Божией Евдокии с чадами, то о спасении собственной души, ввергнутой в пучину страстей доселе мною неведомых.

Но где же инокини? Почему не подождали княгиню, а ускакали вперёд? И где ещё две, ведь в путь собирались четверо? Неужели сбились с дороги? Разминулись? Опоздали? Скрип колёс растаял в утренней полусолнной тиши...

И только тогда я услышал топот, а спустя мгновение увидел мчавшихся во весь опор ещё двух инокинь. «Как могут устоять перед двоими,— вспомнил я слова настоятельницы,— десятки одиночек, отягощённых железом?»

Я сел, где стоял. Великая княгиня больше не нуждалась в моей помощи. Её оберегали печальницы инокини. Можно было возвращаться.

Мне не хотелось ни есть, ни пить, ни спать. Бросив поводья, безучастно держался в седле, а в это самое время какой-то внутренний хронограф говорил мне: вот они миновали Ростов, вот оставили позади Ярославль, вот переправились через Волгу...

Дальше я ничего не хотел представлять: не только телу, но и душе свойственно страшиться боли. На третий день я вернулся в обитель. Киприан выслушал мой путевой отчёт, дотошно уточнив, какой дорогой проводили великую княгиню инокини.

— Поехали не прямлицами, а околицами, опасаясь и таясь,— ответил я, вспомнив как наставляла свой дозор настоятельница.

— Будем надеяться, что с Божией помощью княгиня Евдокия уже добралась к мужу в Кострому,— перекрестился митрополит.

— Да,— согласился я, согнувшись как от удара.

Киприан, успокоенный, ушёл, а Епифаний спросил:

— Больно?

Я кивнул, прежде чем до меня дошёл смысл вопроса.

— Ты о чём это? — спохватился я, запоздало разыгрывая неведение.

— Да ладно тебе,— махнул он рукой,— душа любящего в теле любимого человека.

Я вскочил, чтобы уйти, ещё не зная, что через минуту вынужден буду оставить все свои личные коллизии.

— Понимаешь,— кашлянул в кулак Епифаний,— владыка Евфимий не в ладу с вашим князем Михаилом Александровичем. А вот Киприан с ним в давней дружбе, да только показывать это сейчас не с руки, потому что ваш князь — лютый враг московского князя. И без того уж выходит, что Киприан никуда нибудь сбежал, а в Тверь — непримирумую обидчицу Москвы.

— Ну а я-то что?

— Ты тутошний, многих знаешь,— снова кашлянул Епифаний.— Как встречу вашего князя с Киприаном устроить? Ты мне хоть намекни, на какого нужного человека выйти, чтобы тот, не болтая, довёл до сведения Михаила Александровича, что митрополит его видеть хочет. Выручил раз, выручи, брат, и другой...

Монастырские стены имеют и глаза, и уши. Кто не знает, как Михаил Александрович, приглашённый в Москву якобы с любовью, был посажен в заточение; как ходил он потом вместе с Ольгердом и силой смоленской на Дмитрия; как спасался бегством в Литве, пока московский князь разорял в отмщение тверские земли; как лишённый помощи литвинов, хлопотал в Орде за своё великокняжеское достоинство...

И вот теперь, когда под стенами московского кремля стоит Тохтамыш, у меня в обители сидит Киприан, митрополит не столько московский, сколько литовский, в ожидании встречи — опять-таки в стенах нашего монастыря? — с тверским князем. О чём они будут здесь договариваться? О новой литовщине?

О выступлении тверского войска в поддержку ордынцам? Я решительным образом не хотел иметь к этому сговору ни малейшего отношения!

Епифаний не спускал с меня глаз. Я это понял, когда уловил печальную улыбку, слабой тенью промелькнувшую на его лице.

— Ты не знаешь...

— Не знаю,— кивнул я, не дослушав,— ни князя, ни владыки! Если бы не ваше появление, я бы Евфимия здесь вряд ли вообще когда-либо увидел. Мой монастырь беден и мал, ни Михаил Александрович, ни владыка Оршу своим вниманием не чтят. И это хорошо. Чем ближе к власти, тем дальше от Бога.

— Нет,— ещё печальнее улыбнулся Епифаний,— ты Киприана не знаешь. Впервые человека увидел и уже судишь. Не по сану нам с тобой такая скоропалительность.

— Ах ну да,— в запальчивости я уже не мог остановиться,— он ведь архипастырь, а я ему послушник!

— Твой архипастырь Евфимий,— раздался за моей спиной голос Киприана, тон его был спокоен и ровен, но всё же заставил меня содрогнуться. Я вскочил.— Он тебе повелел приютить нас, ничего больше ты делать не должен.

Митрополит укоризненно посмотрел на Епифания:

— Оставь Антония в покое! К тому же, может, владыка и сам князю скажет, что мы тут.

— Не скажет, отче, у них распри, годами друг с другом не разговаривают.

— Значит, давай Афанасия пошлём.

— Он же никого не знает.

— Тогда будем гонца от московского князя дожидаться. Уж княгиня ему скажет, где нас оставила.

— Воля ваша,— вздохнул Епифаний,— только у нас нет ни куна, да и пергамен на исходе.

— Ну с этим-то мы как-нибудь поможем,— вмешался я, слыша будто со стороны свой виноватый голос.

Я отдал Епифанию почти весь свой запас чернил, бумаги и пергамена, оставил себе лишь самое малое: грешен, страдаю склонностью поверять свои мысли перу, но ещё пуще люблю утолять жажду из рек чужой премудрости.

Киприан и Епифаний трудились слаженно и много. Не знаю, имели ли они прежде совместный опыт, но они походили на людей, которым уже не приходится задумываться над тем, как наладить общую работу. Дни их протекали однобразно, но насыщенно.

Задавая направленность общежитийным делам в обители, я заставал наших гостей то на берегу Орши, то в яблоневом саду. Лишь неторопливый сентябрьский дождик вынуждал их иногда прятаться под навес на дровах, которые мы, заготавливая на зиму, оставляли просушиваться под осенним солнышком.

Где бы они ни попались мне на глаза, картина была одной и той же: Епифаний, примостившись на бревне или попросту на земле, поспешно писал, а Киприан, расхаживая близ него, диктовал. Изредка Епифаний останавливался, чтобы задать вопрос. Сначала я подумал, что он справляется, потому что не успевает записывать, но позже понял, Епифаний страшивал, чтобы прояснить суть.

— Отче, прервёмся ненадолго и перечтём сказанное ранее?

Митрополит сосредоточенно кивал, весь обратившись в служ.

— Итак,— Епифаний взял в руки исписанную страницу,— Митяй занял место наречённого митрополита, во-первых, благодаря ложному истолкованию завещания Алексея, будто тот назначил его своим преемником. Всё верно?

Киприан кивнул, соглашаясь. Епифаний продолжил:

— Во-вторых, Митяй до возведения в сан епископа облёкся в мантию и присвоил себе знаки митрополичьего достоинства благодаря прямому вмешательству князя в дела церкви, согласно уставу которой епископы должны избираться епископским собором, а не гражданской властью. Правильно?

— Да, но мы упустили из виду третью, особенно важное, обвинение: подкупом и симонией вершилось это незаконное поставление. Эти люди надеялись на деньги и генуэзцев¹! — гневно воскликнул митрополит.

Епифаний молча взялся за перо. А я невольно перенёсся в события трёхлетней давности, которым я — на ту пору новопоставленный наместник — стал случайным свидетелем.

...Колокола в тот летний полдень не стихали. В такт им цокали конские копыта. Лишь передняя шестёрка коней нет-нет, да и сбивалась с ритма. Рысаки натужно тащили царские сани по рассыпчатой соли, как по белому снегу. Редкие иноземные послы удостаивались такой милости от московского князя.

В санях сидел сам Дмитрий Иванович, а по левую руку от него, возвышаясь на целую голову, восседал дородный, румяный поп в белом клубке и митрополичьей мантии, изукрашенной парамандром, который ковром лежал на его могучем торсе. В толпе волной нахлынул и склынул шёпот: «Митяй!»

Следом за санями в богато изукрашенных возах мерно колыхались старейшие бояре. За ними важно выступали епископы, я признал среди них лишь одного — коломенского владыку Герасима. Потом ехали архимандриты, протопопы, игумены...

В толпе, глазея, наушничали. Мол, провожать княжьего любимца до Оки отправились, не смея ослушаться Димитрия Иоанновича, все светские и духовные сановники. Не было лишь одного архиерея Дионисия Сузdalского, с которым у наречённого митрополита вышлассора. Дионисий якобы отказался прийти под благословение Митяя, высказал ему напрямик то, о чём перешёптывались во всех церквях и монастырях: «Я епископ, а ты поп. Как можешь ты благословлять меня?» Митяй нажаловался великому князю, и тот приставил к Дионисию стражу. Тогда опальный архиерей поклялся смириться, представив себе порукой Троицкого игумена Сергия Радонежского, а сам тайно уехал в Царьград, к патриарху, куда поспешал теперь ему вслед и Митяй с пышной свитой...

За сановным поездом тянулись гуськом сановные всадники — митрополитские бояре. И, наконец, в окружении целого полка отроков и слуг, везли на телегах казну и ризницу. Сотни колёс громыхали по мостовой, заглушая звон колоколов...

¹ «Тии на куны надеются и на фрязи» (Киприан).

Я так явственно всё это слышал, что Епифанию пришлось окликнуть меня трижды, прежде чем я его услышал:

— Отче, ты с нами иль далече?

Я стряхнул с себя остатки воспоминания и потерянно улыбнулся:

— Простите, отцы. Шёл по делу, но заслушался нечаянно. — И понимая, как это выглядит со стороны, заторопился с оправданьем: — Подслушивать, право слово, не хотел.

Киприан пожал плечами:

— Не виновать себя, для того и пишется, чтобы люди знали.

— Тогда позволь... — я запнулся, не зная как обратиться к митрополиту. Я и с архиепископами за всю свою жизнь разговаривал дважды — с коломенским владыкой Герасимом, когда меня игуменским саном и наместничеством удостоили, да ещё с тверским владыкой Евфимием, когда он намедни ко мне с гостями пожаловал.

— Отец Киприан, — подсказал мне митрополит сам, — не стоит усложнять то, что просто.

— Отец Киприан, — подхватил я благодарно, — а какой резон генуэзцам в наши церковные дела вмешиваться?

— А если я тебе скажу, что на Куличках генуэзы заодно с татарами бились? Что на это скажешь?

— Что они Москве враги. Тогда тем более не понятно, зачем им митрополита за свои деньги в Москве ставить.

— Так уж и непонятно? — усмехнулся Киприан. — Тогда тебя спрошу ещё: ты знаешь, кто на Куличках наблюдателями рядом с московским князем стоял? Я пожал плечами.

— Все те же генуэзы! Димитрий Иоаннович их сам пригласил, потому что и в случае победы, и в случае поражения торговых отношений с Крымом рвать не хотел. А знаешь, к кому убежал Мамай разбитый годом позже после Куличек Тохтамышем на реке Калке? К генуэзам!

— И тут же был ими убит! — вставил своё словцо Епифаний.

— Что теперь скажешь? — спросил меня Киприан.

— Разве только то, что итальянские купцы о своей выгоде радеют и цену за неё сами назначают. Отче! — наконец вспомнил я, зачем пришёл: — Князь наш Михаил Александрович, выслав вперёд себя гонцов к Тохтамышу с поздравлением с победой, вместе с сыном уехал в Орду.

Киприан кивнул грустно:

— Спасибо, что всё же, отказавшись от поручения, выполнил его. Конечно, он сейчас несчастиям Москвы рад, надеется, небось, воспользоваться злобой Тохтамыша на Донского, когда ж его, если не сейчас, попытаться с помощью молов свергнуть с престола. А ты, Антоний, генуэзам удивляешься!

— А мы что будем делать? — спросил Епифаний, покусывая перо.

— Работать, — был ответ.

* * *

Седьмого октября пополудни из-за ворот обители окликнули:

— Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас!

— Аминь! — отозвался вратарь, без предосторожностей отпирая засов.

И действительно, у ворот стоял безобидный дьячок, но поодаль маячили не спешившиеся дружины.

— Где тут есть митрополит Киевский, Русский и Литовский Киприан? — дьячок явно стремился иметь грозный вид, и таковым бы и казался, если бы не выпяченный кособокий животик и колышущиеся от важности щёки. Он похлопывал по ладони скрученной грамотой, словно дубинкой, выражая нетерпение.

— Митрополит всея Руси Киприан,— услышал я свой голос, сам себе поражаясь,— здесь. Как ему доложить? Кто ты, с чьим поручением?

— Малк Шигон я,— сбавил спесь дьячок, сжав грамоту в руке,— дьяк, с поручением от великого князя Димитрия Иоанновича.

— Ты, дьяк, сейчас в Твери, — напомнил я ему.

Вратарь после этих моих слов решительно затворил ворота, оставив московских дружинников вне обители. Малк, оставшись один, ещё более скособочился. Я направился к митрополичьей келье, дьячок двинул было за мной, но я остановил его взглядом: жди, мол. Он послушливо отступил.

Киприан прибытию гонца не удивился.

— Впусти его, Антоний.

Дьячок прямо на пороге хотел взломать на грамоте печать, чтобы прочесть вслух.

— Я чтению обучен,— упредил его Киприан, протягивая руку.

Малк с полупоклоном нехотя отдал. Разломленная надвое печать ореховой скорлупой упала на пол. Митрополит пробежал великолажескую грамоту.

— Ступай назад, скажи, что поручение исполнил. С Божией помощью буду завтра в Москве.

— Я с дружинниками здесь, они препроводят да и охраной будут.

— Ступай,— повторил с потаённой горячностью Киприан,— один приеду. Охранять княжым людям меня надо было тогда, когда я с великой княгиней да с малыми княжичами из осадной Москвы выбирался.

Дьячок, ещё причудливее скрючившись, попятился. Вратарь, закрывая за ним ворота, с удивлением отметил, что гонец повернулся в сторону, противоположную от московского тракта...

Прощальная трапеза была более чем скромной не только из-за скудности припасов, но и из-за причины, по которой Киприан и его спутники покидали нас. Инохи, менее осведомлённые чем я, но не менее наблюдательные, молча по очереди подошли к митрополиту под благословение.

Последним был я.

— Благослови, отец Киприан, препроводить тебя и твоих спутников до Москвы.

— Евфимий на это тебя не благословлял,— напомнил мне Киприан.

— Он в Твери епископ, а ты митрополит всея Руси...

— Не пожалеешь? — усмехнулся Киприан.— Я не за наградой еду.

— Сожалеть придётся, если ты, отче, мне в этой чести откажешь.

Кривить душой не стану: вызвался я ехать ещё и потому, что надеялся хотя бы невзначай увидеть великую княгиню Евдокию, а если особо посчастливится — то и лишний раз послужить ей.

Мы выехали в тот же день, выбрав окружной путь: длиннее, но спокойнее. К тому же переночевать и коням роздых дать можно было в лесной пустынке, которая как раз была по дороге.

Проехав весь день в одиночестве, мы расположились на ночлег как раз тогда, когда над чащой сгустилась мгла, щедро подсвечиваемая звёздами. Наскоро подкрепившись, легли, чтобы на зорьке продолжить путь.

Среди ночи я проснулся, обеспокоенный мятыщимся пламенем свечи. Пред ней сидел Епифаний, торопливо исписывая четвертушки листов.

— Почему не спишь? — спросил я, наблюдая пляшущие под пером тени.

— Тсс! — приложил он к губам испачканный чернилами палец. — Киприана разбудишь.

— А ты?

— А что я? Ещё Василий Великий писал в своём поучении: «Будь ревнителем праведно живущих и имена их, и жития, и дела записывай на своём сердце». Поскольку же я не достиг такой меры и не пришёл в такое состояние, чтобы писать на скрижалях сердечного разума, то решился писать на материальном пергамене.

— Как думаешь, что завтра в Москве будет?

— Битва овец среди волков¹.

— И даже того хуже, — подал вдруг голос Киприан, — потому как я не воин, а епископ. И иного мне по сану моему не дано.

— Бывает иначе, — неожиданно возразил Епифаний. — Мне один такой известен. Он воин.

— Кто таков? Я его знаю?

— Навряд ли, отче, он не из ваших мест, к тому же даже не епископ, а простой монах.

— И как его зовут?

— Стефан Храп. Он пошёл в землю, где не ходили ногами святые апостолы, и стал там и законоположником, и исцелителем, и крестителем, и проповедником, и исповедником, и учителем, и стражевым, и правителем.

— Свидетель бы с ним... Что за земля-то?

— Это Пермь — непонятная страна. Из неё две реки вытекают, Вычегда и Кама, и воды одной бегут к северу, а другой — к югу.

— Чудь?! А ты сам туда хаживал?

— Нет, не успел ещё побывать, но путь знаю: если из нашего со Стефаном родного Устюга рекой Вычегдой подняться вверх, то можно войти в эту самую Пермь...

Незаметно для себя я уснул, погрузившись в тревожном сне в бурное течение двух рек, слившихся в противоречивый поток: с трудом держась на поверхности, я никак не мог определиться, куда мне плыть. Загребал левой рукой — меня сносило к правому берегу с переплетёнными намертво корнями угрюмых сосен; пускал в ход правую руку — на меня надвигался скалистый левый берег. Пробовал грести обеими руками — стремительно шёл ко дну.

Я вынырнул из своего сна только тогда, когда мои спутники уже седлали коней. Провёл рукой по потному лбу и, ещё как следует не проснувшись, подумал: «Ну вот, насквозь промок...»

¹ Мтф. 25:21.

Солнце ещё стояло в зените, когда мы уперлись в частокол из толстых заострённых брёвен, за которыми виднелись вдали верхушки башен Кремля, одетых в строительные леса.

Афанасий, ехавший первым, повернул влево — к трёхъярусной постройке, из верхних окон которой вырывались клубы белого пара.

— Ну что ж, сотворим омовение, — усмехнулся Киприан и тихо, словно себе одному, добавил: — Пока не приняли мучение.

Я, смущившись, хотел было остаться, но Епифаний не дал:

— Идём, приезжим в Кремль принято являться чистыми, обновлёнными.

Слезли с полок истомлённые жаром и ожили, лишь когда облизались студёной водой. В сенях, отдохнувшись, переменили исподнее, смахнули седую пыль с ряс и сапог.

— Теперь пора...

Я осторожно взглянул на Киприана. Митрополит выглядел отстранённо, словно глядел внутрь самого себя. «Что бы ни говорили обо мне некоторые люди, — вспомнились мне его слова из ночного разговора, — я не воин, а епископ».

К воротам Кремля вёл мост, который я поначалу принял за каменный остров, поскольку не доходил ни до правого, ни до левого берега речки Неглинки (я невольно вспомнил свой сон). Но стоило нам подъехать ближе, как сидевшие на жухлой траве ратники зашевелились, надвигая на мост деревянный настил. Бессспорно, старались они не ради нас, а ради обогнавшего нас боярина в окружении дюжины дьяков и ратников.

— Василий!.. Румянец!.. — прошелестело на берегу.

Два рослых ратника, спешившись, взяли под уздцы коня, на котором восседал грузный боярин. Вороной, оскальзываясь и хрюкая, натужно внёс свою пыхтящую поклажу на мост.

Митрополит въехал на помост следом. Один из стражников заступил дорогу — Киприан показал великолкняжескую грамоту, и мы пустили коней в галоп. Василий Румянец уже скрылся в воротах проездной башни, но подъёмный мост, который служил продолжением каменного моста, поднять ещё не успели.

Мы въехали в Кремль. За нерушимыми крепостными стенами царило безмолвие. Среди шлемообразных куполов церквей маячили обгорелые остаты теремов, чёрные на седом пепле. Копыта наших коней едва касались этой печальной пороши, скрадывавшей топот. Да что там топот! Самый тихий шёпот показался бы здесь воплем, потому что все живые звуки окрест поглотил приторный запах смерти.

Кони, чуя его, хрюкали и натягивали поводья, норовя повернуть назад. Им было жутко на безлюдье. И вдруг, словно из-под земли, возник старик. У него были совершенно белые волосы и чёрное лицо. В руках он бережно держал что-то круглое, от чего никак нельзя было оторвать взгляд. Через мгновение я понял — это обуглившийся череп.

Гнедой под митрополитом, хрюкая, встал на дыбы. Старик споткнулся, череп упал и рассыпался в прах:

— Как же я теперь без тебя, Любушка?

Конь подо мной был смиренее остальных, и я, наклонившись, потряс старика за плечи.

— Вставай, у тебя дел ешё много! Кто ж, кроме тебя, о душе её новопреставленной позаботится...

— Да, надо! — он кивнул, приподнимаясь.

Он провёл ладонями по лицу — слёзы смыли копоть с подбородка и щёк. Запустил пальцы в волосы — под пеплом оказались русые кудри.

— Князя найти нам поможешь?

Он кивнул, берясь за стремя, но тут же обмяк:

— А как же она? Как я её тут одну брошу?..

— Как тебя звать?

— Андрон...

— Ты возьми, Андрон, щепоть этой земли, мы с тобой вместе за упокой отслужим. Можно сорокоуст, годовое, а то и вечное поминовение.

— Вечное! — эхом отозвался он, доставая из ладанки сложенный восьмушкой пергамен. Бережно ссыпав туда прах, перевязал сурою ниткой и положил обратно.

Андрон легко вскочил сзади меня в седло. Обогнав спутников, свернули направо — туда, где одни из ворот вели в посад. У кремлёвской стены лежали рядами, как воины в шеренге, убиенные. О том, как довелось встретить им свою смерть, свидетельствовали приметы. Под окровавленными рогожками были, вероятно, зарубленные саблями. Обгорелые ступни указывали погибших в пожаре. Разбухшие туловища выдавали утопленников. Под иными рогожками едва угадывались тонкие очертания маленьких тел. Лишь у некоторых из них сидели матери.

— Некому хоронить, — услышал я чей-то дрогнувший голос, и оглянулся, чтобы увидеть сказавшего.

Он стоял, пряча лицо на шее у своего коня, но его выдавали вздрагивающие плечи. Длинное, почти до пят, корзно, обшитое галунами и меховой опушкой, указывало, что плачущий — знатный человек.

Вдоль трупов семенил княжий дьяк и, кивая головой, отсчитывал:

— ...два сорока! Стой!

Слов его было почти не разобрать. Дьяк, закрыв от смрада нос и рот платком, ткнул пальцем в восьмидесятый труп. Могильщик с закатанными рукавами и с таким же, как у дьяка платком, концы которого он заправил за верёвку, перехватывавшую волосы на голове, вонзил в землю лопату напротив указанного покойника.

Укрытая в чёрный плат женщина протянула ему столбик монет.

— Рубль на два сорока трупов! — оповестил могильщик и, сунув деньги за щеку, махнул рукой сидевшим в теньке мужикам. Те, как поднятые на крыло вороны, с лопатами наперевес двинулись закапывать, а дьяк пошёл отсчитывать дальше...

Раздался сдавленный стон. Один из могильщиков неловко переминался с ноги на ногу, избегая смотреть на женщину, разглаживавшую рогожку. Так поправляет мать сползшее со спящего ребёнка одеяло.

Рядом с ней опустился на колени Киприан:

— Бедная моя, давай вместе помолимся за упокой...

Могильщики, воспользовавшись заминкой, осторожно вонзили лопаты в землю.

— Жалеть пришёл? А где ты, митрополит, раньше со своей жалостью был?! — раздался из-за спины грозный окрик.

Это был тот самый боярин, плакавший на шее у своего коня. Киприан, не успев подняться с колен, растерянно посмотрел снизу вверх.

По тому, как склонились в поклоне дьяки, как подобрались стоявшие поодаль бояре, как взялись за рукояти мечей ратники, стало понятно: перед нами — великий князь московский Димитрий Иоаннович.

В воцарившейся тишине были слышны лишь стук лопат да неразборчивое бормотание отсчитывающего следующую очередь для свежей похоронной команды.

— Два сорока!..

— Слышишь? — поморщился князь, словно от нестерпимой боли. — А знаешь, митрополит, сколько всего сороков погребли? Это ведь последыши. Я тебе сейчас скажу!..

Князь закрыл лицо руками, и я уже подумал, что он сейчас вновь расплачется.

— Митенька,— легла ему на плечо женская рука.

Я как только увидел эти длинные пальцы, так дышать перестал: она! И вправду, это была она, великая княгиня Евдокия. Чёрный плат скрывал плечи и грудь, подчёркивая бледность лица и печаль тёмно-карих глаз. Она не плакала. Но в том преувеличенном спокойствии, с которым она смотрела на всё окрест, сквозила такая скорбь, что хотелось преклонить колена.

— Митенька,— повторила она, крепко сжимая его плечо,— горе требует тишины. Не место и не время.

— Хорошо,— понизил он голос едва не до шёпота,— Авдотья, ты мне просто скажи, кошель у тебя пуст?

Князь так по-домашнему обратился к великой княгине, что сердце моё сжалось ещё пронзительнее.

Евдокия молча кивнула, скорбно сжав обескровленные губы.

— Триста рублей в нём было,— князь потёр лоб ладонью, пытаясь укрыть от посторонних взглядов свои глаза,— триста! Она всё раздала! По рублю на два сорока трупов! Думаешь, я денег пожалел? Мне людей жалко! Двадцать четыре тысячи схоронили! В ином городе жителей меньше, чем у нас покойников. А тех, что в огне не сгорели, в воде не утонули, под саблями не погибли, тех в рабство поганое увели!

— Великий князь, чтобы ни говорили обо мне некоторые люди, я не воин, а епископ.— Киприан говорил ещё тише, чем Димитрий.— Я ехал в Москву к тебе как к своему сыну, чтобы увидеть всех вас и дать вам то, что в моих силах — духовное утешение...

Но великий князь его перебил, стряхивая со своего плеча руку Евдокии:

— А знаешь ли ты, монах, в каком утешении я нуждаюсь? Только в том, какое мне давал незабвенный Алексий. Под его руководством было начато строительство этих неприступных стен,— он кивнул на белокаменный Кремль.— Люди дрогнули, а стены устояли. Вот что я понимаю под благословением и утешением! Иной митрополит на Москве мне не надобен. Воевода, собирай войско. На Рязань, на князя Олега! Отсидеться хотел? Так не выйдет! Коня мне!

Стременой кинулся выполнить приказание, Димитрий Иоаннович грозно

шагал следом, рассекая толпу, враз пришедшую в движенье: ратники строились, бояре с ловкостью куниц пристраивались вслед князю. Остались невозмутимы лишь могильщики и мертвцы, оплакиваемые материами, вдовами, сёстрами.

— Не держи на него обиды, отче, — Евдокия, стоя перед митрополитом, теребила опустевший кошель. — Он не столько тебя винит (если б не ты, нам с детьми из этого пекла не выбраться бы), сколько себе самому простить не может того, что с войском припозднился. Вот и на всех в сердцах боль свою срывает. Он и меня корил, что-де отец и братья мои с Тохтамышем заодно были. Если б не было победы на Куличках, не так обидно было бы...

Киприан, улыбнувшись, кивнул великой княгине. А на меня она даже не взглянула!

Князь, кося глазом, как понёсший конь, грозно приказал:

— Чужеземца Киприана — из Москвы вон! Пимена из заточения вернуть — и в митрополиты! Я его простил!

— Мы как знали,— залебезил тот самый грузный боярин, Василий Румянец, обогнавший нас на мосту,— я своего человечка уж в Тверь послал...

Пухлые щёчки боярина пылали гневом, сжатые кулаки выражали готовность броситься на врага и растерзать его на глазах своего повелителя. Василий Румянец указал в нашу сторону — двое конных ратников стали теснить нас к мосту, который уже торопились опустить.

— Батюшка,— нырнул под моего коня Андрон, про которого я в этой сумятице успел уже забыть,— спрячь меня от этого боярина, мне не жить, если он меня заприметит. Спаси!

Я не стал переспрашивать. Нашарив в переметной суме запасной подрясник, накинул его на Андrona...

Наши кони простучали копытами по деревянному настилу, который за нами спешно убрали, отрезав нас от Москвы как лишний ломоть. На развилке мы остановились.

— На сей раз я легко отделался,— печально улыбнулся Киприан.— Когда впервые после смерти Алексия в Москву въехал, подручные князя, раздев, пешим изгнали из города. А чтобы унизить побольнее, нарядились в мои одежды и уселись на моего коня.

— Не ведают, что творят,— откликнулся Епифаний.

— Может быть,— согласился Киприан,— только пора расставаться. Тебе, Епифаний, пора к Сергию.

Епифаний кивнул, соглашаясь:

— Да, отче. Письмо к преподобному передам, а «Повесть о Митяе» дорабатываю и затем тебе пришлю.

— Не только мне, князю перешли. Ему более меня надобно...

Они обнялись, и Епифаний, не оглядываясь, направил своего коня влево.

— Тебе, Антоний,— обернулся ко мне Киприан,— пора к братии своей возвращаться, спасибо тебе. Может быть, за этот путь ты потерял больше, чем приобрёл, то мне неведомо. Но зато у тебя появился новый послушник.

Андрон стоял, держась за стремя моего коня, и явно не собирался его отпускать. Мне оставалось только пожать плечами и улыбнуться. Но прежде чем направить коня вправо, я всё-таки спросил:

— Отче, а как же ты? Может, снова к нам, в Оршу?

— Нет, я в Новогород, а там и в Литву. Негоже, чтобы многочисленный народ был лишён епископского смотрения, когда ему угрожает присоединение к другой церкви. Московский князь прав в том, что я чужеземец, да только не я вновь делю Русь на две митрополии. Мне, други мои, прямо.

— А мне? — подал голос Афанасий. И я поймал себя на том, что ни разу не перемолвился с игуменом.— Отче, у меня нет обязательств ни перед одной обителью. Дозволь последовать за тобой.

— Афанасий, может быть, ты не понял? Я чужеземец и изгнаник.

— Я всё понял. Благослови, отче...

3

Великое княжество Тверское,
р. Орша, Вознесенский Оршин монастырь,
в год 6917¹ месяца декабря в 1-й день,
после третьего часа

*Никто не бывает сам по себе.
Сотоварищи по благословению.*

В трапезной обедали в две перемены: не хватало мест. Во главе длинного стола — монахи, ближе к краю паломники и трудники. Помолившись, братия молча взялась за ложки. Ели щи с подтиркой из муки с постным маслом да лапшу с грибами («Пост бывает — скорому не едят»).

Как заведено уставом, один из столовых обиходников читал Псалтирь. «*Все повеления Твои, все признаю справедливыми; всякий путь лжи ненавижу. Дивны откровения Твои; потому хранит их душа моя...*»

После трапезы все подходили к настоятелю с благодарением. В череде последних — безусый инок, оставленный исчезнувшими монахами-воинами.

— Как звать? — строго спросил наместник, не торопясь совершить благословение.

— Зосима,— сложенные в лодочку, ладошки дрогнули.

— При каком монастыре состоишь?

— Московские мы... Из Чудова монастыря...

— Кого там знаешь?

— Да почитай, никого, батюшка... Недавно я там...

— А сотоварищи, с которыми ты к нам приехал?

— Не ведаю, отче. Я сам по себе...

— Никто не бывает сам по себе. Ты конный к нам, как и они, явился.

— То их конь был, они увезли его с собой. Мы из Москвы вместе бежали...

— А что же дальше с ними не побежал?

— Я спал...

— И теперь чего ищешь, чадо?

— Душе покоя. Дозволь, батюшка, остаться...

¹ 1408 год от Р. Х.

Нахмутившись, Антоний нехотя благословил:

— Не пойму я тебя. Ну да ладно, найди отца Андроника, скажи, чтобы в трапезную тебя поставил.

Монашек отступил, на ходу кланяясь. Когда под благословением подошёл трудник Кирилл, наместник повернулся к Епифанию:

— Отче, у нас в трёх верстах от монастыря есть пустынька с печкой, сенями и крыльцом на приступках. С тобой молодой трудник там поживёт,— наместник указал на возвышавшегося позади него Кирилла.

Тот усмехнулся в рыжую бороду. («Слишком стар я для того, чтобы быть молодым...»)

3

Великое княжество Тверское,
в 20 саженях¹ от Оршина монастыря,
в год 6917 месяца декабря в 6-й день,
первый час

*Засада под обителью. Исчезновение Епифания.
Условленная встреча.*

Из-за поворота вышел Зосима с топором в руках и споро зашагал по не расчищенному лесному тракту. Намокший от снега подрясник мешал идти.

Ступив ещё десяток шагов, монашек остановился, озираясь по сторонам. Савватий, не выходя из засады, качнул веткой. Снег с шумом обрушился вниз, Зосима отпрянул.

— Что ты прыгаешь, как воробей по насту! Появился книжник?

— Да, ещё прошлого дня поутру.

— Сейчас он где, в обители?

— Нет,— сокрушённо покачал головой монашек,— услал его игумен.

— Куда? — грозно рыкнул Савватий.

Зосима, побледнев, стащил с себя скуфейку:

— Про то мне ничего не ведомо,— и, боясь прогневить, скороговоркой добавил: — Только книжник здесь, недалече, потому как наместник его завтра к себе в гости ждёт.

Савватий погладил лысую голову, помолчал, обдумывая:

— Видно, где-то поблизости пустынь или скит. А дорога к монастырю одна?

— Одна! — зачастил Зосима.— Игумен меня в трапезную помогать отправил, а я напросился на заготовку дров,— показал он на топор в своих руках.— Так что я здешний тракт уже изучил, развишка за поворотом, там все дороги в одну сливаются.

— Точно завтра, не сегодня?

— Наместник распорядился курицу приготовить на завтра. В честь гостя.

— Курицу?! Так тебе и доложил?

— Не мне, отцу Андронику, он его правая рука, а я недалече был.

¹ В Киевской Руси основной мерой служила сажень, равная двум шагам, известная как тмутаровская или малая (148–152 см).

— Книжник из монастыря один ушёл, или наместник кого-нибудь с ним отрядил?

— Того не ведаю,— виновато потупился монашек, но, подумав, воскликнул: — Кажись, я одного трудника не видел все эти дни! Большой такой, рыжий. В первый день я его на трапезе приметил, а с тех пор — ни разу.

4

Великое княжество Тверское,
р. Орша, пустынная келья, в одном дне пешего пути от обители,
в год 6917 месяца декабря в 6-й день,
третий час

*Назначенные сожители.
Подозрения Епифания. Опасения Кирилла.*

Кирилл, пригнувшись, вошёл в избу и бросил улов у печи. Застывшие на морозе рыбы стукнули о пол, как поленья.

— Безрыбье хуже бесхлебья,— объяснил Кирилл поднявшему голову от книги Епифанию.— А ты, отче, всю ночь молился? Я видел, у тебя свеча горела.

— Излишество сна — причина забвения; бдение же очищает память,— святоотеческими словами ответил Епифаний, снова берясь за перо.

Он торопился описать хотя бы бегло нашествие, которому сам был соучастник и свидетель.

«Лукавый Едигей стяжал у Василия большую любовь и высокую честь ему воздавал, многими дарами его почитал, и — более того — именовал его своим любимым сыном, и много всего обещал ему, а прибывавших от Василия послов отпускал с честью, постоянно поддерживая с Василием коварный мир. В эту же пору случилось так, что великий князь Василий рассорился с тестем своим, великим князем Витовтом, из-за каких-то дел о земле, что в обычай было меж княжествами, ибо тогда Витовт владел всей Киевской и Литовской землёй. Великий же князь Василий обо всех обидах от Витовта поведал по любви Едигею. Услышав о том, враждеболюбец Едигей возликовал сердцем пуще кровожадного зверя, ещё больше разжигая в них гнев...»¹

Епифаний отложил перо. Ему уже приходилось оплакивать разорённую Москву. Нашествие Тохтамыша шестнадцать лет назад было не менее опустошительным, но не таким вероломным. По крайней мере, Тохтамыш к Дмитрию в отцы не напрашивался...

Кирилл молча растопил печку, поставил на огонь котёл и принялся свежевать ещё не оттаявшего судака, отделил голову, плавники, кости и бросил их в бурлящую воду. Епифаний исподтишка наблюдал за тем, как Кирилл один за другим развязывал холщовые мешочки и, принюхиваясь, доставал какие-то травки, корешки...

¹ Авторство «Сказания о нашествии Едигея на Русь» спорно. Но несомненно то, что эта летописная статья (одна из старших редакций в составе Симеоновской летописи и Рогожского летописца под 1408/1409 г.) составлена в Твери в 1408 г. незаурядным и хорошо осведомлённым автором. Кем? Три слагаемых (время + место + личность) в сумме дают одно имя: в 1408 г. бежал в Тверь от нашествия Едигея Епифаний Премудрый.

— Волхвуешь?

Кирилл лукаво усмехнулся в рыжую бороду:

— Не боись, отче.

Снял с огня котёл, чтобы навар отстаивался. Достав из-за пояса нож, нарубил сушёную зелень, высыпал на железный противень горсть муки, добавил нарубленные коренья и стал, помешивая, жарить. Спиной чувствовал — наблюдает за ним Епифаний. Оборачиваться не стал — некогда. Осторожно перелил настоявшийся отвар в другой котёл, так, чтобы туда только одна прозрачная, как слеза, юшка попала, и опустил на дно распластавшую рыбку. Когда варево забурлило, снял пену и, помогая себе ножом и ложкой, выложил разварного судака в большую миску. Процедил отвар через холщовую тряпичку, добавил в него взвар из муки и зелени, размешал и обильно полил им рыбку. Подвинув на край стола стопки книг, расстелил скатерть из грубого льна, поставил в центр стола глубокую миску с рыбой и соль. Рядом с резной деревянной солонкой пристроил на доске хлеб, положил две расписные ложки, поставил плоские миски.

— Ну что, отче, отобедаем?

Епифаний повернулся к образам: «*Очи всех на Тя, Господи, уповают, и Ты даёши им пищу во благовремении...*»

— Ты где так готовить научился? На монастырской кухне? — спросил, когда взялись за ложки.

— Дома, — коротко ответил Кирилл.

— А где твой дом?

— Теперь здесь.

Дальше ели в сосредоточенной тишине, думая каждый о своём.

— Может, кисельку с медком вприкуску? — нарушил молчание Кирилл, когда рыбой уже насытились.

— Можно хлебнуть горяченького, — согласился Епифаний, — только я до сладкого не охоч.

— А я грешен, — вздохнул Кирилл, — люблю очень...

Епифаний, усмехнувшись, взглянул на трудника. А на него и вправду было трудно смотреть без улыбки. Всё в нём было будто бы скроено из двух противоположностей.

Широкие плечи — супротив круглого живота, перехваченного ремнём слишком высоко, едва ли не под мышками. Рослая стать — супротив косолапой походки. Благородная проседь — супротив тонких запястий, выглядывавших из-под коротких, как у мальчишки, рукавов. Огромный лоб — супротив круглых щёк и лукавой усмешки, заблудившейся в раздвоенной рыжей бороде.

— Почему твой дом здесь? — настойчиво спросил Епифаний, наблюдая за тем, как Кирилл благоговейно льёт золотой тягучий мёд на горбушку и, закрыв глаза, с наслаждением отправляет её в рот.

Кирилл открыл глаза и недоумённо уставился на Епифания. Во взгляде была обида и непонимание ребёнка. «За что?» — спрашивал его взгляд.

— Прости, брат, за любопытство... — устыдился Епифаний.

— Да нет, ничего, — пожал широкими плечами Кирилл, печально сложив руки на пухлом животе. — У меня жена заболела так сильно, что уж умирать собралась, а перед смертью пожелала принять постриг. Последняя воля! Пощёл за неё просить, в монастыре мне говорят: «Это жертва небольшая, надо, чтобы и

ты в монахи постригся...» А я не мог о себе сказать, что я «не от мира сего». Игумен уговаривал, духовник увещевал — я сопротивлялся, жёнке становилось всё хуже...

Кирилл тихо вздохнул и снова потянулся к мёду.

— Любишь очень? — спросил Епифаний сочувственно.

— Мёд? Я всё сладкое люблю, пряники в особенности. Только сейчас ведь пост.

— Да нет, — улыбнулся Епифаний, — я про жёнку.

— Как сказать, — пожал плечами Кирилл, — венчанные мы, — значит, «до самыя смерти». Детишек, правда, не было, Глафира моя с молодости здоровьем не славилась.

— А сейчас что? — осторожно спросил Епифаний.

— Хворает, но не умирает, и то слава Богу, — ответил Кирилл, облизывая липкие пальцы.

— А ты у какого князя служил?

— У самого Димитрия Донского! — с гордостью ответил трудник.

— Храбрый муж! Стало быть, и ты с отвагой не понаслышике знаком...

Кирилл медок от себя отодвинул, голову опустил:

— Беда меня постигла и здесь, изменила мне как-то раз смелость. Князь и повелел: мол, раз на поле брани не очень храбр, а в словесах крепок, пусть идёт писцом тайные грамотки писать...

Сказал и почувствовал, как вдруг напрягся и посурковел Епифаний, уставился куда-то в угол, о чём-то своём думает. («Спасибо, Антоний, удружили. Мне только тайного писца и не достаёт...»)

— Жёнка схимию приняла, — решил всё-таки закончить свою историю Кирилл, — в скиту живёт, послушницы при ней, я её, матушку Параскеву, — сказал, словно взвесил, странное словосочетание, — иногда проведываю. Такие вот узоры жизни...

— Вот и мне завтра в дорогу, — закруглил разговор Епифаний, — обещал отца Антония навестить. Не заблужусь? («Зачем я ему всё про завтрашний день сказал? Теперь ещё следом увижется... А в пустыньке останется, тоже радость невелика — поди, начнёт по книгам лазать, писец... Но и не с собой же мне их по дремучему лесу тащить...»)

— Да тут прямиком, а если не ровен час метель, то на зvon выйдешь, в непогоду в монастыре часто звонят... («Намекнуть ему про монахов-воинов, что про него спрашивали? Да, верно, наместник ему уже сказывал, раз сюда отослал...»)

5

Великое княжество Тверское,
р. Орша, лесной тракт, в 50 саженях от обители,
в год 6917 месяца декабря в 7-й день,
первый час

*Покушение из засады. Снежная могила.
Ночное прощение греха, сотворённого днём.*

У самой кромки придорожного леса прилежно тюкал топориком Зосима. («Знать ничего не знаю, кто кого ждёт и зачем. Мне сказали дрова заготавливать, я и буду. Срублю вот какое деревце потоньше, притащу в обитель — все увидят, что делом занят был, не просто так по лесу шатался...»)

Два всадника спешились и, взяв коней под уздцы, нырнули под разлапистые ели. Комья снега тут же выбелили их плечи.

С лесной опушки доносилось звонкое тюканье топора Зосимы.

— Вот дятер, — ухмыльнулся Сатана. — Нет, чтобы передохнуть...

— Ну и надолго мы тут? — проворчал Макарий и, не дождавшись ответа, пробурчал себе под нос: — У, Сатана...

Савватий, оглаживая лысую голову, и ухом не повёл. Ему было о чём поразмыслить, а прозвище его нисколько не обижало.

Он получил его не столько за бесовский нрав, сколько за острый ум и книжную учёность. Хотя на самом деле он всю жизнь читал одну-единственную потрёпанную, стёртую на изгибах книгу. Это было «Слово Даниила Заточника», которое Сатана возил с собою повсюду и, играючи, открывал наугад, чтобы отхлебнуть из этого источника горчайшие строки разочарованного в людях собрата.

Сатана предостерегающе поднял руку: заскрипел снег — послышались неторопливые шаги...

— Вот и книжник, — кивнул Макарий.

— Вижу, — проворчал Савватий.

Книжник, дойдя до развилки, замешкался, раздумывая, куда свернуть. «Пряником, а если не ровен час метель, то на звон выйдешь...» — вспомнил он слова Кирилла. («Ага, как же!...») Тут Зосима в очередной раз тюкнул топориком, Епифаний прибавил ходу:

— Эй, брат!

Монашек, судорожно слглотнув, ударил ещё... Дерево, тонко скрипнув, обдало дровосека облаком снежной пыли. Зосима, закрыв голову руками, присел, зажмурившись...

Чертыхаясь, Сатана выскочил из ельника на дорогу. Приподнял ветку рухнувшего поперёк тракта дерева, заглянул: книжник лежал, уткнувшись лицом в снег, молчаливый и неподвижный.

— Ты что натворил, квашня?!

Зосима упал на колени, ловя трясущимися губами руку Савватия:

— Не виноват я, батюшка...

Сатана яростно оттолкнул его, кипя от ярости: при Епифании не было ничего — ни книги, ни свитка, ни грамоты.

В ельнике, метнувшись, заржали кони. Кинулись их ловить под уздцы.

— Видно, зверь недалеко,— убеждённо сказал Макарий,— лёгкую поживу почуял, уходить пора.

Сатана спорить не стал: Макарий в таёжных пустынях не один год провёл, лесные обычаи знает, лишь грозно зыркнул на Зосиму:

— Вставай! Господь блуднику, разбойнику и мытарю помиловал, так и нас, грешных, простит. На ночь — земной поклон, а ещё лучше три: греха, что в день сотворил, как и не бывало. Поехали, пока след книжника не замело, трудника навестим, книжки почитаем...

Снег повалил с неба крупными хлопьями, словно торопился запорошить оставленные Епифанием следы. Пришлось спешиться, чтобы не затоптать конями смутно угадываемую среди намётов тропку...

Подошли к келье, постучали в дверь, никто не ответил. Сатана дал знак, Макарий подсунул лезвие топора — дверь с треском поддалась. Ввалились в избу, огляделись: печь ещё тёплая, на столе под полотенцем свежеиспечённая коврига. Но куда делся трудник? Метель поднимается, и думать нечего, чтобы следы найти...

Сатана взял в руки разрозненные листы, прочёл первые попавшиеся на глаза строчки:

«Татары приметили, что русские не склонны к кровопролитию, но, будучи миролюбцами, ожидают справедливого договора, и обо всём этом сообщили Едигею. Едигей же, узнав, стал готовиться к походу на Русь. А в это время великий князь Свидригайло Ольгердович прислал в Москву к великому князю Василию Дмитриевичу послов, желая быть с ним воедино против Витовта...»¹

Поразмыслив, сунул за пазуху. («А этот монах знает толк в хитросплетениях двора, не зря его сочинения в цене, как и сама его голова»). Взглядом перешерстил стопки книг. Одна особенно привлекла его внимание: почти квадратная, с тиснением на чёрном переплётё, книга лежала особняком от других. Сатана словно ненароком заслонил спиной чёрную книгу от монахов, грузивших рукописи в мешки. На ощупь нашарил её, застёжка сильно оцарапала руку. Чертыхнувшись, спрятал книгу под рясу и попятился к двери. Если это была именно та таинственная книга, которую следовало найти, то он хотел изучить её первым.

Половицы скрипнули, в проёме появился Макарий:

— Савватий, всё собрали. Дальше что?

— Жгите!

— Книги?

— Келью! Книги — с собой!

Пока чернецы таскали мешки, пока поджигали избу, Сатана рыскал глазами по сторонам: взять книгу с собой — заметят, значит, надо оставить в месте, приметном для себя самого и незаметном для остальных...

¹ Сказание о нашествии Едигея.

6

Великое княжество Тверское,
р. Орша, лесной тракт, в 50 саженях от обители,
в год 6917 месяца декабря в 7-й день
после третьего часа

*Два кожуха на снегу. Зарево над кельей.
Чёрные фигуры на белом поле.*

Ладья скользила по белой реке до тех пор, пока её нос не взлетел на гребень. Зачерпнула кормой и, накренившись, она стала вертикально уходить под воду. Та хлынула в ладью и оказалась не водой, а снегом, который большими, холодными хлопьями слепил глаза, холодил щёки и шею...

Епифаний силился поднять веки, но не мог. Белая река вновь подхватила его и стремительно понесла по своим снежным волнам. Кирилл оглянулся: Епифаний снова сполз с кожуха, который трудник приспособил вместо волокушки.

— Ну, отче, тогда ничего другого не остаётся...

Кирилл сбросил с себя кожух, и, поднатужившись, взвалил Епифания на плечи. Пошатываясь, заспешил по собственным следам назад, к келье. Два кожуха остались лежать на снегу, распластанные, как не успевшие уйти от погони звери...

Не прошло и двух часов, как трудник вышел на поиски Епифания, а пропотпанную им же самим тропу уже замело. Кирилл, отступаясь и проваливаясь в сугробы, ломился сквозь лесную чащу с ношей на спине. Он чуял — дом уже рядом, как вдруг потянул ноздрям морозный воздух и закашлялся от горечи.

Кирилл ускорил шаг... Заснеженные ели расступились, и Кирилл застыл на месте: пустынька дрогорала. Чёрные хлопья гари, кружась, медленно оседали на подтаявший снег, оранжевое зарево лениво угасало в вечерней синеве.

Кирилл опустил Епифания на снег и сел рядом. Ему отказывались служить не только ноги, но и голова. «Думай, Кирюша, думай», — приказывал он себе с тем же отчаянием, с каким пришпоривают загнанного коня. («Нести Епифания в монастырь? А если не хватит сил? Остаться на пепелище? А если раненый за ночь окочнеет от холода? И что, в конце концов, произошло? Почему он нашёл Епифания в лесу с проломленной головой? Разве падают сами собой срубленные деревья? Почему сгорела келья? Почему всё это случилось в одночасье?»)

Вдруг на синем в сгустившихся сумерках поле показались чёрные фигуры всадников... Кирилл уже хотел окликнуть, но что-то его словно толкнуло в грудь, и он, отступая, втащил за собой Епифания в дебри сомкнувшегося за ними ельника.

7

Великое княжество Тверское,
р. Орша, лесной тракт, в 50 саженях от обители,
в год 6917 месяца декабря в 7-й день,
шестой час

*Охота за скарбом Епифания.
Горчайший из источников для Сатаны.*

Сатана хмуро наблюдал, как покачиваются за седлами лантухи с книгами, как ёрзает Зосима, пытаясь быть полезным. Всё сегодня шло наперекосяк! Епифания замело снегом так, что и не понять, где он лежит. Даже если жив остался, то должен окоченеть и остаться на месте. А если на него напал зверь, то и тогда должны были быть хоть какие-то следы. Но разве в такую непогоду что-нибудь различишь... Сатана смерил суровым взглядом Зосиму:

— Дровосек!..

Суровость была не единственным и не главным чувством, которое сейчас испытывал Сатана. Он находился в смятении, не понимая ни того, почему должен был преследовать книжника, ни того, что в конечном счёте следовало у него найти. Поручение, которое Сатана получил от епископа Леонарда в Вильне, было расплывчатым: «Идущих на смерть переживают их вещи. Разве не осталось после Стефана грамот, карт, какого-нибудь духовного завещания? Разве не доверил он всё это своему духовному брату Епифанию?...»

Витиеватость епископа Леонарда раздражала Сатану, более того — запутывала всё дело. Привыкший к тому, что ему, как на ладони, были открыты тайны и литовцев, и москвитян, и новгородцев, и ордынцев, и тевтонских рыцарей, Сатана катался как сыр в масле, от одного секретного поручения к другому. Но он всегда понимал скрытые пружины, заставлявшие к нему обращаться его многочисленных хозяев, разницы между которыми не делал, только бы платили да был бы азарт, без которого жизнь, как снедь без соли...

И на сей раз Сатана отказывал себе в праве считать поручение не исполненным. Ещё посмотрим! Выданные казначеем епископа золотые яснее всего намекали на то, что задание следует исполнить. Пожалуй, книга — Сатана был в том уверен! — спрятанная им поодаль пожарища, послужит подсказкой, если, конечно, Епифаний не унёс с собой тайну в свою снежную могилу. Но и это не беда, ибо епископ Леонард прав: «Идущих на смерть переживают их вещи...» («Только, Ваше Преосвященство, я сначала сам попробую разобраться в этой книжице, а потом уж решу, передать ли её вам, или найти для неё покупателя побогаче да пощедрее...»)

8

Великое княжество Тверское,
р. Орша, лесная пустынь, в 2 днях пешего пути от обители,
в год 6917 месяца декабря в 7-й день,
вечерня

*Как живые помогают мёртвым.
В поисках огня. Чем врачевать рану?*

Трудник сидел, опустив голову и уронив руки на колени. Впереди — головёшки на пожарище, позади — лесная чаща, справа — река подо льдом, слева... Кирилл вскочил на ноги. Да как же он раньше не вспомнил! Слева — заброшенная землянка, в ней когда-то жил пустынник Окул. Подхватив Епифания под мышки, из последних сил потащил по снегу.

У землянки крыша плоская, уложенная на три поперечные слеги, и без того, как холм, с землёй срослась, а сейчас ещё и под снежным покровом спряталась. Еле нашёл, оцепеневшими от мороза пальцами отрыл лаз, налёг на просевшую дверцу плечом и втащил внутрь Епифания.

Похлопал себя по бокам — ни кресала, ни кремня, огонь развести нечем. Как слепец, принялся обшаривать всё, что попадалось ему на расстоянии вытянутой руки. По углам и вдоль стен землянки — столбы с развилками, поддерживающими крышу, крытую жердями и ветками. Три стены землянки сплетены из хвороста, четвёртая состояла из вертикально вбитых в землю жердей, под ногами — глинобитный пол. Кирилл поднял руку и нашупал оконце с плетёной задвижкой («Вытяжка — раз так, значит, в углу должна быть и печка-каменка, а возле очага, бог даст, отыщется и огниво»). Кирилл встал на четвереньки и принялся вершок за вершком обшаривать каждый выступ. Замёрзшие пальцы не слушались, засунул себе под подмышки — дыхание перехватило.

«Если я так prodог, то каково Епифанию?» — тревожно пронеслось в голове, и он, не оглядываясь на раненого, снова пустился в поиски. Ничего! Тогда, вздохнув, приказал себе начать всё с начала — от двери. Под притолокой пальцы нашупали кожаный мешочек. Развязал зубами — там кремень, кресало и трут. Перекрестился благодарно — и снова к печке.

Вытянул руку — в очаге на застарелых угольях растопка лежит. «Помирать собираешься, а хлеб сей», — вспомнил любимую поговорку Окула. А когда его монахи хоронили, и землянку его от чужих глаз укрывали, никто припас и не заметил. Вот так порой мёртвые помогают живым.

«Пока ещё живым!» — напомнил себе Кирилл о лежавшем ничком Епифании. Яростно ударил кресалом по кремню. Искра пробежала по камышовому труту, затлевшему с большой неохотой. Зачатки огня переметнулись на бересту: та, корчась, зашипела. «Только бы не погасла!» — взмолился Кирилл, рванув на себе рубаху. Подсунул лоскут — пламя, лизнув его, расprobовало и жадно проглотило, разгораясь среди застарелой щепы и обледеневших веток.

Подтащив Епифания поближе к печи, трудник метнулся наружу — за хворостом. Обдирая руки, притащил охапку, другую. Осторожно подкормил огонь и огляделся: пламя высветило глиняную утварь, грубо оструганный стол, широкую

лавку и деревянную лежанку, выстланную шкурами, — «подземельку», под которой должен проходить дым и тёплый воздух. Ещё сам толком не понимая почему, ей Кирилл обрадовался больше всего.

«Подземелька» таила в себе маленькую хитрость: длинная канавка, вырытая в земной толще, соединяясь с дымоходом, выходила наружу далеко от землянки и потому сбивала лихого человека с толку, не давая ему по дыму отыскать уединённое жилище.

Трудник устроил на лежанке Епифания, укрыв одной из шкур и осторожно подложив ему под голову свою шапку. Пальцы тут же наткнулись на что-то тёплое и липкое. «Кровь!» — понял Кирилл. Разорвал свою рубаху на полосы, оттаял снег, промыл рану и, не найдя ничего другого, приложил к увечному затылку паутину, которой в избытке было по углам, плотно завязал. Епифаний в ответ тихо застонал. Кирилл с облегчением перекрестился: «Жив!»

9

Великое княжество Тверское,
р. Орша, Вознесенский Оршин монастырь,
в год 6917 месяца декабря в 8-й день,
утреня

*Не сосредоточиться на молитве.
Зря никого не ищут. Почему не пришёл Епифаний?*

Наместник Антоний мыслями от службы был далеко: с ночи одолевали тревожные думы. Он прикрыл глаза, насупил седые лохматые брови и приказал себе сосредоточиться на молитве.

«От сна востав, благодарю Тя, Святая Троице, яко многия ради Твоей благости и долготерпения не прогневался еси на мя, лениваго и грешнаго, ниже погубил мя еси со беззаконьми моими; но человеколюбствовал еси обычно и в нечаянии лежащаго воздвигл мя еси, во еже утреневати и славословити державу Твою...»¹

Монахи вторили друг другу. Их голоса, сплетаясь, уносились ввысь и таяли под церковными сводами.

Наместника беспокоило то, что Епифаний, которого он пригласил к себе, вчера так и не появился («Странно, от пустыньки до монастыря рукой подать, вряд ли ему в тягость проделать такой путь. Занемог или..?»)

Вот это «или» тревожило Антония более всего. С одной стороны, он чувствовал вину за то, что ничего не сказал Епифанию о том, что о нём спрашивали прискачившие в обитель накануне всадники. С другой стороны, — успокаивал себя наместник, — он ведь спрятал Епифания от чужих глаз в надёжное место, ни о чём не спрашивая. А ведь зря никого не ищут. Значит, было что скрывать

¹ На современном языке звучит понятнее, но всё же не то... Сравните сами! «Встав от сна, благодарю Тебя, Святая Троица, что по великой Твоей милости и долготерпению Ты (Боже мой) не прогневался на меня, ленивого и грешного, и не прекратил жизни моей среди моих беззаконий, но оказал мне свойственное Тебе человеколюбие и воздвиг меня, лежащего без твёрдой надежды (на жизнь), чтобы принести Тебе утреннюю молитву и прославлять власть Твою...»

Епифанию. Вот это-то и рассчитывал наместник прояснить для себя, встретившись с ним с глазу на глаз за трапезой...

Антоний распорядился ради этого случая приготовить «монастырскую курицу» — блюдо, которым наместник хотел напомнить Епифанию о событиях шестнадцатилетней давности.

10

Великое княжество Тверское,
р. Орша, лесная пустынь, в двух днях пешего пути от обители,
в год 6917 месяца декабря в 8-й день,
после утрени

*Тяжёлая находка. Поиски на пожарище.
Горят ли дотла книги?*

Кирилл, едва открыл веки, вскочил с лавки и метнулся к Епифанию. Склонился, прислушиваясь: грудь вздымалась слабо, но мерно. Бросил взгляд на печь — жар ещё не остыл. Ёжась от холода и от коловшой тело полуистлевшей власяницы, которую он нашёл тут же, в землянке, выскочил на мороз за хворостом, в который раз пожалев о брошенном кожухе.

Истопил печь, запас топливо на вечер, и торопливо выступил в путь — надо успеть засветло побывать на пепелище, да и кожухи подобрать не помешает... Мороз подгонял, не давая утишить шаг. Едва ли не бегом трудник добрался до своей бывшей кельи и замер, поперхнувшись ледяным воздухом.

Среди серых сугробов, покрытых хлопьями золы, торчала чёрная пятистенка: обуглившиеся стены просели; крыша рухнула. Кирилл огляделся вокруг. «Что не так?» — снова и снова спрашивал он себя, не находя ответа.

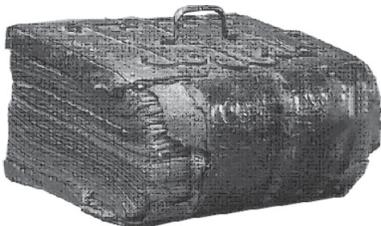
На закопчённом, просевшем снегу, усеянном головёшками, искать было совершенно нечего, разве что вчерашний день. Кирилл, вытянув шею, попробовал осмотреться на дальних подступах, не удержался и, поскольку знувшись, растянулся во весь свой рост. Власяница больно уколола живот. Трудник, кряхтя и вздыхая, стал медленно подниматься. Взгляд упёрся сначала в ствол поваленного дерева, а затем — в чёрный переплёт притавившейся под ним книги.

Кирилл пополз вперёд: взял книгу в руки и чуть не упустил. Тяжёлая! Смахнул снег с дублёной кожи — на обложке проступило тиснение. Мокрыми пальцами расстегнул застёжки, наугад открыл пергаменные страницы, в глаза бросились рукописные строки:

**А я говорю вам: любите врагов ваших,
благословляйте проклинающих вас, благоворите ненавидящих вас
и молитесь за обижающих вас и гонящих вас¹**

Кирилл прижал к себе увесистый том и мучительно вспоминал, когда он его уже так держал раньше. «Господи! — хлопнул себя по лбу трудник, выронив книгу. — Да это же Евангелие Епифания!»

¹ *Mтф, 5:44.*

Запомнил, потому что очень удивился, когда однажды застал книжника за странным занятием: вместо того, чтобы читать книгу, он писал в ней! По всему было видно, что занятие было не из лёгких: толстые страницы, подшитые под корень, всё время норовили перелистнуться, Епифаний придерживал их локтём, торопливо строча что-то *поверх сокобленного текста*. Перо так и летало, вновь и вновь оставляя над строкой титло¹. Неужто правил Святое писание? Но как же можно замыслить такое? Подумать и то страшно...

Перекрестившись, Кирилл поднял книгу, отёр её подолом власяницы и поспешил обратно на пожарище. Теперь он знал, что надо искать на пепелище. Найдя на привычном месте, под печкой, кочергу, принялся ворошить головёшки. Вот топор без топорища, вот обуглившаяся лавка, вот глиняные черепки, но где же все те книги, которые привёз с собой Епифаний? Они ведь не могли сгореть дотла, хотя бы железные застёжки уцелели...

11

Великое княжество Тверское,
р. Орша, пустынная келья, в одном дне пешего пути от обители,
в год 6917 месяца декабря в 8-й день,
третий час

*Тайник опустел, книга исчезла.
В каждой руке по тулулу.*

Сатана спешился и, привязав коня поодаль, пошёл к пепелищу. Стояла студёная, ясная тишина. Изредка лишь постреливал где-то в лесу сучок на морозе. Снег оглушительно скрипел под сапогами. Оглаживая лысую голову, Савватий осмотрелся вокруг: вот пожарище, вот самая высокая сосна, вот поваленное дерево... Теряя терпение, разгрёб снег в поисках тайника — тщетно. Встал с колен, огляделся: нет, ошибки быть не могло, именно здесь он спрятал тот самый служебник, который так привлёк его внимание в келье. Но где же книга? Её чёрный оклад трудно не заметить среди белого снега... Сатана подобрался, как зверь перед прыжком: книги нет, потому что кто-то её взял.

Макарий и Зосима таскали мешки, обкладывали хворостом избу, поджигали. Вряд ли они вообще заметили, как он прятал книгу, да и к тому же ускакали вместе с ним, тогда кто же?

Сатана, вскочив в седло, пустил коня рысью. Он спешил на то место, где вчера они бросили Епифания. Вчерашия метель поработала здесь вовсю, взгромоздив на дорогу один перемёт за другим. Где здесь может быть тело?

Пришпорив, направил коня в сугробы, как в реку. Жеребец, увязая по брюхо, рыхлил снег, пока его копыта не наткнулись на что-то мягкое. Натянув поводья, Сатана спрыгнул.

¹ Надстрочный знак, указывающий на сокращённое написание слова.

Из-под сугроба выглядел коричневый воротник. Савватий потянул за него — оказалось, тулу... Копнул глубже — ещё один... Так и стоял посреди дороги — в каждой руке по тулу...

12

Великое княжество Тверское,
р. Орша, лесная пустынь,
в двух днях пешего пути от обители,
в год 6917 месяца декабря в 11-й день,
утреня

*Во сне выздоравливают. Над книгой.
Все дороги ведут к наместнику.*

Епифаний, медленно приходя в себя, приподнялся на локте, пытаясь понять: где он, что с ним... В печи, шипя, постреливали дрова. В красном углу, под иконкой, горела лучина. У стола сидел трудник и читал книгу.

— Кирилл! — позвал Епифаний, не узнав собственного голоса.

Трудник вскочил, едва не опрокинув лавку, метнулся к раненому:

— Ты как, отче?

— Да вроде ничего,— иеромонах потрогал лоб.— А что было?

— Ты вообще ничего не помнишь? — удивился Кирилл.

— Подожди,— Епифаний закрыл глаза и снова погрузился в сон.

«Во сне выздоравливают», — успокоил самого себя трудник и снова вернулся к книге.

Кирилл читал три вечера подряд. Сборник, который он подобрал у пепелища, — «Евангелие Апракос краткий» — был составлен из четырёх книг Нового завета: Марка, Матфея, Луки, Иоанна.

Позабыв обо всём на свете, трудник погрузился в чтение высоких словес, невольно любуясь старательной и торжественной кириллицей, и вдруг, недоумевая, замер.

Многое и другое сотворил Иисус: но если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг. Аминь¹

Не будучи особо силён в книжной премудрости, Кирилл твёрдо знал: этими словами Святое Благовествование от Иоанна заканчивается — аминь. По крайней мере, так было во всех других служебниках, но только не в том, что сейчас лежал перед ним. Кирилл перелистнул...

«Житие преподобных мужей полезно слушать или переписывать для памяти, потому что тем самым немаловажный успех и немалую пользу хорошо осведомлённые рассказчики приносят слушателям. Увидеть, конечно, надёжней, чем услышать, но часто, и услышав, человек может поверить, если рассказываемое истинно...»

¹ Иоанн, 21:25.

Этого в Евангелии никак быть не должно. Незнакомые словеса! Но если служебник Епифания, стало быть, и всё, что написано далее, должно принадлежать ему же.

Кирилл посмотрел на Епифания. Тот тихо постанивал во сне. («С него сейчас много не спросишь, а решать надо сейчас. Думай, Кирюша, думай...»)

Почему именно этот сборник лежал под поваленным деревом? Уж не спрятал ли его кто-то? Но кто? Не сводя глаз со скорописи, Кирилл размышлял. «Монахи-воины спрашивали у настоятеля про книжника. Бросив одного, самого молодого, двое других исчезли. Когда появился Епифаний, наместник отправил его в пустынь. А потом там же ты, Кирюша, видел всадников...»

Чёрные фигуры на снегу явственно стояли у него перед глазами, а вот сколько их, было — трое или четверо, трудник, как ни силялся, вспомнить не мог. Да, впрочем, и не больно-то старался. Отец наместник — вот кто занимал его мысли. («Наместник разговаривал с всадниками. Наместник послал Епифания в пустынную келью. Наместник...»).

Кирилл даже привстал с места от волнения. «Наместник в тот злополучный день позвал Епифания к себе! И наместник рано или поздно вспомнит о заброшенной лесной пустыни Окула!»

13

Московское великое княжество,

р. Волга, скит,

в четырёх днях пешего пути от Оршина монастыря,

в год 6917 месяца декабря в 15-й день,

вечерня

Бывшая супруга. Лихоимцы не воруют книги.

Не чужие, но и не свои.

Монахини выбежали на крыльцо. Обступили лежащего на волокуше Епифания и, ничего не спрашивая, понесли в келью.

Кирилл, пошатываясь и вытирая потный лоб, шёл следом, готовясь к встрече со схимомонахиней Параксевой. Та по обыкновению полулежала и тихо постанивала в красном углу, под образами.

Год назад Параксева стала настоятельницей. Произошло это по предсмертному завещанию матушки Переславы, основательницы скита. Почувствовав приближение последнего часа, она остановила выбор на самой стойкой — по здравости рассудка и силе характера. Ею оказалась Параксева, едва державшаяся на ногах.

— Здравствуй, матушка! — окликнул Кирилл бывшую супругу.

— Кирия? — удивилась Параксева. — Не ждала я тебя. Сегодня опять плохо, ноги совсем отнялись, а Бог никак забрать меня не хочет.

Личико её сморщилось не то от боли, не то от обиды. Она лежала, перебирая истончавшими, пожелтевшими руками чётки. Послушница с безмолвной заботой подоткнула покрывало, укрывавшее болящую. Статная и розовощёкая, она стыдилась своего пышущего здоровья и, как и все в этом монастыре, побаивалась и уважала матушку настоятельницу.

Параксева закрыла глаза, чётки, выпущенные из рук, скатились вниз. Пос-

лушкица проворно подобрала их и вложила матушке в руки. Кириллу показалось, что она вовсе позабыла о нём. Попяталися к двери, там его и догнал властный вопрос:

— Зачем пришёл?

— Влип я, матушка, — ответил Кирилл, возвращаясь. — Прятаться вместе с отцом Епифанием к тебе пришёл. Пустынку нашу лихие люди спалили, товарища моего едва не убили. Чудом спаслись.

В глазах Параскевы забрезжило удивление.

— Анисья, ступай, — отпустила она послушницу.

Та бесшумно вышла, осторожно прикрыв за собой дверь.

— Лихоимцы напали? — цепко приступила к опросу схимомонахиня.

— Опасаюсь, что нет, — осторожно ответил Кирилл, — всё много хуже.

— Не тяни! — сжала кулакчи матушка Параскева.

— Монахи, думаю, нас сожгли.

— Монахи? — переспросила недоверчиво. — Ты спятил, Киря? Может, ушкуйники иноков побили да в их рясы нарядились?

— Матушка, сама рассуди: лихоимцы книжки бы воровать стали?!

— Книжки... — задумчиво протянула схимомонахиня, не умевшая читать даже по слогам. — Не ведаю, Кирюша. Ты с батюшкой своим нашему скиту беды не натвори, смекаешь, о чём я?

— Да ладно тебе, — попытался улыбнуться Кирилл, — наслышаны мы о вашей женской слабости.

— Шутки шутить пришёл?

Кирилл хмуро пошёл на попятную:

— Не до шуток мне, разве сама не видишь?

— Да ты раньше времени не тревожься, — успокоила, устыдившись своей неприветливости, схимомонахиня. — От пытливых глаз спрячем, подлечим, подкормим, чай, не чужие. Но правило одно — ни с кем не говорить, никуда неходить, еду вам Анисьин сынишка носить станет.

Глаза матушки Параскевы неожиданно увлажнились, и за этими слезами, как в поволоке, угадывалась прежняя Глафира.

— У черницы есть сын? — вырвалось у Кирилла.

— В чужую обитель со своим уставом не ходят, — Параскева поджала губы: — Вот подлечим твоего попутчика и, Киря, ты уж прости — вот вам бог, а вот вам и порог. И с мальцом не болтать! Понял меня?

14

Великое княжество Тверское,
р. Волга, скит, в 4-х днях пешего пути от Оршина монастыря,
в год 6917 месяца декабря в 18-й день, утреня

*Междур строк. Новоявленный стригольник.
Письменные свидетели.*

Хворь отпустила Епифания в однотасье. Легко стряхнув с себя остатки сна, оторвал голову от пахнущего прелой травой ложа.

Трудник не заметил, что Епифаний открыл глаза: был погружён в чтение. Бережно держа страницу за верхний уголок, он медленно перелистнул её, но снова вернулся назад, тихо проговаривая слова вслух:

«И не добивался он владычества, не вертелся, не старался, не высакивал, не подкупал, не давал посулы. Не дал ведь он никому ничего и никто ничего не взял у него за поставление — ни дара, ни посула, ни мзды...»

Встав на слабые ноги, Епифаний зашатался и упал бы, если бы не подскочивший Кирилл. Опираясь на его плечо, Епифаний дошёл до стола, сурохо глянул сначала на книгу, потом — на трудника. Кирилл робея закрыл «Житие Стефана Пермского».

— Воздрадовался, что читать выучился, строчки зришь?

— Не этому я радуюсь, отче, — протестующе покрутил головой Кирилл, — а тому, что между строк различить сумел.

— И много успел разглядеть? — колко полюбопытствовал Епифаний.

— Да немало! — Кирилл вновь потянулся к книге, раскрыл и прочёл негромко, но внятно.

«Нечего ведь было ему дать, ибо богатств он не стяжал, и ему самому давали необходимое люди милостивые, христолюбцы и страннолюбцы, видя, что ради Бога делается происходящее».

Кирилл поднял глаза на иеромонаха:

— Отче, а почему Стефан твой христарадничал, ежели в кумирницах и куницы, и золото было? Почему не брал себе этого в добычу? Почему пренебрегал таким добром? И как могло такое случиться, чтобы поставление в епископы совершилось без мзды? Я слыхал, что без симонии¹ такие дела не совершаются даже при поставлении в диаконы.

— А я тебе словами самого Стефана отвечу. Хочешь?

«Если ставленная пошлина есть по-вашему симония², а все священники её платят, то значит на всей земле уже нет ни одного истинного священника?»

— Вот запретили бы духопродавчество, тогда бы и искушение мздой священства не стояло бы между Богом и прихожанами.

— Да ты, как я погляжу, стригольник! — усмехнулся Епифаний.

— Это ты про что? — не понял Кирилл, — Стрибогу я не поклонник.

— Да нет, всё проще. Главный зачинщик Карп вначале был диаконом, а после отлучения стал расстригой, отсюда и уничижительное название — стригольники. Неужто и впрямь не слыхал?

Кирилл пожал плечами:

— Так я ведь в отшельниках. Только бог с ними, со стригольниками этими, ты мне лучше скажи, почему у нас всё устройство жизни, как тесто на опаре, стоит на мзде?

— Потому что не одной Орде мы дань платим. Византийские иерархи тоже привыкли получать доходы от русской церкви, вот и владыки тянут соки с духовенства, а с владык требуют митрополиты. Все друг от друга зависимы. Установившийся на Руси обычай симонии будет оставаться таким, пока митрополия наша самостоятельной не станет.

¹ Иными словами, «поставление пастырей на мзде».

² Симон — так звали волхва, который «помыслил дар Божий получить за деньги» (Деян. 8:20).

— И что,— усмехнулся Кирилл,— тогда и люди другими в раз станут?

Епифаний не ответил. Его мысли занимало другое:

— Ты знаешь тех, по чьей милости мы здесь очутились?

Кирилл пожал плечами и стал пересказывать, всё что знал. Епифаний слушал, раздумчиво кивая.

— Как думаешь, остальные книги в огне не погибли?

— Чернецы унесли, — убеждённо сказал Кирилл.

— Ну и ладно, — неожиданно легко согласился Епифаний.

Кирилл смотрел на него в замешательстве: уж не рана ли даёт о себе знать, всё-таки человека по голове огрели...

— Если что-то не записано, то уходит из памяти и по прошествии лет и смене родов легко забудется¹, а плоды труда,— Епифаний бережно накрыл ладонью книгу,— они — свидетели...

15

Великое княжество Тверское,
р. Волга, скит, в 4-х днях пешего пути от Оршина монастыря,
в год 6917 месяца декабря в 19-й день
утрения

Незнакомая молитва. Как к живому.

Сын послушницы

Епифаний и Кирилл молились здесь же, в келье, поскольку матушка Параскева в церковь их не пускала, опасаясь чужих глаз. Трудник стоял позади иеромонаха, прислушиваясь без всякого постороннего умысла. Он просто хотел помолиться вместе. Осенил себя крестом Епифаний, и Кирилл последовал его примеру.

*Увы мне! Волнуясь посреди пучины житийского моря,
и како постигну в тишину умиления и како дойду в пристанище покаяния²*

«Увы!..» — прошептал Кирилл, вслушиваясь в то, что скажет Епифаний дальше.

*Но яко добрый кръмникъ сый, отче, яко правитель, яко наставникъ,
из глубины мя от страстей возведи, молюся.*

Посоветуй и помогай моему сиротству. Створи о миѣ, отче, молитву къ Богу.

Тебѣ бо дана бысть благодать молитися за нас.

Се бо молитвы твоя и добродѣтели твоя помянуты выша³.

«Помянуты были...» — эхом отозвался Кирилл.

Но яко имѣя дръзвновение к Богу, преподобниче, помолися за мя.

Аз бо есмь рабъ твой¹

¹ См. Житие Стефана Пермского.

² Увы мне! Волнуясь посреди житийского моря, как я постигну тишину умиления и дойду в пристанище покаяния?

³ Как предвечный кормчий, отче, как правитель, как наставник, из глубины меня от страстей возведи, молю. Способствуи и помогай моему сиротству. Створи обо мне, отче, молитву к Богу. Тебе ведь дана благодать молитися за нас. Ибо молитвы твои и добродетели твои не забыты.

«Раб твой», — кивнул, крестясь, Кирилл.

**Помни, лишишю же имъ ко мнѣ любовь, юже мя възлюби,
юже о мнѣ яко многажды ся и прослези².**

Кирилл остановился, забыв перекреститься. Так и стоял, прижав в забывчивости персты ко лбу, погрузившись в размышление.

— Это ты Стефану молился? На рассвете, на закате, в зените дня и ночью? Всё к нему одному?

— Каждый из нас грешен, и есть грехи, которые порой мучают человека всю жизнь, — склонил голову Епифаний, — как к живому к нему глаголю...

— Господь даст глагол, — неожиданно для себя самого сказал Кирилл и, чтобы скрыть неловкость, уставился в низенькое оконце.

По двору торопливо семенил, путаясь в кожухе не по росту, отрок Борис, восьмилетний сын послушницы Анисы. Снега за ночь нападало так много, что мальчуган то и дело сбивался с тропинки, отступаясь и проваливаясь в сугроб.

Каждое утро после службы он приносил им трапезу. Потупившись, переступал порог, шёл к столу. Кирилл опережал его, беря из рук снедь, и всякий раз словно нечаянно улыбался ему. Освободив руки, отрок крестился на образа, торопливо кланялся и, топоча, убегал прочь. Дверь за ним хлопала, поднимая с порога морозную пыль, а Кирилл ещё долго стоял и смотрел на таявшие на полу снежинки...

16

Великое княжество Тверское,
р. Волга, скит,
в четырёх днях пешего пути от Оршина монастыря,
в год 6917 месяца декабря в 19-й день,
перед вечерней

*Чему может научить мать?
С копьём наперевес. Белоризцы тогда и сейчас.*

Епифаний зачерпнул пустые щи ложкой — та сухо чиркнула по дну горшка. Кирилл, пристыженно кашлянув, поспешно разломил краюху и большую половину протянул Епифанию:

— Прости, отче, я увлёкся и выхлебал всё...

— Да не виновать ты себя, брат, — засмеялся Епифаний, густо соля хлеб. — Монах добавки не попросит, но, сколько бы не положили, всё съест.

Кирилл поперхнулся снова...

Печка остывала, и дрова в сенях были на исходе. Надо собираться в лес. Не ждать же, когда монахини принесут. Кирилл, взяв топор, взглянул на Епифания. Тот уже склонился над рукописью. («Не зябко ему, что ли?»)

«Жаждущий крови Едигей хитрил, чтобы против него не собрали даже небольшого войска, а сам в это время неустанно приближался... И город пришёл

¹ Но как имеющий дерзновение к Богу, отче, помолись за меня. Ибо я раб твой.

² Помни ту непомерную любовь, которую ты ко мне имел, так возлюби же сю меня и поплачь обо мне многократно и ныне.

в страшное смятение. И побежали люди, забывая и об имуществе, и обо всём на свете. И поднялась в людях злоба, и начались грабежи...

Это было страшное время, — люди метались и кричали, и гремело, вздыхаясь в воздух, огромное пламя, а город окружали полки нечестивых иноплеменников. И вот тогда, в пятницу, когда день уже клонился к вечеру, начали появляться полки поганых, разбивая станы в поле около города. Не посмели они стать близ города из-за городских орудий и стрельбы с городских стен, а расположились в селе Коломенском. И когда всё это увидели люди, пришли в ужас; не было никого, кто бы мог противостоять врагу, а воины были распущены. И поганые жестоко расправлялись с христианами...»

Епифаний восстанавливал по памяти то ли погибшее в пожаре, то ли унесённое злоумышленниками «Сказание о нашествии Едигея». Не чувствуя холода, он ощущал леденящий душу бег времени, который стирает первую остроту пережитого, и торопился наверстать утраченное...

Вздохнув, Кирилл отправился в лес один. Поднимая клубы снежной пыли, вскарабкался на обледенелый пригородок и растерянно остановился: куда дальше?

Холм со всех сторон обступали мохнатые сосны, к которым с одним только топором и не подступишься. Надо было искать валежник. Кирилл, как вброд, ломанулся вниз прямиком сквозь сугробы. А что, коль выбирай — не выбирай, снегу если не по пояс, так по колено. Хрупкие, сверкающие снежинки сыплются в валенки, переваливаясь через край.

Приметив поваленное дерево, Кирилл нагнулся, чтобы нырнуть под заступившую дорогу сосну, и замер. На её развесистой лапе висел красный лоскут. Другой зацепился на выглядывающих из сугробов пучках лозы. Ещё один полоскался на ветру, грозя сорваться с ветви берёзы. Тряпицы алели, становясь раз от разу всё меньше и меньше, маня в чащу. Там мельтешила какая-то точка. Белая на белом, она почти сливалась со снегом, но выделялась на фоне чёрных стволов деревьев.

Кирилл отступил за сосну и замер. Некто мчался сквозь чащу, срывая с деревьев красные лоскуты. Бег походил на неистовую пляску задуваемого ветром огня. Вот он вынырнул за буераком, вот мелькнул на бугорке, вот перепрыгнул через яму, а вот поравнялся с Кириллом и удалился с пронзительным воплем:

— Мама, правда, я белоризец?

Это был сын послушницы, отрок Борис, с копьём наперевес. Кирилл оглянулся — на тропе стояла Анисья с кожухом на изготовку. Малец подбежал к ней — он был словно летом в портах и белой рубахе — инокиня накинула на него тёплую шубу.

Разглядев маячившую в сосновах фигуру чужака, мать с сыном исчезли. А тот, кого они заметили, продолжал в нерешительности топтаться внизу...

Кирилл вернулся с охапкой дров — такой, что самого из-за неё не видно. Не выпуская из рук, спросил:

— Епифаний, ты про белоризцев что-нибудь слышал?

— «Побеждающий облечётся в белые одежды»?¹ — ответил тот, не поднимая головы.

— А ещё?

¹ Откр. 3:5.

— Убиенным за Слово Божие, души которых покоятся под небесным жертвенником, «даны были каждому из них одежды белые»¹, — ответил Епифаний, не оставляя пера.

— А про монашье воинство белоризцев ты что-нибудь слышал? Мы, когда на Куличках были, то ратники поговаривали о сразившемся с татарским богатырём Челубеем монахе Пересвете и брате его Осляби, что будто они из таких были...

— Тебе лучше о том знать,— пожал плечами Епифаний.

Кирилл сгрузил дрова перед печкой, развёл огонь и долго наблюдал за тем, как пламя бежит по сырой бересте, как шипит, закипая, снег, притаившийся в поленьях. Впрочем, перед глазами его была совсем другая картина. Он всё ещё видел отрока в белой рубашке, мчавшегося так, будто в чаще леса таились меткие стрелки и ему нужно уворачиваться от их посвистывающих стрел. Почему этому учила его мать, инокиня Анисья? И почему матушка Параскева восстала против разговора о сыне своей доверенной послушницы?

17

Великое княжество Тверское,
р. Орша, Вознесенский Оршин монастырь,
в год 6917 месяца декабря в 20-й день, утреня

Гонец от князя. Две гринвы за переем.

Смерть у жертвенника.

Послушник, кланяясь, вошёл в алтарь, почтительно приблизился к Антонию:

— Отче, к тебе гонец от князя!

— Веди! — удивился наместник, собирающийся сойти с престола².

Было чему изумиться. Князь Михаил Александрович — внук Михаила Ярославовича, того самого, лютой смертью казнённого в Орде за непокорность, ни разу не был в Оршином монастыре, в Твери были монастыри, гораздо более достойные княжеских очей. Какое дело может быть у княжеского гонца?

Антоний решил принять его там, где был, — в храме, тем более что служба только что закончилась. Услышав гулкие шаги за своей спиной, обернулся: по пустому проходу к нему шёл лысый чернец — тот самый, которого он однажды пустил в монастырь на постой вместе с двумя другими всадниками.

— Что ж ты чужим именем прикрываешься, — гневно спросил наместник, — какой же ты гонец?

— Самый что ни на есть настоящий, — не смутился Сатана. — Гонец от князя Свидригайло.

— Не знаю такого князя! — отрезал наместник.

Савватий, взойдя на Престол, подошёл к игумену вплотную и остановился как вкопанный: ноги широко расставлены, правая рука на боевом топорике, тон разговора угрожающе спокоен и твёрд.

— Отче, куда ты дел книжника?

¹ Откр. 6:11.

² Престол находится в центре алтаря и является главной святыней храма. Здесь совершается пресуществление хлеба и вина в Тело и Кровь Христову.

— Какого ещё книжника?

— Ты знаешь, отче, какого — москвитянина Епифания. Сначала ты его в лес отослал, а сейчас он где? Вспоминай, отче, быстрее, а то ведь обитель твой деревянный, запылает не хуже той пустыни, что сгорела.

— Ах ты, ушкуйник! — вскипал Антоний.

— Тихо, тихо,— не давая волю рукам, грудью напирал на него Сатана,— сказывай, где он ещё может быть! Небось, по всему лесу отшельники кельи понастроили?

— О том мне не ведомо, — вздёрнул ввысь сивую бородёнку наместник, отступив от дарохранительницы в противоположную сторону. Забытый посох остался стоять, прислонённый к стене.

— Раз тебе не ведомо, тогда назначь в провожатого монаха, который эти пустыни знает. За переем получит обитель две гривны, купиши, отче, в хозяйство лошадку,— решил быть щедрым Сатана, умолчав, что наградных самому ему за Епифания посулили в двадцать раз больше.

— Стыдись, монах, я отец братии своей,— поднял крест Антоний,— а ты, хоть и сан имеешь, а обычаем похабен...

— Ты меня не стыди, отче, о себе лучше подумай. Жить-то ведь хочется? — Сатана достал из-за верёвочного пояса топор.

— Совсем осатанел, монах? Святому отцу в алтаре грозишь? — задохнулся от негодования Антоний.

Савватий, не отвечая, рубанул... Наместник, оставляя на жертвеннике¹ алый след, сполз вниз. Сатана, вытерев топор о край рясы Антония, неспешно вышел из церкви.

За трапезой хватились настоятеля. Догадались пойти в храм — там его и нашли у перевёрнутого жертвенника. Преданный друг Андроник приник к груди Антония: ухо уловило едва различимый хрип. Обмыли рану, приподняли голову. Наместник, приоткрыв глаза, увидел склонившегося над собой Андроника, немеющими губами повелел: «Приблизься...» Тот наклонился.

— Предупреди Епифания, гостя... С ним Кирилл, трудник... Если живы, прячутся... в пустыньке Окула... или в скиту у Параскевы... Где ещё...

— Что сказать-то? — недоумённо переспросил Андроник.

Но Антоний уже отошёл в мир иной: заострились черты, сокнулись уста.

— Что делать? Что же делать?! — растерянно повторял щуплый монашек, размазывая по лицу кулаками слёзы.

— Обычая не знаешь? — осерчал Андроник.— Убиенного отпеть, церковь на сорок ден затворить, потом помост вскопать, чтобы не осталась в храме залитая кровью земля, да ещё и жертвенник,— кивнул на окровавленный столик,— отмыть, молитву сотворить, святой водой всё вокруг окропить... А до этого здесь не служить! Все поняли, что делать?!

Братия понуро закивала. Самые дюжие из монахов высоко над головами подняли и понесли Антония, а Андроник закрыл храм, мучаясь мыслью, что было в алтаре нечто, мимолётно смутившее его, но что? «Будет ещё время разобраться», — урезонил он себя, поворачивая в замке ключ...

¹ Столик, где приготавлиают хлеб и вино для пресуществления в Тело и Кровь Христову.

Отец Филипп

Фото с Интернет-сайта syktyvkar.eparchia.ru.

Секретарь Сыктывкарской и Воркутинской епархии, архимандрит Филипп (Филиппов В. А.).

Отец Филипп: «Насколько надо любить народ, чтобы создать для него азбуку и письменность...»

8 февраля в Усть-Вымском доме культуры прошёл круглый стол, посвящённый 630-летию образования Пермской епархии и присоединения Коми к Московскому государству. В заседании приняли участие представители духовенства, науки, администрации района и республики. По вопросам, обсуждавшимся в рамках круглого стола с секретарём Сыктывкарской и Воркутинской епархии отцом Филиппом беседовал зам. главного редактора журнала «Арт» П. Ф. Лимеров.

— *Отец Филипп, всё-таки, как по-Вашему, мы отмечаем 630 лет учреждения епархии, или 630 лет присоединения Коми к Российской Руси?*

— Присоединение Зырянского края к Российской Руси фактически совпало с образованием нашей епархии — в 1383 году. Мы знаем, что мать Стефана Пермского была зырянка Мария. Конечно, прямых источников у нас нет, но я думаю, что это было целью его жизни — просвещение народа, которому принадлежала его мать, и в какой-то степени и он сам. Поэтому когда он приехал и увидел этот совершенно непросвещённый народ, который был в язычестве, он понял, что этот народ нуждается и в физической защите, и в духовной, в духовной, может быть, даже больше. Стефан Пермский понял, что просвещение зырян — его истинное призвание... Поэтому в 1383 году благодаря его подвижничеству была образована епархия. До сих пор эта земля принадлежала Новгороду. Это тоже было государство, наравне с Московским. Но Новгород только облагал данью, и ничего не давал взамен зырянскому народу. И мало кто заезжал сюда, мало кто

интересовался этим народом. Но с приходом Стефана Пермского, который сам был харизматической личностью, который человеком был очень грамотным, ну и, конечно, сейчас можно говорить, что это был государственный деятель и филолог, который шёл сюда уже с азбукой для народа — всё изменилось. Представляете, насколько надо любить народ, чтобы создать для него азбуку и письменность. Это же была исключительная любовь к этому народу. Вот с этого момента, с момента образования епархии фактически и начинается присоединение Зырянского края к Московскому государству. Это надо признать, это действительно так и есть, — вначале образовалась епархия, которая непосредственно принадлежала Москве. Сюда начинают приезжать со Стефаном Пермским послы, дружины, помогающие местному населению в защите от нападений внешних врагов. Ведь это очень важно, чтобы народ почувствовал себя уверенней, что у них появилась защита, а кроме того, у них появилась и духовная защита, у них появилась письменность, благодаря которой они могли рассказать о себе другим людям. Это был долгий процесс, он продолжался, может быть, не одно десятилетие, но мы можем смело сказать, что 1383 год — это год образования Усть-Вымской епархии и начало вхождения Зырянского края в Московское государство.

— Тут есть один момент, может быть, не совсем стыкующийся с вашей трактовкой. Дело в том, что по Вычегодско-Вымской летописи в 1367 году пермские люди уже целовали крест Дмитрию Ивановичу Донскому, а дань, так называемый «чёрный выход», «чёрный бор» уже с 1333 года шёл с Перми на Москву, а не в Устюг и не в Новгород. То есть, фактически со временем Ивана Калиты пермяне были даньщиками не Новгороду, а именно Москве. И есть основание полагать, что вот эти вот тиуны, о которых говорит Пам-сотник в Житии Стефана Пермского, скорее всего, были тиунами московского князя, а сам Пам-сотник, судя по его титулу «сотник», принадлежал к «местной» администрации. Сотник — это ведь наместник князя на этой территории.

— Ну, хорошо, вы говорите: Дмитрию Донскому целовали крест, да, может быть, такое и было, и даже появились какие-то первые христиане. И мы тоже сейчас можем уехать в Иерусалим и целовать крест иерусалимскому патриарху. Но это не значит, что мы присоединились, извините меня, к Иерусалимской патриархии. Мы просто выразили своё уважение. Точно так же люди могли ездить к Дмитрию Донскому. Факт, что сообщение с Москвой было, но ведь главное результат: с какой целью ты приехал сюда — собрать дань или просветить народ? Истина вот здесь как раз и заключается, как Новгород смотрел на Зырянский край, и с какой целью его отряды приходили сюда, и как они относились к зырянскому народу. Для них это был просто сырьевой пришаток. И можно было его бесконечно черпать, ничего не принося народу взамен. Юридически край принадлежал Новгороду, фактически его ещё обирали и другое государство, и надо было решить эту дилемму, кому принадлежать: или всё-таки Новгороду, и ещё будет отбирать дань и Московское государство, или всё-таки сделать выбор в пользу одного государства. Тем более, что это государство будет давать тебе и просвещение, азбуку, письменность, то есть, развивать край. А мы знаем, что с приходом Стефана Пермского сюда, судя по историческим источникам, фактически

Зырянский край стал таким опорным пунктом в освоении Сибири. Через Зырянский край пошли первые отряды в Сибирь, зыряне стали присоединяться к этим отрядам, и сейчас много зырянских поселений в Сибири. Здесь начала развиваться промышленность, первые совместные предприятия появились ещё в те далёкие времена, это и освоение запасов железной руды, и первые нефтяные разработки. Всё это произошло благодаря тому, что Коми-зырянский край сделал выбор в пользу Московского государства. И Стефана Пермского мы признаём и как государственного деятеля, потому что это именно он определил выбор в пользу Московского государства, а образование епархии фактически определило окончательный выбор зырянами Москвы как своего центра.

— Всё-таки тогда, что же совершил Стефан? Государственный, политический акт или всё-таки акт духовного подвига?

— Сейчас, к сожалению, идёт недопонимание и, наверное, недооценка деятельности Стефана Пермского. Это уникальный случай в истории России, когда не дружины, не военизированные отряды, не дипломатические деятели приходили и путём переговоров с местными князьями присоединяли одну территорию за другой, а когда через просвещение, через возможность дать народу стать грамотным, по-другому взглянуть на окружающий мир велось строительство государства. Просвещать другой народ, чтобы они знали, кому они будут принадлежать, казалось бы, какой в этом смысл? А ведь так и было: сначала было просвещение, когда Стефан Пермский пришёл, дал письменность, дал азбуку, а затем поехал в Москву и сказал, что надо открывать епархию. Этот народ просвещён, и он должен присоединиться к Московскому государству, иметь здесь свою епархию и православную церковь. И вот с того момента, когда началось просвещение, начался и процесс присоединения. В этом логика того, что тогда произошло, поэтому Стефан Пермский — уникальная в истории России личность — это просветитель, ставший государственным деятелем. Эта его уникальность недооценена в наше время. Мне кажется, мы должны немножко по-другому взглянуть на те события, если сейчас использовать богатейший опыт Стефана Пермского, то можно очень много что сделать в России. Именно через просвещение и нужно делать добрые государственные дела. Но у нас пока, к сожалению, всё идёт наоборот: сначала экономические интересы, а потом смотрят, нужно ли уже просвещать или нет. Непросвещённым-то народом легче управлять. Правильно? Поэтому и народы Европы все так поздно получили письменность. Зачем их было просвещать? Они поставщики, они ремесленники, они крестьяне. Зачем давать им грамотность, которая даёт возможность человеку по-новому взглянуть на мир, и даже самому претендовать на управление своей землёй?

— Тут вот есть два таких момента, которые всегда связываются с присоединением. Во-первых, какое значение имел для Москвы акт присоединения Пермских территорий? И какое значение для пермского — коми народа этот шаг имел в дальнейшем? Москва в то время переживала очень трудные времена, во-первых, вокруг Москвы — сильнейшие княжества — Рязань, Тверь, Новгород, Литва, Золотая Орда — с которыми приходится вести войны, дипломатические отношения. Положение очень сложное. И вот находятся

силы, чтобы просветить территорию, которая и так платит дань, да ещё и устраивать здесь епархию. Какая же всё-таки выгода самой Москве в этом?

— А мы всегда ищем выгоду. А надо ли?

— С точки зрения прагматичного современного человека должна быть какая-то выгода.

— Есть всё-таки что-то, что не поддаётся объяснению. В истории много загадок, пусть это будет одной из загадок. Я могу, конечно, строить свои догадки, но я ведь не буду основываться на исторических фактах. Я могу только сказать, что это был, действительно, уникальный случай в истории. И пусть эти все какие-то подробности останутся загадкой. Лучше трактовать так, чем по-современному искать в этой истории выгоду. Сразу появляются версии, что были военные дружины, что это было вторжение в край, что это было порабощение, но ведь отсюда никого в рабство не увозили, и все жили здесь. Народ был просвещён, и смотрите: зыряне стали народом грамотным, первые работники типографий, созданных в России, были зыряне. Это же факт, который невозможно отрицать, это был грамотный народ, просвещённый, в отличии от многих других народов России. Так что ж в этом плохого? И ведь самое главное, посмотрите, никогда в Зырянском крае за всю историю с прихода Стефана Пермского не было сепаратистских движений. Они появились в период, когда здесь устанавливалась советская власть. И не было выступлений зырян против Москвы, против самих устоев Русского государства. Это был очень верный, добрый, надёжный народ. Говорят о загадке русской души, а разве загадка зырянской души — не предмет для изысканий, размышлений?

— В связи с вопросом о национальностях хотел спросить. Я в Википедии сегодня посмотрел статью о Стефане Пермском, там сказано, что раньше, якобы не обоснованно, национальность Стефана утверждалась как зырянин, коми, а сейчас будто бы установлено, что он был русским.

— Всё-таки есть источники, которые утверждают, что мама его была зырянкой.

— Нет источников таких. У Епифания очень чётко говорится о том, что он был славянского рода, «из страны полуденной». Но могу сказать, что ни в одном житии не утверждается ни о каком святом, что он был какого-то там рода, потому что апостолом Павлом было сказано, что в христианской вере несть иудея и несть эллина.

— Как современный человек я могу это объяснить таким образом. Здесь была политическая хитрость. Вот и всё. Политическая хитрость, уловка. Нужно было, чтобы это был, действительно, образ славянина, который просветил язычников.

— В житиях нет политических хитростей. Все жития, в общем-то, направлены на одно — прославление культа святого. Мне кажется, что всё Житие Стефана Пермского написано о чуде обращения в веру нехристианского языческого народа. И ещё одно чудо, которое там описывается — это чудо обретения языка Стефаном Пермским. Славянином, который обрёл пермский

язык чудесным образом. Как некогда апостолы обрели языки в день Пятидесятницы.

— Я там не вижу никакого чуда. Это результат труда. Это результат труда с обеих сторон, труда самого Стефана Пермского и результат труда того народа, который принял эту письменность и язык. Вы знаете, что вполне можно было отказатьсь от этого языка, письменности.

— Я посмотрел в Интернете освещение круглого стола, который проходил недавно в Усть-Выми. Там, конечно, очень много всего написано. Много говорят о том, что Стефан Пермский — разрушитель языческой культурной традиции. С другой стороны, потопил будто бы Стефан Пермский весь Кomi край в крови. Как мне кажется, Владыка, упомянувший, что Стефан Пермский пришёл сюда с дружиной, как-то, возможно, сподвигнул на этот разговор...

— Если говорить о дружине, то можно вспомнить, как было заведено дело против священномученика Германа и его сподвижников. Дело называется «Священные дружины», потому что святитель Герман так называл своих сподвижников, которые собирались дружиной, с друзьями, которые сопровождали его. И термин «дружина» не несёт на себе никакой агрессии, и предположение, что это «военизированная дружина» — абсурд. Владыка нигде слов «военизированная дружина» и не произнёс. Дружины — те люди, которые его сопровождают, а как их назвать? Друзья, дружины. Дружины, которая его сопровождала, разве он употребил слова «оснащённые военной техникой»? Дружины, а как? Дружины, конечно. Дружины — это те сопровождающие, те соратники, сподвижники, которые прибыли вместе с ним на Зырянскую землю. А как их назвать? Дружины. И вот на этом же было основано дело «Священной дружины», здесь, в Сыктывкаре, были расстреляны они в 1937 году. Посчитали, что это дружины, которая здесь жила в Кочпоне, военизированная и ведёт работу против государства. Их всех за это и расстреляли. Здесь Владыка ни в коем образе не использовал этот термин в военном смысле. Это говорит о том, что он в единомыслии находится со священномучеником Германом Ряшенцевым, который употребив где-то прилюдно этот термин «дружины», фактически подписал себе приговор. Дружины и есть дружины, сподвижники, друзья — и не более того.

— Всё понятно, но просто очевидно, что читатели всегда ассоциируют это слово с военными дружинами, которые будто бы потопили здесь всё в крови. Начало, мне кажется, этому всему положено было в трудах И. Н. Мошегова. Был такой коми писатель Мёсшег, который жил в Финляндии и писал об этом статьи, и печатал в журнале «Коми му» в 1920-е гг.

— Это свидетели пишут, я так полагаю?

— Тем не менее, вот эта точка зрения укоренилась в народе.

— Мы не можем найти здесь следы военных действий XIV века.

— Я с Вами полностью согласен. Так вот о язычестве, о культуре, о ценностях язычества. Вот что же всё-таки разрушил Стефан Пермский?

— Зырянский народ был заложником своих волхвов. Поклонение идолам помогало тому же Паму-сотнику и этим неблагочестивым военизованным

отрядам, — вогулам, вятичам, — которые приходили сюда обирать зырянский народ. Они держали народ в страхе, а народ был в неведении. Страх был тем инструментом, с помощью которого можно было этот народ грабить... А когда народ получил письменность, получил азбуку, он начал понимать, что есть другие ценности, что не надо делать центром всей своей жизни дерево, или гром, или камень. Есть великие ценности, которые позволяют человеку открыть мир. Стефан Пермский позволил им вырваться из узкого круга такой зависимости перед теми людьми, которые говорят: «Повесь шкуру на это дерево». А утром шкура исчезает: «О, Бог забрал твою шкуру». Всё, и шкура уезжала в Новгород или ещё куда-нибудь... Только христианство дало народу возможность стать свободным от предрассудков и от рабства, которое навязывалось этому народу с помощью язычества.

— Вот я хотел бы Вам задать такой вопрос. У Фёдора Достоевского есть такая фраза, что русский народ без веры — дрянь-народ. Как Вы к этому относитесь?

— Здесь о чём идёт речь? Может ли быть «тварь дрожащая», которая бесконечно будет дрожать перед совершенно неизвестным человеком, работатьствовать перед ним, не видя, что есть более высокий Господин, и нужно только поднять глаза. Да, посмотреть и увидеть, что ты должен служить не тому, кого ты видишь перед собой глазами, на кого смотришь. Надо чуть поднять глаза и увидеть: вот то, что самое Высшее, чему я могу служить. И не быть рабом человека. Вот здесь, конечно, я думаю, что Достоевский, будучи человеком глубоко верующим, имел именно это в виду. Не будьте рабами человека, а будьте рабами Бога. И вот, когда у тебя нету этой веры, ты становишься дрянью, которая служит человеку, хотя нужно служить Богу.

— Я к тому, что на примере Перми Вычегодской, на примере крещения Стефаном Пермским коми мы видим, как разрозненные племена были верой объединены в один народ, который в общем-то с этого момента и стал называться коми. Вера как объединяющая, организующая народ, действовала и тогда, в XIV веке, ведь тогда и Русь объединялась вокруг Москвы. Митрополия почему была перенесена в Москву? Ради этой идеи. Москва стала не военным, а духовным центром Руси. Православная идея была включена в организацию и коми народа, и с этого момента он стал существовать как народ. И вот сейчас, когда идёт разрушение веры, разрушение основ, стержня православного в народе, может ли русский народ называться русским?

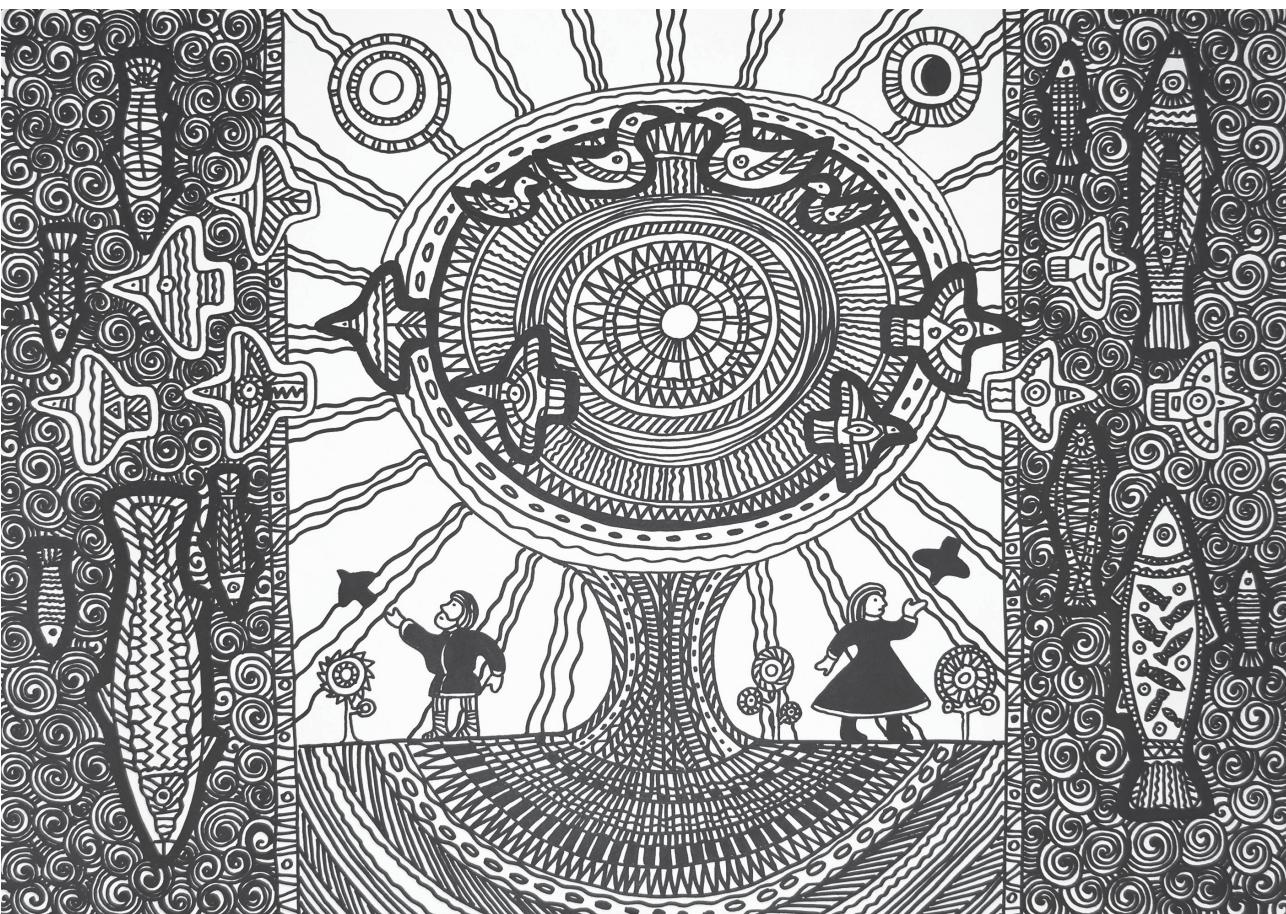
— Вы знаете, сейчас изменилось время, и понятие русский немножко изменилось. Стало более широким понятием, чем во времена, когда назывались русскими только по месту своего проживания. Сейчас русскими больше называются по вероисповедному принципу. Но я вот что хочу сказать: действительно, через христианизацию, через письменность, через азбуку, через грамотность народ становится могущественным, народ становится единым. Сейчас пытаются это разрушить, пытаются всё вернуть к временам Пама-сотника, когда человеку навязывается золотой телец, идол навязывается, и человек начинает верить только в земное, а не в небесное, сейчас это очень прослеживается.

Я вот заметил, что идёт такая волна, странная, очень много появляется материалов о том, нужно ли верить. У нас, например, в нашей Республике

появляется очень много материалов, в которых проявляется сомнение в самом понятии веры. Нужно верить или нет? На пьедестал снова ставится атеизм. Но человек, усомнившись в том, что есть Бог, всё равно Богом будет считать что-либо другое. И таким образом незаметно идёт навязывание каких-то других богов. Это первое. Второе: подвергается сомнению гимн России — будто бы это имперский гимн, наследие имперского прошлого, наследие Советского Союза. Ну, скажите, когда музыка была каким-то проявлением подавления воли человека? Настоящая музыка? Почему сейчас начинают поднимать этот вопрос? Сначала я подумал, что это случайность, а потом, когда я послушал несколько интервью уважаемых господ из западных фондов на телевидении, я понял: просто идёт подмена одного другим. Ну, если исчезнет один гимн, то появится другой. Вопрос в том, какой гимн появится? Никто не подвергает сомнению гимн США, хотя это пережиток очень далёкого прошлого, пережиток войн, которые происходили там когда-то. Тем не менее, каждый ребёнок встаёт, когда слышит гимн, и поёт текст гимна. Каждый житель страны знает гимн наизусть. Почему же наш государственный символ подвергается сомнению? Очевидно — разрушить устои. Есть то, чему мы верим, есть то, что является государственным символом. Вы только разрушьте это, народ начинает разбегаться, потому что у него появятся опять разрозненные князьки, каждый будет верить во что-то своё. Россия, объединившись, стала процветать. Но кому-то очень надо вернуть её снова во времена язычества, разделить на отдельные княжества, где будут мелкие несамостоятельные правители, потихонечку всех поработить, обложить данью, забрать всё, а народ лишить грамотности, письменности. Разве не этого добиваются некоторые у нас в России? А зачем нам русская литература? А зачем нам знать вообще Достоевского, Чехова? Зачем нам это знать? Вы деньги умеете считать? Достаточно. Больше вам ничего не нужно. Вы лучше изучайте Французскую революцию, какие-то совершенно далёкие события, о которых русский человек не хочет читать. Русский человек никогда не запомнит героев Французской революции. Для него будут близки даже те же самые пионеры-герои, которые были в годы Великой Отечественной войны. Для меня ближе родные имена, имена людей, которые что-то сделали для моей страны. А изучать каких-то героев Французской революции, зачем? Но ведь их включают в учебные программы, видно, рассчитывают, что не будут знать чужого, но не будут знать и своего. На это рассчитана и вся эта модернизация, бесконечные школьные реформы, которые нам навязывают. Это идёт подмена своего, исконного, отсюда и борьба против гимна, борьба против православия как объединяющего начала, борьба против русской литературы, русской музыки. Вытеснить, заменить память, вырубить корни.

Вот роль Стефана Пермского была совсем другой. Он пришёл к коми народу с одним желанием — дать им грамотность, дать им письменность, дать им возможность объединиться. Ещё раз повторяю, что он величайший государственный деятель, общественный, религиозный деятель, который может быть примером для очень многих. Да, были миссионеры, и в Сибири были. Но таких, которые бы включили целый народ в лоно цивилизации — наверное, не было.

Проза. Поэзия

Татьяна Шахова

Шахова (Спицина) Татьяна Владимираовна. Чужис Куломдін районса Ярашъю посёлокын. Велодчо Сыктывкарса государственной университетын. Кывбұръяссö йөзөдліс «Йөлөга», «Парма гор» газетъясын, «Войвыв кодзуу» журналын, «Медвөддэ муслун» да мукөдötтүвъя сборникин.

«Шонді-мамлы тёрәм ставён сывъяс...»

* * *

Менам кывбур — абу ичёт каньпи,
Кургö кодi, шыльёдан кё мыш,
Абу мед и кымёртög ён чардби,
Абу мед и кывбур — гуся шыш.
«Вежсян гыяс» кад миянлы уси,
Вежласьёны онi гуг да бан,
Толёдны жуг-ёгсыс зарни тусысö
Смеллун колё да и ыджыд сям.
Быттьё ыджыд война грымгис-мунис,
Орчён со и озырлун и шаг,
Кодалём, наркотик,— лёкыс уна —
Ытва моз нин босытö гёгёрбок.
Кокния лёк вынъяссö он ѡлёрд.
Кывбурлён эм аслас ыджыд дон.
Сёмын медым веськыдён тэ вёлiн,
Повтёмён ли, мёвпъяснад зэв ён.
Тима Венъён олём Човийн орис,
Виктор Савин ас муё эз ков,
Быдён ас ног му выв шудсö дорис,
Ниномысь поэзия эз пов!

Гожся серпас

Öшкамёшка — уна рёма мегыр,
Шоның зэрыс — посни синма тыв,
Быттьё вижов водздöраа егыр,
Кён тай мырпом кисьмёма да сыв.
Керös бокын озлён би кинь тусъяс,
Он и тёдлы, ачыс тырё доз,
Тайё кадыс важся ногён шусьё:
Лышкың кия, тыра нопъя моз.

Тэрмасьысь гожём

Востымасьё кёнкё зэв нин ылын,
Муркёдчомыс гымлён оз нин кыв,
Зарниасьё рытъя шонді улын
Зэрён мыськөм, ытшкыштөм видз выв.
Асылдöзыс лёнис лэбач сылан,
Лёня кывтö паськыд ота ю,
Öдйö лэббø гожём, быттьё сылö
Дэбыд тёвру улас асъя ру.

Олём вын

Ассым олём, кыдзи кужа, кыа,
Гёрддзасьлö и öдва нин оз оп,
Овлö лёнь и саридзын моз гыа,
Тöрыт — ошкы, талун кöть и ёр.

Кыдз он гудырт, ключлён вавыс сöдзö,
Олёмлён мед татшöм вöлi-й вын!
Йöз дорö кö ачыд абу кöдзыд,
Тэ дорö тшötш некод абу кын.

Олёмыд — и гуранъяс, и чойяс,
Петан туйсö аддзы, лёксö вен,
Мед кö усьлас лов вылад сьёдвойыс,
Бара югдас, лача сетас Ен.

Асыв

Лёня разъёсъё войся пуксьём чёв,
Медводз петук сетіс ассыс голёс,
Кыськё полігтырии петіс тёв –
Асъя, небыд, шоныд, аслысполёс.

Быттьё пачысь петём гёгыль көрт,
Вортас йылё шонді тупыль петіс.
Югдіс вёр, и видз, и Эжва сьорт,
Бара выль лун мулы сійо сетіс.

Тольскё-кылё кёнкё лэчтан шы,
Водас турун лэчыд коса уло.
Шопкёдчоны пыж да эзысь гы,
Разодчоны йозыс видзъяс выло.

* * *

Кёні менам тёв ныр тэрыб вёлой?
Вунны кутіс сылон тільгун шы.
Садымёд-пальёд, вильыш руа тёлой,
Дугдыв ю серпасавны гы.
Ласта шёрын, лыдтём дзоридз кытшын
Некодлы нин юркытш ме ог кы,
Мыйкё воши, сотчис морёс пытшын,
Визув ёльсьс артмис пемыд ты.
Гашкё, меным мича асыв мыссис,
Енәж дасытіс козин — кыа вöнь,
Дзоридз моз мед бара сьёлём востис,
Пессис-радліс водзё, а эз лöнь.
Кырнышыс юр веcтын оз нин шлывъяв,
Гулюяс сэн, югыд енәж от,
Шонді-маммы тёрам ставён сывъяс,
Кынмыны оз сет и оз на-й сот.
Гашкё, воча вёлой менам рёйтё,
Кыпёдё кок увсыс гожся бус,
Тільгун сылон сылё, зильгё-йёктё,
Медым ловнам некор ме ог кус.

Людмила Втюрина

Втюрина Людмила Зарниевна (Зарни Люся) чужис 1964-öд вояс тёвшёр 11 лунёй Кому республикаса Иэзыя районын, Кельчиюр сиктын. 1985-öд воян помалис Перымса государственной культуры институт. 1985-öд воясъя уджало Сыктывкарьын, С. Я. Маршак нима Кому Республикаса челядьлён национальной библиотекаын.

Л. Втюриналыс кывбурзяссю йөзөдлісны республикаса газет-журналлён лист бокъяс вылын, сідзжё «Сыктывкар», «Был у меня хороший друг», «Собрание разлуки», «У камелька», «Киит ѿ» (эст кыв вылын) книгаасын.

2006-öд воя Зарни Люсялён петис «Шоныд діяс» (Тёплые острова) медвөддза небög. 2010-öд воян «Народная библиотека» серияын – «Майбыр кад» (Счастливая пора) кывбур ёктöд.

А талун гижись вёзий лыддысысылы изъва сёрнисикас вылын повесыт.

Менам шоныд діяс*

Повесть

*Сиа менам ай Хозяинов Зарни Евдоксеевич
йылысы югыд паметтылы*

Ёртъяс

Дивуйчча, мый нэм джын нин ола свет вылас. И мыляке пыр частэджык думен да вётэн вола аслам челядьдырся воясэ. Вед сэчче коли ачум — лыс кодь веськыд юрсиа нывка, код любитіс ёктыны луд вылысь катшасинъяс, корсыны ю дорысь мича изъяс, ворсны ыллаын мачен, а гортын — аканъясэн, ысловны дадден да лызен, вуграсьны, ветлыны походэ, рисуччыны, лыддысыны. Тая нывкасылы, кёнешнэ, коліс и отсасыны горт гёгер: уберитны керка пытшкес да соддор, пыртлыны пес да ва, ноксыны картупель му вылын, карны турун да пес, калыны яге тшак-вотысла.

Тадж же олісны Кельчиюр сиктса школалын мекедум велэдчыс нывъяс да зонъяс — 1950–60-öд воясын рёдиччем коми челядь. Ас костанум ми гежда пинясим, юкнысэ волі нинэм, олім лёня. Ёртасемнүм детсадсян вуджис школаэ. Оніэдз синъяс водзын челядьдырся ёртъяс — шор катыдса детинаяс: Тимо, Женя, Сергей, Валерик, Федэр, Шурик. Оніэдз дум вылын дона нывъёртъяс, кодъяскед велэччи ёти классын: Таня, Нина, Зина, Фаина, Диана, Надя. Челядьдырся воясэ менам колисны накед — войлэм и велэдчем, пионере пырем, кружокъясэ да лыжнэй секцияэ ветлэм, школьнэй вечеръяс коллялэм, походасем, вуграсем, видз вылын рёбитэм, клубын кино видзедэм да йёктэм. Накед

* Тайё повесытсыс кык юкён: «Велэдис вермавны сёбыкылунтъяс» да «Кёр яйлэн чоскыд кёрыс» волі нин йөзөдома «Артлон» 2012 вояс 1 номерын.

колисны менам веләччен вояс, шойччен лунъяс да празникъяс. Ёртасемнумес ми никор ог вунэдэ, көтүй оні гежда приведитлэ аддзысылыны ёрта-ёрткед.

Нöшта и нöшта окота волыны ылэ бöре колем челядьдырся 1960–70-öд воясэ, аслам рöднэй му вылэ абу олэма мортэн, а луд кузя воедысь лöз синъяса, еджыд юрсия нывкаэн. Кыске сækся йöз костэ, любимей местаясэ, кён менум, быдмыс мортлы, вöвлэ корке зэй бур. Тая и выйым, бураке, менам шоныд дiясэ, кодъяс отсалэны мен овны водзе, вермовны сьокыдлунъяс, карны мыйке буртор ас мулы, йöзлы, онiя нывкаяслы да детинкаяслы.

Кельчиюр

Учёнэйяс гижены, мый Кельчиюр селолэн нимыс артмема дженьдэдэм Кельчишартьюр (роч вылэ ке вуджедны, «верхняя часть протоки, богатая плотвой (согорой)») кылсысь. Делаыс сыын, мый миян сиктнум сулалэ Извя юлэн кельчи чериэн озыр *шар* бердын, шарлэн юрын (модорни ке, катылладорын). Важен сiдз лыддемаэсь, а онъя олыссыльсь ке юалан, кудз эське роч вылэ вуджедче Кельчиюрыс, висыталасны — «голова согоры». Тая абу дзик правильнэ, көтүй и пошти сiдз.

Жаль Кельчиюре, мада рöдинаэ менам, мыттысь ме мёдпöвсянь синва пет-тэдз любуччи тэнад мичнад сэк, кор вуджовлiм сэчче вуграсьны, воччыны, тшак ёктыны, турун карны.

Первой синме шыбиччены багатыр кодь ниаяс, кодъяс сулалэнны сиктсэ кык пеле (Шоркатыд да Шоркывтыд) юкысь шор дорын, Школа нырд вылын. Шоркывтыд — миян центр, вед сэтэн сельсовет, клуб, КБО (турсын керка), сельпо, библиотека, лавкаяс. Ме ола Шоркатыдын, и государственнэй зданиеяс письс миян выйым только шордорса нырд вылын сулалысь школа да неуна катыдланынджык — детсад. Шоркатыдса йöзыс спокойнэйджыкесь, навернэ, сiен, мый татэн этшаджык шумыс да суетаыс, машинаяс гежда ветлэны. Кодке ке Шоркывтыдэ мёдэччема да сумкаэн машитiгмоз делэвэя мунэ кычеге, сiдзке, кутшемке делаяс мортыслэн чукармемаэсь, колэ ветлыны сельсоветэ, а гашке, лавкаэ мунэ.

Мёдпöвсянь видзедам Кельчиюрnum вылэ, спичка кöreb кодь дзоля керкаяс вылэ, да ликтысям: вот Шоркывтыд помын, крут креж вылын, сулалэ кык судта клуб, кыче ми любитам ветлыны кино вылэ либе же танцы вылэ, празник дырий — концерт вылэ. Вот джуджыд сельпо магазин, а нэйлын сэтысянь сулалэ Платон дядьлэн керкаыс. Сэтэн олэ и менам Настя *перняне*, код мечча чоскыда пöжасе миян Кельчиюрын.

Вот Школа нырд вылын тыдыштэ кык судта интернат, а кёнке си сайын — миян школа, кыче ветлам быд лун веләччыны. Татэн *вошье* Шоркатыд, кён керкаяссэ стрöйтэмаэсь куим рядэн: самей ю дорас да гöра вылас, и на кости нöшта выйым шöркост ряд. Вот школа директор Геннадий Ивановичлэн куд кодь мича керкаыс, а орчинең нэйлын — тётя Графиялэн ляпкыд, но топыд керкаыс, водзе — Рыков семьялэн ыджыд керка, кодлэн восьса ёшиняясь часть кылэ музыка. Шоркатыдсы корсям и ассионум гортьяснумес. Дзоля яг да кыддза рас бердьсye ме öдде аддза ассиюм керкаэс, код сулалэ Шоркатыд помын шöркост рядас. Сэтэн и олам ми, вит чоя-вока, асланум ай-мамнумкед.

Изъва ю берег кузяля нюжаләм Кельчиюрnum дзонынас тыдалә мәдпöв берегсянь, и тая «картинасә» ме никор ог вунәд. Сія оз вош синъяс водзысь даже сәк, кор воас кад мунны татысь модор югыдә. Вед сән, тая «картина» пытшас, ме рöдиччи, олі, быдми, и никутшем мöд места ыджыд Му шар вылын оз бöрзед съоләмес сізд, кудз менам мада-жаль Кельчиюре.

Шоныд ді

Тұлыснас ыджыд ва босытә Изъва юсә, сія туә, и сы кузя бöре-водзе войләны моторкаа пыжъяс. Юнум сәк саридз кодь пасъқыд. Шоныд ке овлә майыс, ми гожемсә виччытәг купаччам кöдзыд валин, код босытә мусә пошти кузьнича доредз. Кеяліген да уяліген кок улын абу лыа, а ваэн босытәм луд да изъяс.

А кор вавыс ямас да петас лыа, коле кык ю: самей керкаяс дорын, лыаәдз — Понью, а кузь лыа ке вуджан, локтан Ыңжыд ю доре. Гожемнас пыжъяс ветләны только Ыңжыд юті, и миян, шоркатыдса челядьлы, Понью вылын — воля. Ыңжыд ю доре веське ләччылам же купаччыны, но гежда. Сія ота, и модор берегас, мöдпöлә, гежед морт варччас, да и сән вавыс зәй визув, кöдзыд, позе и вабергаче веськовны.

Поньюын частәджыксә и купаччим. Понью ляпкыд, но сэтен выйым джумъяс. Ыңжыд ю доре ләччиген колә кытшовты Поньюсә да вуджны ді. Лапкоръен веттүсыем дýыс куйлә, *top* майдысь ыджыд кит — пасъқыд да кузь. Ми сән зәй любитім войлыны. Емке волі воедны ді выйті шоныд лыаә воялігмоз, а небыд лапкоръяс гиледісны күшедәм кокъянсумес. Ворсім сән мачен, дзебисясемен, кутасемен, мукеддырий — картыэн. Валяччим ді вылын, ышмалім сяке.

Ляпкыдінас Поньюын жар лунә вавыс быдсән пуземен пузе, коктә сотә. Кеялам сән пöttәдзnum. Ба пырыс тыдалысь малёкъяс кыедам, куталам наес. Джуджыдінас Поньюын вавыс кöдзыд, осәбеннә ді помын — дзик джум кодь. Ді выйті воедам да бузғысам-чеччам ваз, пöttәдз купаччам, резсам ваз, ворсам, пока ог лöзәдэ. Петам васыыс, дрöжжитам, сізд кынмемаэс, уськеччам пым лыа вылә, тыртам лыанаң ёрта-ёртнумес, шонәччам.

И сәк сэтшем бур волі съоләм вылын, сэтшем югыд! Жаль, мый сіес гажлунсә он нин бöр бергед, кудз и ылә-ылә колем майбыр пöрасә — шоныд ді вылын колляләм челядьдырсә.

Менам бабе

Челядьдыр казытыліген пыр аддза ачумес Марфа бабекед орчен. Бураке, сы серти, мый ай-мам рöбитісны, а бабе оліс гортын, видзис нук-нучкасә.

Бабелән — Хозяинова (ныв дырий — Вокуева) Марфида Ильиничналән — рöдвужыс петләма Изъва районса Галфед (Малое Галово) грездысь Остап Вокуев рöдьсь.

Быд асыв Марфа бабе пукаліс öшиңдорын да кыйис кык кöсаә коскедзыс тыйалысь зарни рöма небыд юрсисә, öкуратнәя гартіс кöсаяссә юр гöгередыс да

дзебис сатин кокошник улэ. Кокошник вылэ кёртовліс вёсни ситеч чышъян, и артмыліс бабаор. Вой кеже разліс көсаяссә. И только ми, бабелэн нук-нучкаыс, вермим аддзылны рытнас либе же асывнас бабельсь мича кузь юрсисә. Ләдзаләм юрсинас сія воліс мойдысь царевна кодь — оттәм кельыд чужома, югыдлөз синъяса, юсь кодь кузь сыліа, ачыс косіник да статя, вёсни килутшъяса, неыджыд кияса. Новліс бабе скромнәй сарапан, сера вязанка, плюш жакет. Іллаэ петіген веттыліс бабаорсә да гаровтліс сылыі гёгерыс клетка шоныд шаль, кодлэн кузь сыръясыс небыда күйлісны сылэн пельпом-морес вылын.

Бабе пыр воліс гожся асыв кодь лёнь да югыд. Абу сёрниа, уджач, спровора, сія кужис асьсә кутны сізд, мый сыкед орчен быдэнлы волі бур. Кор колә, кужис серам карны, шутитны. А вед олан туйыс бабелэн из вөв кокни да мольыд. Кор сылэн мужикыс муніс рёбітны каре, нуэдіс аскедыс тшотш том гётырсә да челядьсә. Бабе из вермы дыр овны сэтән, бёр локтіс челядьыскед гортас — Кельчиюре. А мужикыс кольччис городас, гётрасис мёд вылә. Кыкнан нылыс бабелэн кулісны томдырыи. Колис только Зарни пиыс — менам ае.

Кельчиюрын вичко никор из вёвлы. Ог төд, веритіс из Марфида бабе Енлы. Ас мозыс, кёнешнә, веритіс. Мукеддырый пасъясис Ен пелесә, казытыліс Микела угодникес да мати Богородичаәс. А кор калім бабекед мёгилаяс вылә, сэтән миан рёдъяслән да тёдсаяслән гуяс дорын сія мыйке шопкис вомгорулас, чышкаліс синвасә шаль помнас. Гу вылас чуньнас пыр рисуйтіс крест, и менум тшоткіс сізд же карны. Ачыс волляэн висътовліс мен, код куйлә тая мёгилаас, му чульк улас, бур кывъясән казытыліс куләмасә.

Мен любе волі ветловны бабекед тшотш. Сія топтаа кутіс менә ки пёләдә, из ләдз менә бёке гортә вотәдз. Тадз сія, бураке, туйын видзис лёкыс ассыыс нучкасә.

Марфа бабе куліс 1973 воя май 7 лунә, Зарни пиыслән нимлунә, кор ме волі 9 ареса на. Куләм водзас корис соніка кельчи, и маме пыртіс черисә керкаводзыс. Сыләмсә медбörьс бурмедіс бабнум кельчи ёснас да муніс модор югыда сізд же лёня, кудз оліс-выліс свет вылас. Сы лунас ае ветліс кыйны дзодзег, а кор вайис кыемасә гортә, из нин су мамсә ловъяэн. Из удит вердны мамсә дзодзег шыднас.

Куйлә Марфа бабе Антуш дяднакед ёти юграста пытшкын. Ён ниаяс да пашкыр пожемъяс быдмены турунә пырзем кык чульк бердын, нелямын во нин видзены наес. А ме быд лун ог ётпир казытыл мада-жаль бабеәс. Мен кажичче, мый Марфа бабе ёнәдз видзе да берегите менә. Топтаа кутә киәдә да видзе лёктойысь.

А кор вола аслам рёдинаә, оләма йöz висъталәны, мый ме нахедита Марк Илля Марфа вылә. И тая мен зэй любе. Оләм помедз окота нуны ас пытшкын Марфида бабельсь лёньлунсә да югзедны матыс йёзліс оләмсә.

Первой тяпши

Дзолянанум ми любитім нывъёртъяскед «пёжасьны» ылла вылын. Нясты лятыссы карам тяпшишъяс да вөзъям наес асйоза «гёсътъяслы». Ная оз чукрасыны, чепельтәнү миянчунум «пёжасъяснумес», «чымасены» да вомнас тяпкедчигмоз ошкены наес.

А миан сэтшем окота волі забыль пёжовны пызысы да нырзем йёлкес гу-

дыртэм рачаяс да аладдияс, қыскыны пачысъ башын пожасъяссэ пызан вылә, майтны наес сывдэм вые тшукедлэм ләбач бордъен.

Корке луннас Марфа бабе доре локтисны госятияс: сы арлыда же Февра да Кресытина нима нывъертъяс. Воччысемаэс да пукалэнни лабич вылын, сёрни нүэдәны. Бабе пузедіс самвар, қыппедіс пызан вылә сола чери, пүэм тшак, шома капуста, вотыс, мырпом. А мыен нә ешшо госятигэдны Февра да Кресытина бабъясэс? Колә, навернә, мыйке пожовны.

Ме кучи пожасъны. Кумысъ пырті пызы, пожналі, кудз верми. Бабе сёрнитэ госятияскед, а ме вёвсю нокся, кара шомес. Бабе синъяснас гусен кыедче ме бёрся, матыссе да отсасыштэ сэк, кор падмыла и ог тёд, мый водзе карны. Бабелэн нюмъяләм серти ме бура пойнимайта, мый менам нинэм пока оз аркмы. Но сё ровно шомессэ кара, зэй окота госятиясэс тяпышъясэн вердны да.

Мыйке тай сэсся пожалі же чугун сковородкаын көрт пач вылын. Вит кымын рудов рёма то ли аладди, то ли тяпыш. Курччишті ётикес — пым, небыд, выя, но уль. Мый нә карны? Гёрдэді дзоньнам, повзи, мый серовны кучасны ме вылам бабелэн пöдругаясыс. Сулала на доре мышкен да любучча аслам тяпышъясэн, кодъясэс пукті мича тарелка вылә. Бабе матысис ме дорам, босытіс же ёти тяпыш, курччиштіс сіес. Ме виччыся, синъясэс поске лэдзи да, этшаке ог бöрд. И друг бабе кучис ошкыны менә, малыштіс юрсиэдә, босытіс кисюм тарелкасэ да нуис пызан вылә. «Вот вед, мадаясә, и Люся нучкаә быдмис, пожасъны кучис, тшыг ог кулә», — радләмен висытасис бабе аслас нывъертъяслы.

Ми пукалім пызан сайын да юим менам первой тяпышъясэн чай. Кёть и ная из вёвны башымаэс, а вёліны, топ пластилиныс, улесъ да лёшмемаэс, ме радпрысь чёсмаси наэн. Ог тёд, кудз вермисны сёйны уль тяпышъяссэ госятияснум. Бур, мый этша пожалі, вит кымын и тёрис сковородкаас да. А бабъяс — оләма йоз — нинэм лёксэ из висьтовны, из серовны ме вылам, и таен отсалісны мен веритны сыэ, мый аркмис пожасемыс.

Сәксянъ коли уна во. Ме пожовлі да сейлі сякей аладдисэ да тяпышсэ. Но ассюм первой тяпышъясэс иг вунэд, вед наес кари ачум, ас киясэн, и, гашке, сіен ная вёлісны мечча чёсқыдэсъ.

Шондіа морт

Ми, детсадэ ветлысъ челядь, жар гожем да зэра ар бöрын терпиттэг виччысим лым усемсэ, а сэсся и Выль восэ. Детинаяслы окота вёлі пасытасъны ошкен, кёйнэн, кочен. А ми, дзоляндзик нывкяяс, ставнум мёдім воччысъны лым чиръясэ. Мамъяснум вурлісны еджыд марляясь платтеяс, и микеднум тшотш мичмездлісны наес еджыд бумагаясь да югъяясь фольгаясь карем лым чиръясэн, стекляннэй мольясэн, вата торъясэн. Мечча сбокыд вёлі карны лым чирлысъ корона. Дыр ноксим сіен, картон вылә клеитім ёлка чачалысъ жугедлэм торъяс, вата да мольяс. Кодкелэн коронаыс аркмыліс джуджыд да синме шыбитчысъ, а кодкелэн — лёш да кельыд. Тадз ми кудзке да мыйке лёсеччим праздник кежлэ.

Выльвося праздник лун. Детсадлэн медыджыд залын ѿзъены югыд лампочкаяс. Зал шёрас красучче ас карем чачаясэн воччедәм коз пу. Звездаа йылыс сылэн тшуке пётэләкас. Ёлка оз на ѿзы мича биясэн, сіес верме ѿзыны только Дед

Мороз. Ми сылам, ворсам, ветлалам ёлка гёгер хороводэн, а асьnum ёттэre видзедам обес вылэ, оз-э лок Дед Морозыс.

Детсад коридорын кодке кучас гораа топайтын да бедден стучитны джоджас. Ставыс лёнены да видзедэны обес вылэ. Кылэ обесэ бедден стучитэм, и сьёкыд воськовъясэн кашкемен пыре кузь туйын мыдзэм Дед Мороз. Неыджыд тушаа, косиник, кузь еджыд тошкя, шолжевей лоз пася, кокас — бурка. Мечча дзоляяс чирзэны да ёдде дзебсены ыджыдджыкъяс сае. Дед Мороз здоровачче, пуктэ ыджыд мешексэ коз доре, поскас. Бедден стучитэм парысы гёгертэ мича ёлкасэ, ошке сиес. Гораа тшёктэ ёлкалы ёзтыны мича бияссэ, и челядь тшётш горзэны «Ёлочка, зажгись!» — отсасены ёзтыны коз пу вылэ ёшдэм гирляндаяссэ. Но только бедден некымынысь поске стучитэм бёрын ёлка югнитэ уна рёма лампочкаясэн. Мыдзэм вылэ жалэбиччемен Дед Мороз пуксе шоччыны сылы лёседэм стул вылё. Ачыс мужик моз кызэкта, мед гырысьджык челядь оз тёдмовны гёлэссэ. Но ми казялім нин, мый Дед Мороз сёрнитэ дзик миян детсадын няняэн рёбитысь тётя Саша моз.

Беляева Александра Саватьевна — челядес пыдди пуктысь, бур сьёлэма, сёрниа, шутливей морт. Сія встречайтэ миянтэ быд асыв детсадын, а луннас петкедлэ прогулка вылэ. Гашке, таысь, да и нёшта на уна мукедторыйсь ми зэй любитам сиес.

Челядь ёта-мёд бёрся матыссыны Дед Мороз доре, и сія внимательнэя кызвэ наес. Мечча, көнешнэ, сылы кажиччены Дед Мороз йылысь стихотвореннеяс. Ньёж ке висьталан, а он гораа, тётя Саша-Дед Мороз лэдзчыштэ тэ дорад, пуктэ пель дорас шолжевей вачегсэ да тшёктэ гораджыка лыддыны стихотвореннесэ. Дед Мороз вед пёрысь овлэ да пельтэмов, лёка кылэ. Шоччыштэм бёрын Дед Мороз ёдде сувтэ стул вылысь да вошье спроворая войлыны залті, «кынтыны» миянтэ лоз вачегъяснас, а ми чирзэмэн пышъялам сыясь. Шум-гам сулалэ. Даже дзоляяс ышмалэнү, войлэнү Дед Мороз гёгер, оз нин повны сыясь. Ставнум сералам, гажеччам. Но вот Дед Мороз бара шлёпкыс-пуксе стул вылэ да матыстэ ас дорас ыджыд мешексэ. Сія кыске аслас мешекысь блесътились кулёкъяс, кысь позе аддзыны и кампет, и преник, и печенне, и яблок, и апельсин. Нюмъялысь челядьлы пёдарокъяс сеталэм бёрын Дед Мороз висьталэ, мый сиес виччысены мёд детсадъясын, прёщааче микеднум и бедьнас тотшкедэмэн мёдэчче обеслань.

Сякей Дед Морозсэ приведитліс бёрвыв мен аддзылны: велэчиген, рёбити-ген, челядес быдтігэн. Но тётя Саша колис сьёлэме мечча бур, мечча любимей Дед Морозэн. Навернэ, сіен, мый тая воліс из бёкевей, тёйтэм дед, а зэй матысса, асланум, миянтэ любитысь Дед Мороз.

Александра Саватьевна быд лун кудзке ас мозниыс кужис бурмедны дзоля сьёләмъяс, кокнедны быдмысь мортлысь ловсэ, югездны челядьлысь олэмсэ. Сія бура тёдіс миянчунум ай-мамнумес. Тёдіс, мый унджыкыс миян костысь олісны гольник семьяын, кён из тырмы деньгаыс ни бур паськем вылэ, ни чошыд сёян вылэ. Айясnum юисны да гажа юрен тышкасисны, из сетны бура узыны войсэ гётырыслы да челядьыслы. Татшем некоторей олэм бёрын ми волім асывнас детсадэ, кён миянтэ ассыыс мада быдтасъяс моз радпырысь встречайтіс нянечка тётя Саша.

Тётя Сашалэн аслас оләмис из же вёв кокни. Уна челядя мам код тёдас кудз оліс юсь да крут характера мужиккед. Но никор из петкедлыны печаличчемсэ да майшасемсэ сылэн шоныд югыдлөз синъясыс, серамсора ласковей видзедласыс.

Мукеддыштік вазем синъясыс топ руалісны гажтәм думен, и сәк тыдаліс, мый тая мортыс абу шуда, но сія сё ровно виччысе ассыс шудсә, веритә, мый оләмис бурмас.

Тётя Саша томдырсянъ зәй любитіс лыддысынъ, да и оні пыр на частә волә сиктса библиотекаэ книгаясла. Висьталәнъ, мый сія лыддис Кельчиюрын олысъ йөз костын мечча уна книга. Гашке, лыддысынъ и отсаліс сылы вермовны съокыдлунъяссә. А мен мыляке окота веритны, мый, гашке, и ми, дзоля детсадникъяс, пункті же пай тётя Сашалысъ вынъяссә содтәме. Мед из усь ловнас. Мед сылән тырмис выныс кутны семьясә, быдтыны пи-нывсә, терпітны юысъ мужиксә.

Тая шондіа мортыс кучас овны менам съоләмын нәм помедзе, и ме унаусын на ас думын висьтала сылы сё пасибо миянтә быдтәмисъ-видземисъ.

Миян тётя Ліда

Тётя Лідаэс пёмнита детсадсянъ. Кузъ тушаа, косіник, но гырысъ да топыд ляяса, вына морт. Пасьтасис сія зәй скромнәя, новліс кузъ юбкаяса пемыд пасъкем, пыр чышъянасема, рöбеттшей кёмкота. Пасъкемис легъяліс вешалка вылын моз, кор сія бергаліс детсад гёгер. Кöть и вид вылас пыр волі мыдзема, топ мышкырччема неуна, но ставсә карис зәй одде да спроворана. Рöбитігмоз удитліс сёрнитышны челядькед, и ная сіес зәй любитісны, нинәм из повны юасьны сылысъ. Вед тётя Ліда пыр нюмъётас, отсалас, шутитас, серам карас. Быдэнлы сюрліс ыджыд съоләма мортсянъ бур кыв.

А вед тётя Лідалән — Изъва районса Картаёль сиктысъ петэм Канева Лидия Никандровналән — быдлунъя оләмис из вөв кокни. Сплавщикен рöбитьсъ мужикислы сія рöдитіс сизим челядь. ыджыд семьяныс ѡдва тойбердса гöра вылә лепиччем дзоля керкаэ. Асьныс унаэн, а нöшта на сәчче, кык комнатаа керкаас, волывлісны пинислән да квайтнан нылыслән ёртъясыс. И ме нывъёртъяскед ворслывлі налән неыджыд сод дорын, частә пыровлі шоныд керкааныс.

Тётя Ліда комын во карис Кельчиюрса детсадын съокыд рöбетаяс: видзис дзоля челядес, поткедліс пес, ломтіс пачьяс, мыськис посьяс, уберитіс сод дорсә. Сія веләдіс да сувтәдіс кок йылә сизимнан челядьсә, отсаліс быдтыны нукъяссә. А кор нин нук-нучкаыс лоисны ыджыдэсъ да рöдиччини правнукъяс, кудзке одде куліс лёк висемисъ.

Миян тётя Ліда торъяліс мүкедысъ сіен, мый кужис аддзыны быд нывкаын да детинкаын аслысполәс мортәс, уважайтіс наес, топ гырысъ йөзәс. Кужис любитны йөзлісъ быдтасъяссә сізд же, кудз ассыс нывъяссә да писә. Сія стараччис карны тöдсаяслы мыйке буртор, угедитны быдэнлы, мед мортыслы волі любе овны тонъя лунсә. Лёк кыв сысянъ никод из кывлы. Тётя Лідалән нюмъётәмис да дельнәй сёрниыс шонтіс миянчунум дзолиндзик съоләмъяснумес, гажедіс оләмнумес.

Окота надеччыны сы вылә, мый кöть модор юғыда миян тётя Лідалы удаччас шоччышны. Мед сылы лоас сэтэн кокныдджык, юғыдджык да шоныдджык, чем бур мортсә таляллысъ да вийысъ кöдзыд руа му вылас.

Асъя чай

Челядьдырыи овлывліс сідз, мый палявлі зэй водз, кор на керкаыс пемыд, но вёляэн югдэ ыллаискед тшётш. Лёнь, ставыс на узены. Но ме кыла, мый стен сайын, кухняын, маме асылалә нин, и ме топ аддза сіес стен пырыс. Водз асылын сувтә мамнум, медум карны семьяыслы лунбыд кежлә чўсқыд да пётэс сёян. Перво-наперво тшукедас русской паче би, сэсся капуста моз пасътасяс, шерсътняй чышъянасяс, вед керкаыс войбыднас зэй койдіс. Пока пачыс ломтысе, колә унатор удитны: чыститны картупель, лёседны шыд нур, пожъётны жаритэм вылә чери, мыськыны рыйтсаянъ колем грезнэй посудасә. Но ничево, рёбетаыс виччылас, никычче оз пышый, колә юны чай стёкан, да вёллись мыйке карны-овны, асыловны.

Русской пач трачке-ломтысе, ыллаын рёмыд на, а маме пукалә ётнасыс пызан сайын, аелэн небыд стул вылын, кодэс ставыс мыляке зэй любитэны, и, кор ае абу, *mime* пуксыыштәны сы вылә. Стен бердын стулыс, и, бураке, емке сы вылын пуковнысә. Кыкнан кинас маме кутә чашка быллыд да польләмен юә асъя сук заваркаа чай. Дзоля глётэкъясән юигмоз да фурскигмоз пуктыштә вомас сакар торъяс.

Водз асылын чай юэмис — мамелән кадыс. Сәк только сылы удаччылә кольчылны аслас думъяскед, югыд казытыләмъяскед да водзе вылә бур надеякед. Миян вит челядя мамнум зэй на том, неыджыд тушаа, öкуратнэй мыгёра, мича гёгресінник чужема. Сія спровора, восьса нюма, сёрниа. Гежеда прости сідз пукалә, пыр *сүеттә* керка гёгер. Но асъя чай юиген маме дзик мёд — *дувмел* статуя кодь. Кажичче, мый сія оні абу татэн, а кёнкне ылын-ылын, мёд мирын. И менум сэтшем окота воедны сы дорә кухняә да тшётш пуксыны чай юны, мед маме бёр воис гортә сія тёдтәм мирысыс, сёрнитыштіс мекедум!

Но ме бура тёда, мый маме оз любит, кор ми сувтам зэй водз, кор нинәмен на вердны, вед сёяныс путэм на. И шыр моз куйла аслам шебрас улын, ог вёр, ог дзурт, көть век нин палялі. Медум пукыштас маме ётнас му югдан кадә, мед ваедас ассыыс оләмсә да думъяссә ётсöгласә. Мед олыштас некымын минут аслас мирын, кыче никодлы, даже челядьыслы, оз позь сүитчыны. Вед только аслыс мамелы сэтэн бур да емке. Мед шоччыштас, а то ёдде нин воймас пач, и ковмас пусыны...

Оні нин и ме, и Валентина чое локтім сы возрастэдз, кутшемен ме пёмнита мамеэс асъя чай юиген. И менум дельнэй, мый чое тоже любитә семья сувттәдз юны ётнас топтаа заваритэм свежей чай стёкан. Да и ме ачум водзысь-водз сувта, медум кымынке минут олышны ас думъяскед, ен пелес улын чай юигмоз думышны сы йылысь, мый вёлі, мый лоас. И сәк ме кейма аслам челядьлы буртор. И ог мёд, мед кодке гортсаяс пиысь торкис тая кадсә. Вед сәк ме ола аслам мирын, медум ваедны ётсöгласә оләмес да думъясәс. Частә татшем минутъясә аркмены менам мечча стихотвореннеяс.

Абъячойса ныв

Гортын ёшалә рамкаэ сюем куим ыдждәдәм фото. Ёти вылас — мамелән аймам Иосиф Егорович да Соломонида Александровна (ныв дырии Шулепова) Ли-хачёвъяс. Мёд фото вылас — аелән ай-мам Евдоксий Иванович да Марфида Ильинична (ныв дырии Вокуева) Хозяиновъяс. Коймед фото вылас — менам аймам Зарни Евдоксеевич да Елизавета Иосифовна (ныв дырии Лихачёва) Хозяиновъяс. Томесь да жалькодесь, видзедәны менам дедъяс, бабъяс, ае да мame fotoяс вывсянь ме вылам неуна стрёгея, но любитәмен, небыд нюм пыр. Налән восьса да лёнь чужемъяс күтәны надея ёрта-ёрткед ѳтувъя бур оләм вылә. Вўлісны-э ная шудаэсь? Ме думайта, мый вўлісны. Из ке вўвны шудаэсь, кытысь эське налән лоис сы мытта челядь да нук-нучка?

Ае рёдиччема да быдмема Кельчиюрын. Томдырии мунәма веләччыны Сыктывкаре сельхозтехникуме и аддзема карысь ассыыс «царевнасә» (тадз сія шутитәмен шуліс мамеэс). Абъячой сиктса мича ныв вўләма ѡкмыс воэн томджык кельчиюрса зонмысь. И кёть сы борсяя войләма абу ѿти том морт, ныв боръема изъвасасә. Кучемаэсь ёртасыны, ветлыны тшотиш кино вылә, театре. Недыр мысьти ныләс суэма ыджыд шог — ѿти лунә куләмаэсь и мамыс, и вокыс — наес проводка сюйиген вилема токен. И сэк том нывлэн ѳткаммем бордысъ събләмис аддзема ыджыдджык арлыда мужик рёдын топыд пельпома ёртәс. Бураке, съоләм вылас же воэма гармошкаэн ворсысь, серам карысь, лабутнәй изъваса зонмыс, код налән первой аддзысыләмсянь воштәма юрсә да сэссе абу и вешйиләма нывдорысь. Гижсемаэсь том ѹёз Сыктывкарса загсын, и зон нуэдәма нывсә шоныд Луздор му выллысъ кёдзыдвойылә, Извя ю доре.

Луздорса сёрниа, жемчуг кодь пиньяса, мичаник ичмонес сиктын первой лыддемаэсь бёкевеен, шуэмәэсь ас костын «зыранкаэн». Вояс мысьти вўляэн сія лоэма Кельчиюрын ас мортән, унакед кучема ёртасыны. Йёзыс вед аддзены, мый мортыс уджач, спровера, бур сяма, ласковей, любитә челядес и пыр старачче отсасынь йёзлы мыен верме.

1950–60-ўд воясә ёртасисны семьяясэн, быд праздник лунә чукарчылісны кодке ордын. Частэ гösтьяс волывлісны и миян керкаэ. Тая вўлісны зэй югыд да гажа рытъяс, вед и челядьлы ковмыліс съылышны, ѹйктышны, висьтовны стихотвореннеяс. А күтшем мичаа съылісны гösтьяс аелән гармошка ворсәм улә. Ае да мame зэй лосьыда съылісны кыкен роч да коми песняяс.

Томдырии ае петкедләма мамелы Кельчиюр гёгерысь став гажаинсә. Маме висьтовліс, мый вўләмаэсь аекед зэй ылын ягын, kön абу мортлэн кок туйыс, kön сэтшем мича вўр-вайс, мый радсыыд вошлә кылыд, только чуймемен видзедан гёгер. Пöрысымтәдз ная любитісны тшотиш ветлыны вотысла, тшакла, клюквала, мырпомла. Любитісны асланыс челядькед тшотиш походасыны. Шоочисны ягын, луд вылын, Извя ю дорын, мича тыяс бердын. Став семьянанум вўлі зэй гажа ытшкыны да куртны турун, карны пес, кыйны чери.

Олісны-вылісны мame да ае Ѳтлаын нэм джын, быдтісны вит ныв-пи. Кёть и быччемаис вўвлі, кудз и быд семьяын, но ме тода, мый аекед орчен мame вўлі майбыр. Гашке, сіен, мыля ае зэй любитіс абъячойса ныләс и пыр вўліс сылы медбур ёртән, даже сэк, кор инсульт борын из нин вермы сувтны вольпасьысь. Маме дёзверитіс висысьис мортәс, видзис ассыыс пёвсә дзоля челядь моз. Сылән

куләм бöрын маме висъталіс, мый кучис кывны асысэ никодлы ковтэмен. Сія и öні частэ сёрнитэ аекед, кор никод абу орчен. И сап оз жалейт, мый ылі 1950-öд воясэ сылэн том сьоләмис вöйзисис мунны тöйтэм морт бöрся аслас рöдинасыз зэй ылә, вöйвыв Изъва ю доре.

Аскедыс вае праздник

Ме отпускын, локті городсянь гортэ, маме доре. Пукалам, тшай юам. И друг маме визълэ öшине да аслас луздорса кылэн радпрырыс висъталә: «Но-о, видзöдлы, Пашко Пар тай кысько усьома, тийёнö тай, пырё нин».

Керка обес воссе, и сьöкыда кокъяссэ вешталәмен пыре орчча Галфедь грэздыс миян рöдня — Пашко Пар тьёт. Кöть и вид вылас пöрысъмыштәма да ви-сыыштә на топ, а важ кодь на статя, ыджыд крепыд тушаа, юрсэ вылын кутысъ да гора гöлэса, асысэ да ѹöзсэ пыдди пуктысъ морт. Морт, код аскедыс быдлаэ вае праздник. Нюмъялгым здоровачче, шамыртэ миянтэ, окыштэ бан бöкъяснумес да висъталә: «Кывлі тай, мый Люсенька отпуске локтэм да, меша, ветла, тшöтш и Лиза монеэс визъла». Дыр сэсся пукалам куимен да сёрнитам вина румка юыштәм бöрын.

Видзеда Пашко Пар тьётлэн восьса нюма, гöрдэдыштәм чужём вылә, и дум вылә локтәны челядьдырыс вояс. Сәк нин зэй почитайтis тая мортыс ассыс рöднясэ, волывлiс подэн либе же вöлэн гöсъти ми доранум. Да и ачыс пыр корис миянтэ гöсъти. Ме частэ ветлывлi Галфеде гöсътитны Пашко Пар тьёт доре. Мукеддыйри на и войков кольччылi, сэтшем дельнэй вöлi гöсътитны да ольшны мöдләйин, мöд мирын.

Сылэн керкаын ставыс вöлi модорни, абу миян кодь. Важъя ноген стройтләмәсъ керкасэ, джуджыд да просторнэй комнатаяс каремаэсъ. Сод дорсиянь керкаводзе колэ пырны кыз пöвъясысъ карем, сьöкыд да ота, кöрт кольчaa обестi. Керкаводзе пыран, и сэтысъ аддзан нöшта куим обес: шуйгавылас — шыяс, весьтас — гожся пачтэм комната, веськыдвylэ — олан комнатаис: *пыран* да пытшкес. Пыран комнатаас веськыд ки вылә сулалiс важъя ыджыд пу койка, сы гöгер пöтэлэксянь поскедзыс балаган моз öшедема ситеч занавес. Сэн узълiсны ачыс хöзяйкаыс да хöзяинис — Кузьма дядь. Обес весьтас пöтэлэк пасьтала карема пöлать. Пыран комнаталысъ шуйга джынсэ босытэ russkay пач, веськыд пелессэ — пызан да паськыд лабичъяс, сэн же пелесас пöтэлэк улас — ен öбразъяс. Шуйга пелесас öшинь дорас — ляпкыдик кухня шкап да ва тыра ыджыд пу пельса. Стенас — посуда косътан пу джаджъяс. Кажичче, мый корке матича бердас вöлi öшедема потан, кён лайкъедлiсны дзоля челядес. Пашко Пар тьётлэн керкаын уна öшинь, но писькедемаэсъ наес улә, послань матэджык. Татшем керкаас пыран топ важъя майдэ.

Пытшкес комнатаыс — югыд да просторнэй зал, öнъя ног каремаэсъ. Сэн олэны Парассялэн да Кузьмалэн пи-нылыс.

Тая жалькодь керкаыскед йитчемаэсъ чöссыд яя шыдлэн да пым рачалэн дукъяс, и Пашко Пар тьёт дорын челядьдырии гöсътитэм йылысъ думъяс пыр шонтэнү менэ.

Вöлэмке, Пашко Пар тьёт первоен рöдвуж костысъ визълэма менэ рöдиччем бöрам. Вед сія и волэма вöла додден Щельяюр посёлокса роддоме встретитны

мамеэс. Щельяюрыс доза ылын Кельчиюрсянь — кызь километра, и маме зэй полэма, мый рёдитэм бёрын нинэмэн лоэ локны гортэдз да ковмас дыр овны больничайын. Ае рёбитэма könke бóкын. Сэк шыасема Галфедь рёднум. Маме мен висьтовліс сы йылысь, кудз 1964-öд вося январ тóлысыын вóла додден ваедэма миянтэ роддомысь Пашко Пар тьётнум. Слаабог, никод абу кынмема — ни ачыс ямщикис, ни маме, ни ме — свет вылын кымынке лун на олысь дзоля морт, кодэс, вóлэмке, сэтшема виччысема да сідз любитэ сылэн рёдвужыс — матыссаясэс пыдди пуктысь, важся олэмсэ видзысь Пашко Пар тьёт.

Ba

Свет вылас абу сэтшем мортыс, код верме овны ватэг. Ставыс ваасены, мыссены да мысыласены оз ётпир лунбыднас. Съёлэмыд бурме вайын купаччем бёрын, ва вылэ видзедэм бёрын. Ba — тая ыллалэн диве. Ba — тая Извя ю, кыче ягсянь воедэны шоръяс, тая зэр, *сöник* да зеркало кодь лужаяс, мича тыяс, лысва войтъяс. А ешшо — кёдзыд бурня ва, код ютэ и вердэ, кодэн чёсмасян, кор косьме горышыд.

Кельчиюрын зэйджык карисны бурня-журавльяс. Бур, мый быдмиганум миян sod дорын вóлі асланум бурня, из ков йöз доре вала ветлыны. Сиец карис ае, от-сасис сылы суседнум. Уна во ютіс бурнянум вайын миянтэ, суседнумес да матигёгерын олысь йöзэс. Срубыс сылэн из вóв зэй джуджыд, но вайыс вóлі сёстэм да небыд. Кор лэдзан ведрасэ сруб пытшкас да гумлалан сэсь вайыс, «турилэн бóжыс» дзуртэмэн кыпеччас вылэ, а кор кыпепдан вайыс, «тури бóж» доре ёшедэм съёкыд изыйс бускысяс-усяс турунас. Быд во бурнясэ чисытитісны, мед пыдэсис из нюйтмы да вайыс из лёкмы. А кор ае съёкыда висьмис, никодлы из ло дела миян бурняэдз, сиец из дёзеритны, и срубыс сисьмис, а вайыс сімис. Только тыччеч-тачче видзны, шуам, пос да посуда мыськыны, кучис лёсёвны бурня ванум.

Чай пузедэм вылэ вайлім вайыс Извя юэ усысь Матвей шорысь, вед сэн мечча чоскыд вóлі вайыс. Петіс сія ягъясысь, сөдзтисис пу вужъяс улысь. Яг дука да кыаэн портмасысь рёмъяса и вóлі вайыс — топ сіе майдысь ловзедан ва. Висьтовлісны, мый Матвей шор вайыс бурдэдэ синъястэ, и ставыс, код ветліс сэчче вала, старачисны мыссышны. А кутшем емке вóлі мыссыны кёдзыд шор вайын жар гожся лунэ! Шор доре колэ мунны доза ылэ, яг доредз. Мунан пустэй ведраясан — нюрсемемыд жарсыыс, а мыссыштэм бёрын воан шорсиянь тыра ведраясан — топ лэбан. Тёвнас Матвей шорыс — топ сіе йиа да лымъя царство. Кузяла — ии, а сы пойн суаләнды еджыд пүяс. Ии пырыс тыдалэ, кудз воедэ мада шорнум. Дзоля юкмесысь гумлалан сяльгысь вайыс и дивуччан, кудз сідз шорыс татшем кёдзыднас ни ётпир из кынмыл.

Кор бурнянум сисьмис, вайлім нёшта юэм вылэ вайыс Неофид бурняясь либе же Семе бурняясь. Сэтэн вайыс вóлі коть и сёстэм, но чорыд. *Бівсянь* коліс вайны вайыс, и челядьлэн абу на зэй вына кияснум зэй мыдзлісны кыскыны ведраяссэ. Шойччан да бара кыскысян туй кузя ва ведраясан.

Ай-мамлэн керкаыс, кён ми быдмим, суалэ ю дорас, а ыджыд вок карисис гёра вылын. Кыдза раскын, ас керка дорсиянь неылын, вокнум сусед отсоғен коддис бурня, кытысь онэдз на босытэ вайыс матигёгерын олысь йöз. Ставыслы тырме сөдз вайыс воклэн бурняясь.

Вуграсем

Быдмиганум ми, дзоля нывкаяс, детинаяс моз же любитім вуграсьны. Ставнумлэн гортын асланум волі бадьысь да жилкасы да жилкасы карем вугыр шайт. Вуграсем водзын вокъяскед тшотш чукартім му тыра көрт банкаэ либе ведёркаэ мұын валяччысы пөвъяс улысь нидзувъяс. Модәччим вуграсьны дырджык, чем вуграсим. Рытъяснас лоңь поводдя дырой чаңда вуграсылім неылын керкасиян, Изъва ю берегын, а пемдіген калім гортә. Сэтшема радлім, кор шедліс из только йорш да екыш, но и сынпи, кельчи да мукед чери.

Шойччан лунъясә ае нүэдліс миянта вуграсьны модор береге, ю сае. Сэн, кёнешнә, волі дельнәйджык. Пока ми вуграсим, ае карліс бипур да пузедліс са съёд походнәй чайникин сэтәра чай. Сәк мамелән спровора киясән вещмешеке тәчем простирай сёяныс кажиччис миян мечча чосқыдән. Бөрынджык пыр чосмасим дзоля портыйн пуэм свежей ухаэн.

Мечча дельнәй волі вуграсьны войнас, но ыджыд воклы из вөв окота босьны миянта вой кеже. Кор казялан, мый мәдәччені вуграсьны войков, мырдән вөзійсіян, но таись нинәм оз аркмы. Вокнум ёртъясыкед гусен пышъясны да ләччасны береге. Кор казялан таес, вөтәччан на борся, но он су наес, тойыштчамаэсси нин берегыс. Воедан берегті моторкаа пыж борся, кыче пуксяләмаэсси детинаяс вугыр шайтъясан. Лимзалаң-бөрдан, а ная гажеччені, сераләнти тә вылад, и пыжыс өдде саялә да воше юлән чуқыль сайын. Визъедлан чужем кузя воедысса сола синватә, сыркъяләмен восылалан водзе. Вед Ограм шоредз, кён вуграсыләнін вок да сылән ёртъяс, позе берегті подән мунны. Дыр на мунан посни изъя берегті, но мыдзан, и шагыд надзме. Ыллаыс рөмдә, и дзоля съоләмтә шамыртә поләм. Код тәдас, мый вермас лоны яг дорын, а друг ош петас кыр вылын быдмыссыз козъяс сайыс? Татшем думъясыс бөр бергедән тәнә гортә.

Мунан гортланы да завидтәмен думайтан си йылыссы, мый оні, кёнке, детинаяс ләдзисны Ограм шоре ольха либе бадь пу, көрталісны на доре марляэ гартаэм нур, а асыныс пуксисны вуграсьны неуна уләджык приманкассыс. Сы-сы вылә, кёнке, кыскаләні нур доре воыссы черис. Сэтшем окота вуграсышыны войнас, кор ю дорын ставыс мәдпәләс, абу лунся кодь. Думайтан, кудз эське бипур вылын жаритін увъяс вылә сиөм йоршъясо. Кутшем чосқыдәсси би вылын коптиччем черилән еджыд яйыс да ѡғыръяс улысь кыскем пожаләм картупельлән рушмем пытшкессыс. Вуграсем йылыссы думъяс кості он и казёв, кудз локтан сикт помын быдмыссыз джуджыд ниясәдз, радлыштан, мый пемдитәдз локтін гортад.

Дыр на скоралан вок вылә. Вед дзоля на ачыд, он понимайт, мый детинаяслы войков вуграсем дырой воля — позе шоччышы, быччесас сёрнитны, мужикъяс моз куриччыны, маттысыны да чувствуйтын асыныссә мужик рөдән, ыджыдән. И нывкаяслы сэтән карны дзик нинәм.

Выль шапка

Ми, карсиян ылын олыссыз челядь, гежеда аддзылім мича пасъкем да көмкот. Новлім ыджыдджык чой-воклыссыз важ платтеяс, гачъяс, пальтояс. А кор мыйке ньоблісны миян аслунум, сәк раднум, кудз шуләні, волі гач тыр.

Корке гожем помын маме ньёбис мен выль шапка, кутшемес ме вексянь нин мёді — югыдгөрд рёма, кык пёвса шоныд матеръялысь, тшук юр гёгер. Но аркмис сізд, мый удаччис новлыны сіес только лун джын. А делалыс волі тадз.

Выль шапка вайис гортэ праздник. Воччыси да дыр бергалі зеркало водзын. Кажиччис, мый гёрд цветыс менум, еджыд юрсия нывкалы, зэй мунэ, и думаэлы волі бур. Радлі, мый первой сентябрекаа школаэ выль шапкаэн. Но школаэдз дыр на, а сэтшем окота кодкелы петкедлыны выль шапкаэс.

Петім чоекед войлыны. Ләччим ю доре. Пуксим аелэн важ пу пыже, и вошиим сынны ю шёрлань. Тәлктәмъяслэн и поләмымс абу. Сәччедз сынім, мый мунім доза ылә берегсянъ. Ыңжыд пу пыжен съёкыд волі веськедлыны, и ми сәччедз усуиччим, мый иг казялә ю шорті ми выланум весьтас локтысь пыжасэ. Полнэй газ вылын мунысь «Вихрь» мотора көрт пыжлэн нырыс қыпеччема сізд, мый пыжнас веськедлысыс оз тыдов. Ассюнум пыжсэ вештыны сылән туй вылыссы ми, көнешнә, иг слойме, и көрт пыжыс зурғысемен каис весьтас миян пу пыж вылә. Пыжнум бергеччис пыдәснас вылә, а ми чоекед қыкнаннум бускысим көдзыд визув ваэ. Ог и пёмнитэ, кудз вермим бёр варчыны асланум пыж доре да кучысыны кудзке-мыйке сәчче, мед визулыс из қыскы ва улә. Орчен көрт пыжын күсәм моторка вылә водәмен шкоргис-узис гажа мужик — вина гаг. Сія из и палёв, а ми қыкнаннум этшаке иг пыре ва улә. Синва сорен ме видзеді неылын мисяннум валъяс костын лайкъялысь да ва улә ѡдде пырысь выль шапка вылә. Ќі на синъяс водзын — визув юын ѡдде вошысь, вавысь съектэм, мак кодь мича гёрд шапкаэ. Ќінәдз на чуньясэ пёмнитәны сылысь резинка серен кыем небыд матеръялсэ.

Мый сәссея пёсәбитан, из аддзыс сәк вын менам, жебиник нывкалэн, варчыны да вавысь кватитны юрысь усьём шапкасэ. Кучим чоекед горзыны, и миянтә кылісны, локтісны пыжен, нуәдісны береге, қыче пышъен воисны и миян гортсаяс.

Ачум этшаке игвой, а сэтшема полі сыйысь, мый маме пинялас дона-доныс ньёбем шапкасэ воятэмись. Но кор менә да чоес аудісны берегедз, маме шамыртіс миянтә да только сыркъяліс-бөрдіс, нинәм из слоймы висьтовны, топ қытәмсис. Вед ёти лунән сія вермис воштыны ассыс қыкнан нывсэ. Енмыс видзис.

Никод менә из пинёв шапка воштэмись. Но ме дыр на ачумес көриті, мый иг вермы спаситны сіес. Сэтшем жаль волі выль гёрд шапкаыс, кодән ме мёді каны первой сентябрекаа школаэ.

Майбыръяс

Челядьдырся воясес мечча пёмнита тёллын, ведвойвылын во джынныс — тёв. Мечча зэй любитім катаччыны дадден да лызен гёра вывсянъ. Кельчиюр гёгер уна гёра да нырд. Қытән мёдам, сэтэн и ыслалам. А кор дёнзям ысловны, қыз войлан гачъяснумес ләдзалаам гынкотъяс вылә, мед лымыйс кок чёр костә оз пыр, да пöttәдз уялам лым толаясті либе гидлэн крыша вывсянъ чечталам лымъе.

Зэй гажа волі Выль во дырий. Сәк сёр рыйтъясэ, кор пемыд нин, челядь да том ўйз сяке надуриччасны да машкуриччасны. Кодкелы керка крыша вылас каасны да пач труба вылас пуктасны стеклә. Тшыныс петэ керка пытшас, и хөзяевыс оз понимайтны, мый лоис. Кодкелы ёшинь рамаас көрт тув көрталасны, нюжедас-

ны сэтысянъ суныыс, дзебсясны ыләджык да сылысь мөд помсә дергайтәны. Хөзяевыс унась петовласны ыллаэ, стучичче кодке ёшиняс да, а сод дорын никод абу. Быччесас на придумайлісны ышмалысь детинаяс да нывъяс, а серамыс мытта волі. *Машкуръяс* ветлалісны керкаясті мешекен, чукартісны чўсқыдторъяс. Овліс и сідз, мый мукед йözыс ас керкаэ из ләдзны машкуръяссе, игнаслісны. Ми доранум кор пыровлісны, ае налы вореліс гармошкаэн, мед йёктыштасны. Керка дзёре, шум-гам сулалэ. Маме пуктыліс машкуръяслы мешекас ас пожаләм тяпышъяс.

Төвсә каникулъяс дырии детинаяс карлісны колхоз поле вылын лымъен тырем силос гу пытшын «блиндаж». Ноксисны ная сы гёгер доза дыр. Силос гуыс вед джуджыд да ота, уна лым колэ петкедны сэтысь да пыдэссә на бура талёвны, мед пытшас аркмис оланін. Нывкаясес «блиндаж» дорас, кёнешнә, матэ из ләдзны. Бураке, детинаяслән күтшемке «военнәй тайнаяс» волісны, мый ийылысь миян из позь тәдны. Гежеда сәчче удаччыліс нырnumес сюйлыны. «Блиндаж» позис пырны неыджыд розыті, код веттема пöвъясән. Зыръен карем крутәй лым содті ләччан улә, силос гу пытшас. Сэтэн неыджыд комната. Кöttы и стенъясыс, и посқыс, и пётләкыс лымийыс, сэн уютнә, шоныд. Пуксыны позе пес чуркаяс вылә. Ляпкыдик пызан каремаесь пöвъясыс. Мый гортаныс валячче, сиес и вәемаесь детинаяс асланыс дзебсянінә. Важиник дзоля көрт пач ломтысе, сись öзъе. Дзик топ военнәй кино сюрлан, удаччас ке пыровлыны детинаяслән «блиндаже».

Мечча дельнәй волі войлыны рытнас. Сәк гёра вылын чукарчылісны уна детина да ныв. Ставнум тёреччам öти ыджыд пу дадде да ыслалам гёра вывсянь. Йсковтігас унаэн *тыраләны* лымъе, и таись нёшта на дельнәйджык. Лымыйын валяччам, пёттәдз ышмалам да гигзям-жаялам. Аслунум жар, бан бёкъяс öзъены. А ыллаыс сэтшем мича, сэтшем любе сія миян сьölәмъяслы. Мукеддырий төлись нюмъялә картинавывса Мона Лиза моз, гусен видзедә вывсянь ми выланум. Мукеддырий дзик пемыд, только кодзуувъяс öзъены лымъе пырзем му весътын. А кор кёдзыд зэй, небеса пасытала ворсә мича-мича севернәй сиянне. Шоччем пыдди лымъяс уськеччам да куйлам, топ небыд вольпасын, сёрнитам кодзуувъяс ийылысь, небеса ийылысь, быччема ийвъсыс, пока ог куче кынмыны. Сувталам лымъиыс да бара войлам, ыслалам сёр рытәдз.

Кор ыллаыс зэй кёдзыд, асывнас виччысям радиоыс юёр. Вед актируйтәм лун ке объявитасны, веләччыны оз ков. Радлам быд актируйтәм лунлы. Лунбыд позе гортын миенке ворсны, лыддысынны, а обед бёрын и войлыши. Вед кёдзыдыс ми, войвывса челядь, сап иг полэ.

Гортын дыр оз пуковсы, и обедәдз на петовлам гортыс ылла вылә. Сод дор уберитам зыръен. Ва да пес пыртлам. Воръен ыслалам гёра вывсянь. Кор маме воас обед вылә, сёйыштам сыкед, убериччыштам да бара петам войлыны. Кор дöшшепу нин кияснум да пидзеъяснум кынмасны, а пасъкемнум ийизяс, разәд-чам гортьясә. Сап пемыд, керка ёшиныс биаэс, сідзке, маме да ае гортынэс нин. Пыранын шоныд, югыд, гажа. Көрт пач трачке-ломтысе. Чўсқыд сёян дук кылә. Öшлам ва пасъкемнумес пач гёгер нюжедәм гез вылә, тәчам ийизем вачегъяс да гынкотъяс шоныд пач вылә. Сёем бёрын миянта виччысе лöнъ рыт, занимаччыны оз ков, иг ветлә школаэ да. Надеччам, мый, гашке, мөдасы бара лоас актируйтәм лун.

Тая шуда тёвся лунъясыс частэ усълэны дум вылэ сөстэм еджыд лым моз, Изьва ю вестын ёшалысь кёдзыд ру моз, йизем ёшиньяслэн мичасть-мича мойд кодь серъяс моз. Топ сие менам паметын тшук кежлэ воссыласны ёбесъяс челяйдырся пасъкыд лымъя эрдъяс вылэ, кён миянтэ пыр виччысис помтэм радлун, кён ми ставнум волім майбыръяс.

Дзоля космонавтъяс

Кöть и быдмим ми, войывса челяйдь, кёдзыдінын, köть и уна кынним, köть бура иг и аддзылә шоныд гожемсә, а мыляке мечча зэй сё ровно любитім тёвсэ. Сиен, мый позе ысловны дадден, коńкиэн да лызен. Сиен, мый тёвся войын небеса пасътала мойдын моз ворсэ севернэй сиянье. Сиен, мый тёвнас овлэ мечча гажа праздник — Выль Во.

А нёшта сиен любитім тёвсэ, мый сёлэм бурмытэдз уялім лымті да чечталім лымъе, топ космонавтъяс ракетаись. Виччысим, медум усяс унджык лым, мед из то пасын чеччовны лым толаясэ гид крыша вывсянь. Кор лымыйс ватага усяс, первой кык вежолунсә лёседчам космосә ләбем кежлэ: чечталам лымъе заборъяс вывсянь. Сэччедз ышмам, мый быд чеччем водзын быд вынысь горзам: «Юрий Гагарин — космосын барин!» И бускысям-усям толаэ. Лымыйс гыркедзnum, öдва петам сэтысь да бара кышасям забор вылэ.

Кор миян керка сайын, картупель вал вылын, лымыйс содас метра доре, сэк позе чеччовны лымъе гид крыша вывсянь. Луннас петам войлыны, гынкот вылэ шоныд гачъяс ләдзalam да. Шоныда пасътасям, вачегасям. Первой визылам лымсә, абу-э чорыд, джуджыд-э. Öта-мёд бёрся кышасям гидлән ляпкыдик крыша вылэ.

Вот ми и космосын. Кажичче, мый мусыс зэй улын, кор чеччем водзас сулалан крыша помын. Визылан лымъен тырем картупель вал вылэ, пасъкыд яснэй небеса вылэ да «Юрий Гагарин — космосын барин!» горәдігмоз чечтан лым толаэ. Кажичче, мый ләбан сынәдті космонавт моз, и сэтшема кыптә лолыд, köть и зэй полін чеччиныса. Но ёртъяссыд дзебан поләмтә и ешшо зэйджык ышман, нёшта и нёшта кышасян крыша вылэ, мед ләбовтны вывсянь улэ. Жаёттәдз сералан, ышмалан сяке.

И сэк сэтшем гажа волі миян, челяйдьлы, и кажиччис, мый и ыллаыс, и небесаис, и воздухыс, и лымыйс — ставыс тая миян озырлун, ставыс тая — миян майбырлун, и ми асьнум тшотш — тёвся ылла, джуджыд небеса, сөстэм сынәд, еджыд лым. И тая тёвся лунъяссә онәдз на видзам сёләманум, вед быд мортлы мада ыллаыс сетэ ыджыд радлун. Бур, мый күвтәдз никод оз вермы мырддыны миянлысь тая озырлунсә.

Гортын

Урокъяс бёрын войлан лызен секция вылын да ныләм пытшкын, мыдзема, ләччан гортэ. Юыштан уллә, вачегасян, петан ыллаэ песла. Ае да маме абу гортынэс, рёбета вылынэс, на воигкежлэ колә ломтыны пытшкес комнатаись галанка пачсә. Ломтан, парысъ лёдсалан посниджык пескен, крукнас кымынись-

ке вörзедан гырысь ѿгыръяссэ, тапкедыштан, пока оз поснимыны. Кор нинэм оз коль пачас, каан табурет вылэ, съёкыд юшкаяссэ вештан, пачсэ сиптан.

Русской пач воме пыртан асыв кеже пара моздор пес, мед рытнас маме кузь пу зыръен тэччас косьмем пессэ пачас. Йизем ведраясэн пыртлан пач вом дорын пасъкеччем ыджыд пу пельса тыр бурня ва. Вачегъясыд йизясны, вежан наес кос вачегъяс вылэ, петан рёмдьись ыллаэ. Лымсэ сод дорысь зыртан корт листэн дорем пу зыръен, а сод вывсэ чышкан гёлиken. Он и казёвлы, кудз ыллаыс пемдас.

Маме да ае локтасны рёбета вылысь, пуксям сёйны. Корт пач ломтысе, си вылын чай юигкежлэ нянь жаричче. Лампочкаыс югыд, кухняын шоныд да гажа.

Рытнас на тшук кеже дадден ысловны петовлан, а кор пыран, мышнад сувтан пым галанка пач доре да шонэдыштан кынmem тор яйтэ. Гортын кылэ чёссыд сёянлэн дук. Тая маме миян воигкежлэ жаритэма сковородка тыр чери да пёк. Пуксян чой-воккед пызан сае, сёрни костті пöttэдз чёсмасяян чериэн да пёкен. Став тонъя выльторсэ тёдмалан. Ужинайтэм бёрын каран школаын сетэм гортса удж. Мыдзан занимаччынысэ да пöредчылан диванэ лыддысыны. Но бияссэ гортын ёдде кусёдасны, и ковмас водны узьны. Фонарикен шебрас улын лыддысыыштан на неуна гусен, мед из пинясыны тэ вылэ ай-мамыд. Сэсся ньёж да вёляэн унмовсян. Уна бур вёт аддзылан.

А он — олэма морт — мыляке мыйке страшнэйтор только вётасян. Бураке, сиен, мыля мича вётъяса кадыс колис ылэ бёре, шоныд ді кодь гортад. Зэй жаль, мый никор нин сэсся он вермы сюрны сэчче, кён вёлін ай-мамыдлэн любимей дитяэн.

Кöч гёсътинеч

Ылла вылын трачке кёдзыд. Чоя-вока уна лун нин олам мамекед. Ае кайис яге кыйсыны. Ветлалэ, кёнке, Дед Мороз моз, лымъе пырзэм пүяс кості аслас важиник ота лямпаэн. Гортын айкотэг неуна гажтэм, кёть и вольнэджык овнысэ, маме вед абу си кодь стрём.

Друг сод вылын кылэ лым дзуртэм, лямпаясэн тотшкедчем. Ми ставнум воедам кухняэ, лепиччам ѡшине, но кынmem сътеклэ пыр нинэм оз тыдов, рёмдэ нин да. Керка обесэ кодке стучичче, и маме нюмъяләмен висьталэ: «Да-да». Кёдзыд воздухед тшотш керкаэ пыре миян Дед Мороз-айко: куржа пытшкын, ачыс сералэ, дөвельнэй, кёть и сап мыдзема. Сыкед тшотш кухняэ пырены охотничей керкалэн запахъяс, яг дукъяс да мужик рёдлэн голэс, шум, ноксем. Оти кылэн ке, «керкаыс дзёрэ», кудз маме висьтовлас. Пач воме ае шыбитэ чукчи да байдэг, кодъясэн кучам чёсмасьны сёрджык. Сэк, кор маме наес куштас, палитас да пуас шыд.

Ми, чоя-вока, виччысям ва пасъкемъяссэ кульысь айнумлысь нёшта мыйке. Ае ружтыштэ да синсэ хитрея читкыртэмэн таес «мыйкесэ» корсе лёшмем вещмешексыс. Сэсся кыске топыда гартаэм тупредтор, разе сиес, а сэтэн куйлэн нянь торъяс — кёчлэн гёсътинечъяс. Ае юке ягысь ваем няньсэ ми костанум, и миян окота ѡддеджык пробуйтлыны ассюнум пайнумес. Но курччыны чорзэм йизем няньсэ он вермы, юзэдэ пинъястэ. И ми вуштам кёч гёсътинечсэ пинънанум,

и таись ешшо на чўсқыдджык кажичче няньыслэн ыллаэн да яген юммадэм кўрыс. И кўтъ нин абу зэй дзоляэс ми, а веритам, мый ягын забыль айколы водзча локтіс коч да ыстіс миянлы таес чўсқыдысь-чўсқыд коч госятиинечсэ...

Уна во нин ае куйлэ Кельчиюр гёра вылын, кыз му улын. А ми, сылэн пи-нылыс, лоим нин олэма йўзэн, но онэдз бура пёмнитам свет вылас мечча чўсқыд коч госятиинечлъис кўрсэ.

Ворсэм да олэм

Ай-мам рёбитетны, вокъяс войлэны. Керкаын никод абу. Ме да менам нывъёрт Таня дёнзям войлыны да пырам гортэ. Окота мыенке ворсны.

Кыскам бабелэн крёвать улысь вурун мешек. Карам аслунум баля вурунись парикъяс, на вылэ беретасям. Лъобнумес краситам кыське сюрем важъя помадаэн. Кок пята улэ асланум носкияс пытшке сюям суньыс туречкаяс — вот тэныд и каблука туфли. Кынулэ босътам мамелись редикюльяс да нырнумес ка-чедәмен джоджті делэвея тотшкедчам-ветлалам. Мукеддыйрий туречкаис вольснитас кок пята улысь, дойдас коктэ, этшаке он усь. Лёседан туречкасэ, и готово — бара карса дамочка. Сёрнитам татшем ворсэм дырии, кёнешнэ, рочен, кывнумес чеглалігмоз. Стараччам киноись артисткаяс моз мичаа нюмъёвны.

Стулъясысь карам «второй этаж», мед сэчче «по делу» калыны. Кухняись ваям табуретка да сы вылэ пуктам аельис гармошкасэ, орчен — дзоля стул. Татэн кучас пуковны секретарь-машинистка да печатайтын важнай бумагаяс. Ёрта-ёртнумес вежлаләмен пукалам «печатнэй машинка» сайын, личкалам гармошка клавишъяс вылэ, а печатайтан бумагасэ сюям гармошканән меҳъяс костә.

Тадз ми Танюккед ворсім «городысь», и тая волі миян, сиктса нывкайслэн, любимей ворсэм. Ворслыны «городысь» удаччыліс гежеда, кор никод абу гортын. Полім сысь, мый гортсаяс сераласны ми выланум.

Тунасим, тунасим, и забыль кыкнанум сюrim овны каро. Лоим карса дамочекаясэн. Аддзим роч веросьяс. Кучим сёрнитны рочен, карны мича причёс-каяс, ветловны каблука туфлиэн, форситны дамской сумочкиаясэн, печатайтын важнай бумагаяс. Кызы вит во нин олам ёти карын кык нывъёрт, а ог и аддзысылэ.

Бураке, челядьдырий придумайтэм «городыс» волі миян матысджык, любайджык, и окота волі овны сэн помтэг, ёртасьны, отлаын рёбитетны, волысыны. А кор кучим овны забыль городын, бырис ёрта-ёрт доре шоныдлуныс, и ми тёдлityтэг воштім ассюнум челядьдырся ёртасемнумес.

Нывъёрт

Анна волывліс Вертеп сиктысь госятиитны кельчиюрса дядыыс доре — мамыслэн рёднэй вок доре. Сія зэй торъяліс менам нывъёртъясысь. Тушанас волі мамыс кодь ыдкыд, ачыс ёнінъдзик, съектаа пояліс, чужомыс волі висиген кодь кольквиж рома. Висьтовлісны, мый бабсянныс сы доре вуджема виж висем — мускыс висьмема.

Анна стесняччис сысысь, мый ён да ыджыд тушаа, и та серти Кельчиюрын гөсүттігөн из зэй ёртась асйоза нывкаяскед. А ме рыхъяснас войлі да ворсі маchen Анналэн воча вокъяскед, и частә пыровлі на доре гортаныс, сәк и төдмаси да дружиччи вертепса нывкакед. Но казялі, мый мен сьокыд овлә орчен сыкед, вед Анна волі зэй аслысполәс морт. Ньёжмыд, топ пыр вошема аслас думъясын, әдва сёрнитысь, дыр думайтысь. Сія төдіс таес ас йывсыс и частә нинәм висьтовтәг, мыжа моз нюмъяліс менум, топ корис проща, топ тшоқтіс нёшта пукалышны сыкед. Ме сысысь өдде дёнзылылі да пышыйлі аслам кельчиюрса нывъяс доре. Но Анна из скормыл таысь ме вылам, и пыр волі рад бара аддзысылыны мекедә.

Вертепса нывка зэй висис, но медбör лунъясәдз ветліс школаә да занимаччис гортас. Кор сія из нин кучы вермыны волыны гөсти Кельчиюре, мамыс корлывливліс менэ гөсүттитны ас дораныс. И ме ветлывлі на доре Вертепе. Керкааныс пыра, да Анналэн чужомыс пыр югдыліс нюмъяләмсүс, сэтшем сія волі рад менум.

Мамыс видзедіс, кудз виссысь нылыс радлә нывъёртыслы, да мисионум бергеччемен гусен чышкаліс синвасә. Анна зэй любитіс мекедә сёрнитны, серовны, мыйке ётлаын карны, прости орчен пуковны да видзедны ме вылам. Менам воәме волі сылы праздник. Но мен дыр из овсыы на дорын. Бураке, өдде мыздзлі виссысь нывкась. Мен сыкед волі гажтәм, и пыр корси помка, медум пышыйны гортә, ас койдаә же ёртъяс доре, кодъяслән юраныс зивге төв. А сәсся вопще гежеда кучи визълыны Аннаәс, топ мырдән тшоқтісны волыны сәчче, и өдде бёр мунлі гортә, Кельчиюре.

Өкмисәд да дасәд классъясын ме веләччи мöд воләсътын, олі интернатын, и гортә волі геждаа. Вертепса нывъёртәс сап вунәді, иг даже ветлы визълыны сіес каникулъяс дырии. А виссысь нывка, könke, гажтәмаліс, виччысис менэ — көдзыд съёләма мортәс.

Анна лоңя кусіс сэтшем арлыдән, кор том мортыс петә школаысь ыджыд оләме. Сәк сылы волі дас сизим, кудз и мен. Ми колледім Аннаәс медбörья тue, но ме мыляке зэй лёка пёмнита таес лунсә. Мамыс воштіс ётка нывсә и, көтү сылән волі нёшта на кык пи, лоис дзик сирота кодь. Сідз сія любитіс ассыс дитясә.

Кор казтыла Аннаәс, гудрасе съёләме. Вед сія дзоля челядь моз радліс менум, юксис гуся думъясән, а ме иг күж морт моз ёртасыны сыкед. Оләмам сәсся никор из вёвлы татшем юра, унатор тёдысь, ставсә пöнимайтысь, менэ сэтшема любитысь да пыдди пуктысь нывъёрт, кутшем волі Вертепысь Анна. И никор ме ог вунәд сылысь гажтәм видзедлассә, висемись колькижедәм да ыдждәм синъяссә, кытән олісны дой, радлун да оләмкед быдлунъя прöщаляемыс.

Пöдарит мен шонді

«Подари мне солнце, солнце, солнце, жёлтый мячик в небе...» — сыліс том гёләс өдде бергалысь грампластинка-открытка вывсянь. Сіес вайис мен шондіа гожся асылә дзоля воккед ўоза детинка. Пластинкасә ыстәмә детинкаыслән Вова нима двоюроднәй вокыс, код веләччис мекедә ѳти классын.

Мытта пёмнита школаын веләччем, Вова пыр бергаліс könke неылын, мекедум орчен. Бур сяма, лабутнәй, сёрниа детинка. Ёні ме, оләма морт, видзедлывла

сылэн армейской фото вылә да думайта сы йылысь, кутшем жалькодь волі тая мортыс. Аристократ сяма, кельдов чужома, сэтэр кодь синъяса, кузь синлысъяса, кызінік льобъяса. Школалын веләдчиген ми чукартім киноын ворсысьяслысь фотояссе. Вова волі дзик киноартист кодь.

Вова ме моз же гижисс лыжнэй секцияэ. Кор ме жараси лыzen войліген, вачегъясес новләдліс ме бёрся, медум сетны сәк, кор киясә бара кучасны кынмыны тёла восьсаннъяс буджиген. А ме, пустэй морт, иг күж кывны сыйлысь съоләм дойсә, иг вермы аддзыны орччен восьланлысь том мортлысь пытшес мичлунсә.

Юрес ёшедәмен дыр пукала Кельчиюр гёра вылын пасъекчем мёгилаяс костын сулалысь выль крест дорын. Синва сорен сёрнита сыкед, кодәс ме иг күж гёгёрвоны колан кадә. «Татэн тә куйлан, Вова нима бур морт, и ме ог вермы ни киасыны, ни шамырчыны, ни оқышсыны тәкедыд. А вед ме ёнәдз пёмнита тэнчыд киястә. Кор киасылім тәкедыд, ная пыр воліны ныыләдәмәэс, сізд тә волнуччин сәк. Выйті сёр ме поймиті, Вова, мый тә волін менам оләмын главнәй мортән...»

Армиянын служитіген Вова ыстіс мен ассыс солдатской формаса фотоса да дзолиндзик письме. И сәк ме тоже мыляке иг мөд кывны том зонлысь съоләм висемсә да майшасемсә. Армиясын воэм борын Вова сізд из гётрась, гашке, из аддзы ассыс пöвсә. Кывлі, мый ләдзчис, кучис юны, ноксис лёк йöзкед. Воис сәччедз, мый сюрис модор юғыдац лёк вина юэм борын.

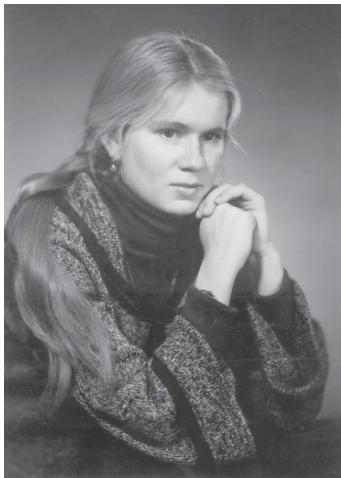
Ме иг же аддзы ассюм шудәс, көтү и петлі верес сае. Унасын думышлі мунны ас сиктә, аддзыны Воваәс, сёрнитны сыкед. Иг удит, сія муніс мөд мири, зэй ылә. Шёпка сылэн мёгила вылын: «Ме мөді пöдаритны тэн шонді, Вова. Зэй мөді. Тә мунін му вылысь сәк, кор ме гёгёрвои, мый тә и выйым сія мортыс, кодәс ме корси нем чöж. Мыля нә тә менә ин виччысь? Ме мёда, мед тә волін орччен, мед тә видзедін ме вылам аслад кузь синлысъяса сэтэр синъяснад, мед кутыштін киясес аслад ныыләдәм шоныд киясад».

Ыллаыс нин пемдә, колә ләччыны гортә. Прёщачча Вовакед, кодлы ётнаслы свет вылас ме волі дасы пöдаритны ыджыд, пым да югъялысь шонді. Но ме сёрми, мортыс кусіс пöрысъымтәдзыс. Моресес сотысь пöдариттәм шондісә мен ковмас нуны водзе ас пытшын сізд же, кудз ассюм Вова водзын лоләс съектәдясь мыжес.

Кывчукөр (кывъяссö гижёдын пасйома курсивон):

<i>бурня</i> – иж. юкмөс	<i>вошины</i> – иж. пансыны, панны,
<i>заводитны</i>	<i>зуврем</i> – иж. дув
<i>емке</i> – иж. лöссыд	<i>машкур</i> – иж. маскаа морт
<i>меша</i> – иж. мися	<i>миме</i> – иж. дзик пыр
<i>нимлун</i> – иж. чужан лун	<i>пернянь</i> – иж. вежань

<i>пыран</i> – иж. пыранін	<i>сёнік</i> – иж. васөд лым
<i>сы-сы вылә</i> – иж. ёта-мөд бёрся	<i>топ</i> – иж. быттьö
<i>топтаа</i> – иж. топыда	<i>тор яй</i> – иж. лядьвей
<i>тыравны</i> – иж. усыны-тумбыльтчыны	<i>уллö</i> – иж. йöв
<i>шар</i> – иж. виям	<i>ывсиянь</i> – иж. ылісиянь

Татьяна Канова

Канова Татьяна Алексеевна родилась в деревне Кольёль Сысольского района Коми АССР. Окончила с отличием физико-математический факультет КГПИ. Работает учителем математики в Межадорской малокомплектной школе. Публиковалась в журналах «Арт», «Войны кодзув», «Север», «Двина», «Невский альманах», «На любителя» (Атланта, США). Автор сборников стихов «Осиновая осень» (2002), «Немногословие души» (2008).

Член Союза писателей России. Живёт в деревне Кольёль.

Неюбилей

* * *

Вечер не застал меня врасплох —
я его ждала. И он вернулся.
Остудив траву-чертополох,
краешком заката улыбнулся.

Приласкав уютной тишиной,
сумерки накинув мне на плечи,
на крылечке рядышком со мной
примостился запоздалый вечер.

С ним легко молчалось на краю
между тем, что было и осталось.
Я простила будничному дню
хлопотливо-тяжкую усталость.

* * *

Нелюбимой

Вот и этот день безвестно канул.
На год став мудрее, иль старей,
я о нём жалеть, наверно, стану,
несмотря на свой неюбилей.

День качнул на окнах занавески
тишиною прибранной избы,
одарил тюльпанами невестки,
намекнул на избранность судьбы.

Обошлось без суетной пирушки
(я боюсь неискренних речей).
Отзвонились верные подружки.
День был полон милых мелочей.

Он прошёл, как мне того хотелось:
беззаботно, радостно, светло.
Я не оглянулась — огляделась
убедиться, как мне повезло.

Присмотрелась к собственным портретам.
И нашла без прежней маеты
на лице бывалого поэта
несмыслённой девочки черты.

* * *

A. P.

Когда за огородом и колодцем
Коробится тайгою горизонт
И ветхий дом, окном на Геллеспонт,
Пронизан иссушающим морозцем,
Замотанной в фуфайку и платок
Расхристанной растяпе и растрёпе
Так трудно соответствовать Европе
И небо разглядеть сквозь потолок.

* * *

Разве мне с тобой не по пути?!

Но в другом конце ночной столицы,
счастья не пытаясь обрести,
я пытаюсь спать, а мне не спится.

В получьме вокзальных фонарей
твой экспресс сейчас закроет двери.
За стеной сомкнувшихся дверей
робкий снег один и не поверит
в то, что нам с тобой не по пути.

На другом конце большой столицы,
там, где мне отчаянно не спится,
этой ночью будет снег идти.

* * *

Я учусь ремеслу
отвлечённого стихосложения.
В подмастерьях хожу —
постигаю азы мастерства.
Но бывает, что мне
не хватает ума и терпенья,
и стеклярусом на пол
роняю пустые слова.

А душа не болит,
а рука не дрожит от волненья...
И забросив урок,
ухожу в многодневный запой
бытовой дребедени,
раздражая и горьких сомнений.
Нешемящее слово
не хочет возиться со мной.

* * *

Расстарается май
и меня захлестнёт половодье.
Из далёкой страны,
до которой дороги мне нет,
перелётная стая
в глухое моё заболотье
от тебя принесёт
на прощанье похожий привет.

Его утаю,
но меня растревожит рябина,
белым цветом надежд
освещая июньскую ночь.
Из ушедшей поры,
из того журавлиного клина,
не дозваться тебя,
и никто мне не сможет помочь.

Я в июльской траве
растеряю последние силы,

и последние капли
весенней надежды пролью.
Припадая к земле,
я успею шепнуть, что любила.
Поднимаясь с земли,
не успею сказать, что люблю.

В жаркий август совсем
обмелеют уставшие речки,
и нальются рябины
полынью на яблочный Спас.
На опушке осинки
зажгут поминальные свечки,
на осеннем ветру
называя по имени нас.

* * *

Когда усталость ляжет тенью
на белый свет,
когда пугает отраженье
прожитых лет,
в душе поселятся тревога,
печаль взойдёт,
покажется, ещё немного,
и жизнь уйдёт.

Но
на оранжевейшей клумбе
эшольций пир,
и я с неведеньем Колумба
взгляну на мир.

* * *

В старом доме пахнет затхлостью,
в новом доме — свежей стружкою,
в новом доме пахнет радостью,
в старом — немощной старушкою.

В новом доме ожидание
новоселья очень скорого,
в старом доме — расставания,
неминуемо которое.

* * *

B. И. Трошевой

Так легко мне было и просторно:
никаких не чувствуя преград,
слово обволакивало, словно
безмятежно-тёплый снегопад.

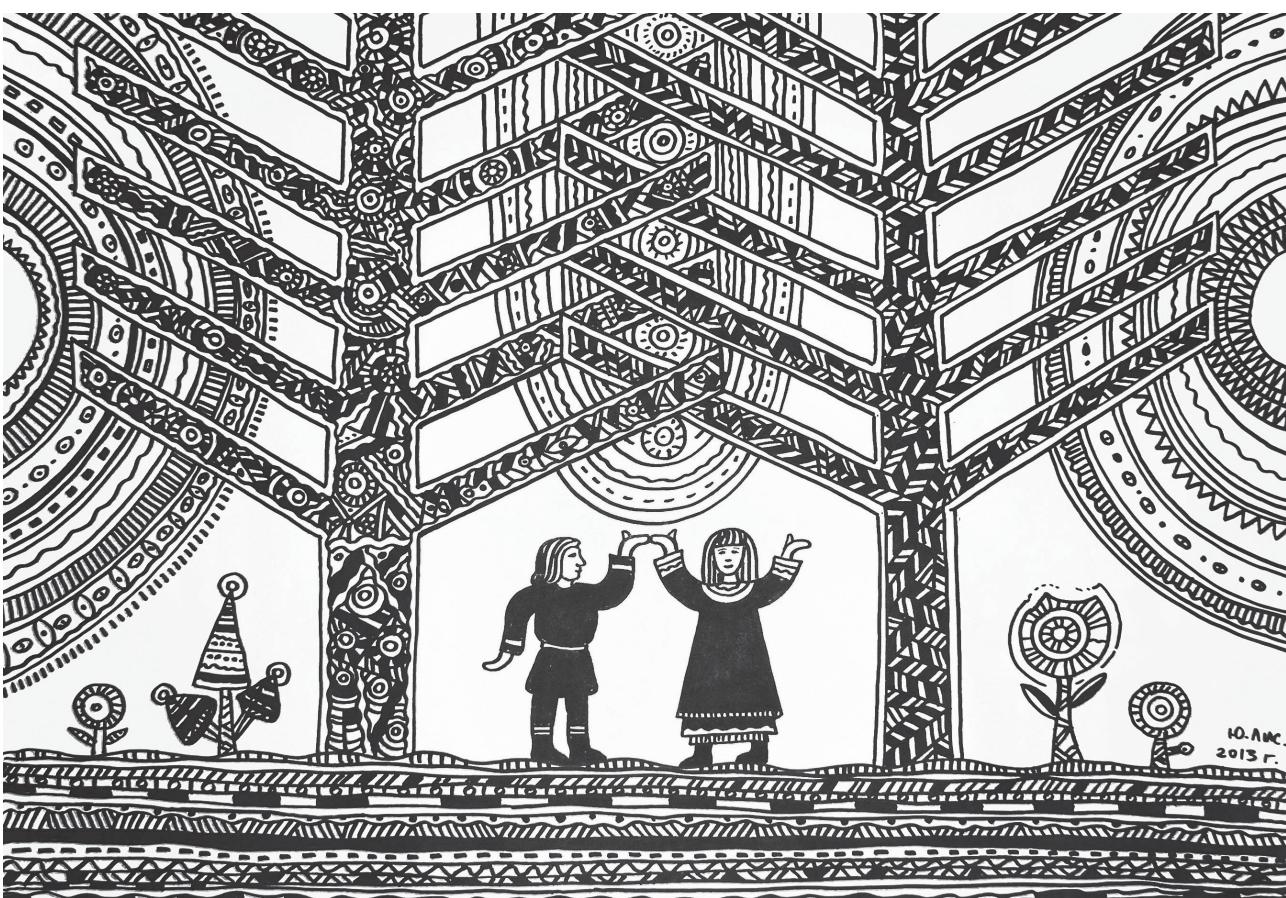
Всё ушло. Под снежной пеленою
улеглись печали и грехи.
Небо распростёрло надо мною
новой шалью старые стихи.

Всё ушло. Затейливой снежинкой
на ладони времени печать.
Я читала нынче без запинки
то, что было трудно написать.

А весна в окно ломилась солнцем.
В многолюдном зале, на краю
я одна и знала: не вернётся
всё, о чём так просто говорю.

Арт-факт

Ю. АНС
2013 г.

Мария Кузмина

Кузмина Мария Васильевна родилась в 1946 году в Псковской области. После окончания средней школы служила в авиации Балтийского флота радиомехаником самолётного оборудования (1965–1967), работала пионервожатой школы и корреспондентом районной газеты (1967–1969). В 1974 году окончила факультет журналистики МГУ им. Ломоносова.

По распределению приехала в газету «Молодёжь Севера» (г. Сыктывкар, Республика Коми). С 1977 по 1981 год была её редактором. После окончания отделения журналистики Ленинградской ВПШ (1983) – заведующая сектором СМИ Коми обкома партии, затем старший редактор Коми книжного издательства. С 1994 по 2006 год – консультант пресс-службы Главы

Республики Коми, 2007–2010 годы – главный специалист по связям с общественностью Исполнительной дирекции Общественной палаты Республики Коми.

Публиковалась в республиканских и российских литературных альманахах. Повесть «Моя война» напечатана в журнале «Наш современник» (2008). В серии Союза писателей Республики Коми вышел её сборник рассказов и стихов «Сиреневый туман» (2010). Тогда же опубликована автобиографическая повесть «Однажды приходит осень». В литературном альманахе геологов Республики Коми опубликована повесть «А по полю широкому шла моя мама» (2011).

Заслуженный работник Республики Коми. Член Союза журналистов России.

*К 45-летию вступления в действие
советско-болгарского Договора
о совместных лесозаготовках на Удоре*

Нас объединяло многое

С того момента, как в декабре 1967 года был подписан советско-болгарский Договор о совместных лесозаготовках на Удоре, а в начале 1968 года в Удорский район приехала первая группа болгарских лесозаготовителей и строителей — прошло — 45 лет! Более 25 лет работали на Удоре граждане далёкой балканской

республики и уже 19 лет назад они уехали на родину, покинув обустроенные таёжные посёлки, где родилось и выросло целое поколение юных болгар. Бытует мнение, что чуть ли не каждый третий взрослый мужчина — болгарин какое-то время жил и работал в Коми. До сих пор Болгария помнит и тепло вспоминает нашу республику. И всегда интересуется, узнав, откуда ты приехал: «А как там наши посёлки?»

Ещё за пять лет до приезда в республику болгарских лесозаготовителей в Коми развернулось строительство 198-километровой железной дороги от ст. Микунь до ст. Кослан. Районный центр Удоры был основной лесосырьевой базой международного советско-болгарского предприятия. На прокладке дороги по комсомольским путёвкам работали посланцы разных союзных республик.

8 августа 1975 года тридцать человек лесозаготовителей из Благоево приезжали в столицу республики в качестве «спортивной» делегации. Их принимал комитет ВЛКСМ Сыктывкарского ЛПК в лице заместителя секретаря Ивана Титова. Болгары побывали в Сыктывкаре и ознакомились с его достопримечательностями. Посетили музей Лесопромышленного комплекса. Все спортивные состязания проводились по утверждённому плану двух комсомольских организаций и были приурочены ко Дню физкультурника. В рамках этой поездки состоялся вечер советско-болгарской дружбы. На нём выступил руководитель болгарской делегации Тодор Бояджиев. Кстати, он боец 129-й интернациональной бригады им. Г. Димитрова, сражавшейся в 1936–1939 годах с фашистами в Испании. Фото автора.

Когда с годами в республике была открыта таможня, эта дорога стала началом прямого пути из Кослана в Софию. Незабываемые годы!

Но болгары не только ударно работали и на себя, и на нас (больше половины заготовленной древесины оставалось в республике), они ещё и прекрасно отдыхали. Художественная самодеятельность в Усогорске, Благоево и Междуреченске была великолепно организована! Болгарские артисты становились непременными участниками всех культурных мероприятий Коми. Особо запомнилось широко отмечаемое на Удоре и в Сыктывкаре 9-е сентября — национальный праздник Болгарии — День свободы. С утра в Усогорске по местному радио звучала музыка, песни, на площади танцевали болгары в национальных костюмах... Делегации молодёжи из всех районов республики приезжали на Удору.

Тодор Бояджиев.

В 1979 году 35-я годовщина социалистической революции в Болгарии (9-е сентября) отмечалась с небывалым размахом. Гостем республики был Чрезвычайный и Полномочный посол НРБ в СССР Димитр Жулев, который выступил с приветственной речью на Днях культуры НРБ в Коми АССР.

— Одно из звеньев нерасторжимого союза Болгарии и СССР — сближение наших культур, — сказал он. — Это и продемонстрировало проведение Дней культуры Болгарии в вашей республике.

С гастролями в Коми тогда прибыли такие известные эстрадные певцы и артисты Болгарии, как Борислав Грынчаров, Пётр Чернев, вокально-инструментальный ансамбль «Фоноэкспресс», quartet буфосинхронистов и вокальный ансамбль сестёр Кушлевых. Их концерты проходили на Удоре, в Воркуте, Визинге, Эжве, Сыктывкаре. Хотелось бы отметить и тот факт, что одной из первых с гастролями в Сыктывкар и к своим землякам приезжала и восходящая звезда болгарской эстрады Лили Иванова, чей концерт с огромным успехом прошёл в незадолго до этого построенном республиканском Музыкальном театре.

В 1975 году было положено начало и содружеству художников Болгарии и Коми. Накануне 31-й годовщины Дня свободы в республике находилась творческая группа, созданная по решению Союза художников СССР и НРБ. Известные болгарские живописцы Д. Захарiev и Я. Каврынов знакомились с людьми и делами Коми. У них «родились» десятки интересных набросков будущих картин.

В свободное от работы время болгарские самодеятельные артисты посещали с концертами многие сёла Удорского района. Вот что пишет Ангел Тодоров в марте 1976 года в газете «Знаме на дружбата», единственной болгарской газете, выходящей в СССР: «Стало традицией посещение нашими самодеятельными артистами сёл района. Это вклад в духовное единение болгарского народа и народа такой далёкой и такой близкой нам республики». Автор отмечает, что за последние две недели болгары побывали с концертами в таких сёлах района, как Макарыб, Глотово, Сёлиб. «Концерты посетили многие зрители, — пишет автор. — Они принимали выступающих с большой радостью. Было волнующе-тепло чувствовать благодарность и молодых, и пожилых зрителей после завершения программы выступления». Ангел Тодоров подчёркивает, что на концертах есть дети, которые знают тексты многих песен и которым особенно нравится ритмика болгарских мелодий.

...Поздней осенью 1994 года нашу республику покинул последний состав с отывающими на родину болгарскими лесозаготовителями. Но уехали не все. По некоторым данным сейчас в Коми проживают около 500 болгар, из них 170 человек обосновались в Удорском районе, более двухсот стали сыктывкарцами.

Свет далёкой звезды

... Меня мой разум уверяет,
Ты есть — и я уж не ничто!

Г. Державин

24 июля 2011 года. Воскресенье. Смотрю культовый фильм Марлена Хуциева середины 1960-х «Мне двадцать лет». В самом начале демобилизованный солдат отмечает своё возвращение из армии на квартире товарища, который за это время уже обзавёлся семьёй и даже успел стать отцом. Молодые люди, разлив «Московскую» по рюмкам, вдруг в три голоса эмоционально, с непостижимой рускостью не пропели, а выдохнули:

Выходит зря, мой старый друг,
Мы берегли свою свободу,
Но сберегли мы не её,
А одиночество своё!

Давно собиралась узнать имя автора слов. Так иногда тоска за сердце хватает... Да ещё эта дикая для Севера жара. С недопитой чашкой утреннего кофе иду к компьютеру и набираю в *you tube* «выходит зря, мой старый друг...»

Фотография с Интернет-сайта: <http://vologdaev.ru>

Не знаю, как с точки зрения медицины развёрнуто трактуется такое понятие, как «ступор», но то, что выдал «поиск», повергло меня, думаю, именно в это состояние. Там говорилось буквально следующее: «*Лили Иванова. Стари мой приятелю...*». Одна из популярнейших песен Певицы в далёкие 1970-е. Её Голос до обертона мгновенно всплыл в моей памяти. Справа в информационных окнах монитора я увидела десятка полтора знакомых с юности названий песен звезды болгарской эстрады и её фотографий разных лет. А ещё ниже — очаровательной блондинки, мне совершенно неизвестной... И только глаза — бездонные, как колодцы. В таких, если всмотреться, и днём отражаются звёзды. Лили? Лили!

«Нажимаю» на первую же фотографию. Идёт группа мужчин, среди них молодая женщина. Улыбается, шагает легко, с ребяческой непосредственностью. Лили! Это Париж, 9 января 2009 года. В зале «Олимпия» с большим успехом прошёл её концерт.

Я не видела её тридцать восемь лет. Именно столько прошло с того незабываемого для меня концерта Лили Ивановой в актовом зале МГУ им. М. В. Ломо-

носова... И вот уже двадцать лет не появляется она на экранах российского телевидения. Как я вообще могла столько лет не слышать её Голоса?! Оказывается, образ харизматичной, изящной, как статуэтка, болгарки все эти годы живёт во мне! Кумир нашей юности, нашей молодости. Лили! «Море молодости», «Неспокойное сердце»... Не отрываясь, смотрю клип за клипом. Вперемежку Лили — брюнетка, Лили — блондинка. До боли знакомая и совершенно неизвестная. И только Голос, который узнаю из тысячи других и ни с чим никогда не перепутаю. Лили! Я очнулась часа через четыре. Лучи испепеляющего солнца били прямо в окно. Кофе так и стоял недопитым. А вокруг — мокрые от слёз салфетки... Мне кажется, что я даже не отдавала себе отчёта в том, что уже четыре часа слёзы ручьём льются у меня из глаз. Лили!

Не могу оторваться от комментариев:

Огромное спасибо за возможность прикоснуться к юности! Эта песня Лили была одним из самых популярных хитов 1960-х. Я бы даже сказала — самая популярная песня в СССР. Мы были влюблены в её великолепный голос.

kortoeks

Прекрасный полёт в прекрасную юность! Благодарю!

alevtina305

Лили Иванова! Да мы просто с ума сходили от её песен. А «Море молодости» — это супер!

furifuriify

Изумительный, красивый, сильный, чистый голос замечательной певицы! Обожаю её и её песни 1960-х! А «Море молодости» — любимая через годы! И сегодня так же трогает сердце и будоражит душу, как когда-то в юности! Обожаю Лили Иванову!

djzelta10

Лили владеет най-труднющим инструментом на свете! И целувата от Природата...

bestmatalin4e

Всё, что сказано, это точно!

Kammilist

Да, Боженька поцеловал её при рождении в темечко. Пусть это будет моим комментарием. Но почему же я так плачу?

...Два дня не ем, не сплю. Я уже знаю — буду писать о ней. Зазвонил телефон: давняя приятельница — оперная дива республиканского театра предупредила: «Иду на чай». Пришла так быстро, что я не успела привести в порядок свои воспалённые от слёз глаза.

— Господи! Что случилось? С кошкой что-нибудь?

— Нет, Альфия, Кати уже нет. Ты давно не была.

— Что тогда? Хотя, конечно, вчера сто двадцать человек на Волге утонули. Сегодня восемьдесят в Норвегии застрелили...

— Нет, Альфия, у меня другое: я в *you tube* Лили Иванову нашла...

— О Боже! А с ней-то что?

— Вот, смотрю её концерт из зала «Олимпия» в Париже. Два с половиной года назад она там пела, а я и не знала...

— Так почему плачешь?

— ...

Вместе слушаем бессмертную «Camino». (Альфия — колоратурное сопрано, заслуженная артистка России, народная артистка Республики, начинает подпевать).

— Нашла несколько вариантов исполнения, — говорю ей. — Голос как бы тот же, но другой. И человек как будто совсем другой. Шлягер 1969 разительно отличается от 1990-х и последних — 2000-х. В первом случае — поёт девочка-романтик, у которой вся Дорога впереди, во втором — человек, прошедший значительную часть пути, умудрённый жизненным опытом. Но новый вариант (chill out remix — 2010) — это философия жизни: идущая сквозь ночь к рассвету. Снято великолепно. Ты знаешь, в первых двух случаях мне почему-то после этих caminando, escuchando хочется увидеть в её руках кастаньеты и хотя бы одно движение из фламенко... Просто навязчивая идея. Как думаешь?

— Это в тебе испанский язык пробивается, — ставит меня на место Альфия. — Ей лучше знать, она эту песню всю жизнь поёт. Такой успех в её годы!

— Альфия, не будем про годы. Мы все уже далеко не молоды. Ты посмотри, как она выглядит!

— Супер! Но какое же свинство — наше телевидение! Двадцать лет эти охрипшие «звезды» на всех каналах. У многих — априори не было голоса. А сколько у нас талантов невостребованных, а какие голоса мы лишены возможности слушать... И столько детскости в её движениях. Это в ней очаровывало всегда.

— Говорят, что это признак молодости души.

— Ну, уж больно изменилась! Я бы никогда её не узнала.

— Ты думаешь, что я узнала сразу?! Вот только глаза...

— Помнишь, как в 1970-е пели:

Эти глаза напротив — чайного цвета.

Эти глаза напротив — что это, что это?!

— Альфия! Какая всё-таки странная штука — жизнь! Казалось, всё давно прошло и быльём поросло. И вдруг: бац по голове! И как в этой песне:

Воли моей супротив — эти глаза напротив!

Неужели мысль, в самом деле, материальна? Ты не представляешь, Альфия, какие у неё глаза! Только раз в них смотрела, а помню всю жизнь! (Современники Лермонтова, вспоминая поэта, отмечали его взгляд: «Замечательно, как глаза и их выражение могут изобличать гениальные способности в человеке». «Глаза эти с умными, чёрными ресницами, делавшими их ещё глубже, производили чарующее впечатление...»)*

Знаешь, Альфия, что-то лермонтовское есть и во взгляде Лили, непередаваемо впечатляющее. Неземное.

...Начало 1970-х. Огромный актовый зал МГУ был забит до отказа. Билеты шли влёт. У меня третий ряд амфитеатра. Я сижу почти на сцене и вижу, как она

¹ В. Михайлов «Михаил Лермонтов. Роковое предчувствие». — М.: Алгоритм, 2011.

выходит, нет, почти выбегает из противоположной кулисы. В брючках, в кофте-маечке. Первые пять или шесть рядов партера — сплошь болгары. Неужели у нас столько болгар в МГУ?

— Нет,— как будто прочитав мои мысли, ответила солидного вида дама, сидящая рядом.— Со всех вузов Москвы пришли. Даже некоторые дипломатические работники здесь.

В момент появления Лили и дипломаты, и студенты партера встали. Овация была бешеной. Они выкрикивали её имя, размахивали руками... Но Лили смотрела куда-то вдаль, за приоткрытые входные двери огромного зала. Как будто кого-то ждала... Стоя у самого края сцены, она подняла руки. В зале наступила тишина. (Её руки — прекрасны, они — продолжение её голоса).

За пять лет учёбы в Москве я была на концертах многих «звёзд», в том числе и в этом зале. Но в тот вечер я впервые увидела, как работает на сцене профессионал, мастер, мегазвезда. Именно — работает! Её манера исполнения потрясла зал! Никого и ничего вокруг — только она и её музыка. (На «Золотом Орфеем — 1974», где Певица была удостоена Гран-При, пела Лили «Вечность»). Бессознательно схватившись за стойку микрофона в середине песни, она отшвырнула её в сторону, даже, наверное, не заметив этого. Море страсти, море эмоций, как и на том концерте в МГУ. Женщина-тайна, женщина-загадка. Я бы никого не могла поставить рядом с ней. Ни-ко-го! Лили!

...У меня на коленях лежали чайные розы на длинных стеблях. Я боялась их повредить. Соседка, вежливо дотронувшись до моей руки, сказала:

— Да снесите же, наконец, цветы!

Но я почти физически ощущала нелепость своего положения: ей сейчас не до моих цветов... Когда зал сотрясала овация, я заставила себя встать и шагнула на сцену. Я точно помню, что головы в мою сторону она не повернула, а, увидев меня, вероятно, боковым зрением, круто развернулась и пошла навстречу... Мне показалось, что я иду не вперёд, а назад, и остановилась. Я держала цветы на вытянутых руках. И Лили, как слепая, шла с вытянутыми вперёд руками. Она смотрела сквозь меня. Мои руки скользнули между её рук, оставив на них цветы. На меня глядели огромные, бездонные глаза инопланетянки...

— Альфия, я до сих пор помню этот взгляд. Она полубогиня.

— Ну, это ты зря! А то, что в зал не смотрит, ничьего взгляда не ищет,— так это потому, что все эмоции и силу вместе собирает. Чтобы так выкладываться, да ещё с такой изящной внешностью, знаешь, сколько эмоций надо иметь, знаешь, как важно перед исполнением не расплескать их ни на что иное? Какой талантлище! Вот как надо работать и с кого брать пример! А цветы надо носить в конце! Потому что певец весь ещё в том, что спел и что предстоит спеть сейчас.

Уже у порога, обернувшись, она удивлённо спросила:

— Кстати, а почему вдруг Лили Иванова? Общественность пребывает в полной уверенности, что твоей любимой певицей всегда была Образцова. Я что ли на её концерты каждый месяц летала в Москву и Ленинград?

— Альфия, Образцова — это из другой оперы и другого времени. Это другое состояние души. Ты же знаешь, я люблю меццо-сопрано.

— Знаю! Но всё равно, почему Лили? Никогда не слышала о ней от тебя.

Чтобы в наше бесчеловечное время два дня рыдать над её песнями, нужны веские обстоятельства. Столько лет прошло!

— Думаю, ты не знаешь её вокализ в «Море молодости». И я не слышала его, наверное, уже лет двадцать. А вчера услышала — сердце оборвалось — это голос нашей юности. Я даже вспомнила то далёкое лето 1966-го и армейскую молодость, когда служила в авиационном полку: лётное поле военного аэродрома, готовим самолёты к вылету. Турбины ревут. Во время перерыва на обед — тишина, вокруг — никого. Лежу в траве по пояс и слушаю транзистор. Она поёт эту песню. Небо надо мной, как море перед ней. Вижу всё так ясно, как будто вчера было. Мне 20 лет!

— Ну, что ж. Счастливых воспоминаний! Но я не вижу больше оснований для слёз! Всё! Ушла!

Какие искренние комментарии, прямо — крик души.

Такие певицы (ПЕВИЦЫ, А НЕ ИСПОЛНИТЕЛИ), как Лили Иванова — большая редкость: выбор музыки, выбор поэзии и, конечно, ни с кем не сравнимый ГОЛОС!!! Не перестаю восхищаться её талантом! Первый раз был на её концерте в Москве — в далёком 1972 году, ещё студентом... И с тех пор Лили Иванова — идеал эстрадной певицы для меня. Привет из России!!! Россия любит и помнит Вас, уважаемая и единственная!!!

Wbhbycrfz

Величайшая певица. Счастлив, что вижу и слышу её. Божественный голос!
oleg1545

Да! Наша молодость была наполнена её голосом. Лили!

В марте 1974 года мой однокурсник Коля Бааронов возвращался в общежитие на Ленинских горах, весело помахивая портфелем. Мы жили на одном этаже в зоне «Д». Там я его и встретила.

— Откуда такой радостный? — спрашиваю обычно сдержанного товарища.

— Заходи, что-то покажу,— загадочно улыбнулся Коля, и небрежно кинув на софу свою прикольную кепочку, осторожно вынул из портфеля белый конверт с чёрной по белому факсимильной подписью Лили Ивановой... Альбом из двух пластинок. На развороте — текст её шлягера «Обичам те!». Стихи Д. Дамянова разорваны на четыре части, брошены на брускатку мостовой, а на клочках собранного по разрыву текста — роза. Дата — 11.1.70. Ничего себе! Я дар речи потеряла.

— Где взял? — только и выдавила из себя.

— В ГУМе. Час в очереди стоял. В музыкальном отделе они пластинку на проигрыватель поставили — народу тьма сбежалась.

— Два экземпляра купить не мог? Ты же знаешь...

— Маша! А ты не знаешь правил советской торговли? Один экземпляр в руки! Приходи вечером, прослушаем. Там такие вещи!

Он подарил мне потом этот альбом, который я храню и по сей день. Уже в Сыктывкаре обзавелась я дорогим проигрывателем, на нём и «крутились» эти диски по многу раз. Но особенно запали в душу «Обичам те!», «Огонь» и «Из

города в город» Т. Русева, «Тропинки» А. Йосифова. Нашла их в *you tube* и прослушала ещё и ещё. Лили! Кому она адресует свои исповеди? С кем прощается? Ушла любовь? Нет ничего страшнее... У современной украинской певицы Таисии Повалий есть удивительная песня:

Всем, кто любовь теряя, боялся жить,
Всем, кто не научился по жизни плыть,
Всем, кто попал под бремя людской молвы —
Я вам пою: пусть вам повезёт в любви...

Конец июля. Заканчиваются белые ночи. Выхожу на лоджию. Вот уж и первые звёзды появились на небе. Эх, сигареты нет, как бы я сейчас затянулась. Звонок из Москвы. Старая приятельница, заботливая, как сестра, постоянно меня прозванивает, говорит: для учёта и контроля. Интересуется, как переношу жару, не болею ли?

— Болею, Наталья.

— Да ты что? Чем?

— Ностальгией!

— О, мать, это сейчас самая распространённая болезнь, можно сказать — эпидемия. И как это проявляется?

— Лили Иванову слушаю и рыдаю.

— Что ты говоришь! Как же я любила её в молодости! Когда вышли её «Хризантемы», у нас вся Ухта на ушах стояла. Из всех окон звучала эта песня. А ещё я помню, что

Концерт Лили Ивановой в Актовом зале Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, 1972 год. (Снимки из личного архива М. Кузьминой)

у неё очень красивые руки. Года два назад, мне кажется, я из окна автобуса видела рекламу её концерта в Москве. Но изображена была какая-то совсем незнакомая блондинка. Я подумала, что ошиблась.

— Нет, не ошиблась — это была она.

— Марья, но, по-моему, ты только одной певице поклонялась — Образцовой. Это всем известно. Я никогда не слышала от тебя имя Лили Ивановой.

— На этот счёт я уже сегодня объяснялась. Мне что нужно было татуировку на лбу, на груди, на плече или на руке сделать? Это может быть только в душе. А душу не принято перед всеми распахивать.

— Насчёт души ты права. Ну, что же! Я за тебя спокойна и могу только позавидовать такой эмоциональной встряске. Привет Лили, и доброй ночи, дорогая!

Как-то, в конце 1970-х, корреспондент нашей газеты «Молодёжь Севера» Владимир Шаров принёс в редакцию только что купленный очень презентабельный отечественный магнитофон «Ленинград». Я вычитывала полосы свежего номера, когда услышала её Голос. Бросив всё, пошла искать источник трансляции, потому что песня многократно повторялась. Шаров делал вид, что работает. Тут же находились корреспонденты других отделов. Магнитофон стоял на подоконнике и транслировал «Хризантемы» не только в коридор редакции, но и на улицу: люди шли с поднятыми головами.

— По какому поводу собрание, товарищи? Между прочим, номер идёт, а на первой полосе ещё двух информаций нет. Кто их будет делать? Лили Иванова, что ли? — я напустила на себя редакторскую строгость.

— Да сейчас дослушаем и сделаем! — чуть ли не хором ответили мне.

— По-моему, вы уже раз пять её дослушиваете. Хотя я вас и понимаю, может быть, как никто другой.

— Марья, у меня эта песня на всей катушке записана. До вечера можно слушать... Хочешь, и на твой магнитофон перекину? Но в то время как Шаров часами мог слушать «Хризантемы», я слушала «Огненят». Я могла чем угодно заниматься дома: убирать, стирать, читать, писать... Но Голос должен был звучать! Никого и никогда я не слушала так много, как Лили. Мелодии её песен слоями лежат в моей душе с юности, как самые драгоценные полезные ископаемые. Моё прошлое «окрашено» её Голосом.

Дикая ностальгия при звуках этого дивного голоса. Я тону в нём.

lykamil1

BOJESTVENNA !!!

juliana69382

ЛИЛИ ИВАНОВА — это имя вписано золотом в историю болгарской поп-музыки. Сегодня ЗВЕЗДА БОЛГАРИИ выглядит прекрасно, поёт ещё лучше и смотрит вперёд, в БУДУЩЕЕ. Она продолжает быть № 1 и останется на ВЕРШИНЕ ещё долго, потому что любовь к ней НЕСТИХАЕМА.

valentinni

Братушки! Я вам завидую светлыми глазами, что есть в Болгарии супер голос Лили Ивановой! Дай ей Бог Здоровья и долгих лет Жизни!

1949lom

популярным был её шлягер «Ciao, bambino, sorry». Почему сейчас вспомнила о Матьё? Потому что мы и ту, и другую обожали, и они ни разу не дали нам повода усомниться в своей звёздности. Их имена в нашем сознании не девальвировались! Недавно в одной из передач телевидения Мирей назвали «русской француженкой» и добавили, что от неё не исходит холодящего чувства таланта. Мало о ком из звёзд такой величины можно сказать подобное... Теперь, когда нашу, всем надоевшую камарилю, называют «звёздами», народ, тихо крестясь, упорно повторяет: «Звёзды на небе». Но Лили и Мирей, несомненно, звёзды. Не могу забыть: на Красной площади отмечается 60-летие Победы в Великой Отечественной войне. Мирей в тёмном платье, в тёмных колготках, туфли-лодочки — выходит на брусчатку Красной площади в сопровождении офицера российской армии и поёт всем известную песню из репертуара Эдит Пиаф, звучавшую ещё во время войны. Потом запрыгивает в подошедший военный джип, за рулём которого сидит такой своеобразный «Алёша», паренёк во фронтовой пилотке с красной звёздочкой, и уезжает в сторону Васильевского спуска. Впечатлила! И вот показывают *нашу*, вознесённую на постаменте выше стыдливо задрапированного Мавзолея в каком-то красном балахоне... Смотреть дальше не могу, телевизор выключаю.

Лили Иванова, почти прописанная в Союзе Анна Герман, Дин Рид, Радмила Караклаич, Марыля Родович, Карел Готт... Когда Готт пел «Ты плачешь, скрипка Паганини, на чём рыдаешь ты плече?», фанатки падали в обморок. Это была гвардия европейской (социалистической) эстрады. Почти все — ровесники. Певцы с большой буквы! Да и свои какие были! Муслим Магомаев. Даже сложно сказать, что популярнее было в конце 1960-х — его «Чёртово колесо» или самый-самый европейский супер шлягер, включая «Дилайлу»? (Tom Jones — Delilah, 1967). А как в конце 1970-х спела песню Евгения Доги «Мне приснился шум дождя» замечательная молдавская певица Надежда Чепрага?

Мне приснился шум дождя
И шаги твои в тумане.
Всё я помню: в небо уходя,
Ты сказал всему «До свиданья!»

За мгновения перед глазами вся юность в голубых погонах проходит. А «Полёт на дельтаплане» Эдуарда Артемьева в начале 1980-х в гениальном исполнении Валерия Леонтьева?

Меж нами памяти туман, ты как во сне.
Наверное, только дельтаплан поможет мне.
Наивно это и смешно, но так легко моим плечам!
Уже зовёт меня в полёт
Мой дельтаплан, мой дельтаплан!

Неповторимое песенное время! Страна на подъёме, вся жизнь впереди!

Имел честь слушать Лили Иванову в Варне в 1980 году. Восхищён её творчеством! Лили — super star!!! Болгары, гордитесь, вам повезло!

bolotbekdzu

И Библията не може да внуши такива прекрасни ценности, каквито внушават текстовете на песните, които Лили изпълнява.

daninab2

Обожаю ЛИЛИ ИВАНОВУ уже 36 лет!!! Здоровья и счастья ей на века!!! Красивее голоса нет ни у кого на Свете!!! Привет с Сахалина!

Nadi7ja

...Сколько лет слушаю и не устаю восхищаться... брависсимо!!!

rystyalta

НАШАТА МАЛКА ГОЛЯМА ЗВЕЗДА, ОБИЧАМ ТЕ. ТИ СИ МОЕТО ВДЪХНОВЕНИЕ, ТИ СИ МОЯТ СЛЪНЧЕВ ЛЪЧ В ДЪЛГИ ТЯГОСТНИ ДНИ, ПОКЛАНЯМ ВИ СЕ ДО ЗЕМЯТА. БЪДЕТЕ ЖИВА И ЗДРАВА И ВСЕ ТАКА ОБИЧАНА...

TheLubov57

EDINSTVENA I NEPOVTORIMA!

65sovichka2

Всё в том же 1979-м я побывала в Болгарии. Возила отдохнуть на Золотые Пески в международный молодёжный Центр наших, как теперь бы сказали, тинэйджеров — тридцать учащихся профтехучилищ Коми. Путешествовали автобусом. В первом же болгарском городе Русе нам дали понять, что далёкую северную республику здесь хорошо знают. Где-то недалеко от Русе родилась Лили. Это её родные места. Объехали и посмотрели многое. На Шипке побывали. Правда, подъём мне дался нелегко, чуть ли не на четвереньках. Какая красавая страна! Я всегда хотела жить у моря. Накупались, назагорались, фруктов на год вперёд наелись, сувениров и пластинок фирмы «Балкантон» накупили... На обратном пути болгарский пограничник, по стечению обстоятельств — тот, что и встречал, посмотрел в загорелые физиономии улыбающихся ребят и, даже не разворачивая списка, сказал:

— На добър път! Предайте много здраве на всички!

Таможенный досмотр был формальным. Уезжать не хотелось. Но у нас в республике был свой большой кусок Болгарии. Любила ездить туда в командировки. С утреннего поезда — прямо в Усогорск, в Дом приёмов, где не всех селили, но я всегда — там: советско-болгарское сотрудничество — моя тема в молодёжной газете, а как член бюро обкома комсомола — я куратор Удорского района, где живут и работают болгары. Дом приёмов — сказка: потолки резные, камин, уютные комнаты. На крыльце уже встречает другарко Иванова. Вещи в номере бросишь, блокнот в сумку и — вперёд — мероприятие начинается. Но не тут-то было! Другарко Иванова уже кофе сварила, свежую булочку разрезала, брынзу на стол поставила — без завтрака ни шагу за порог. И вечером накормит, её муж камин растопит, бокал болгарского пива — бозы собственного приготовления принесёт и новости начнёт расспрашивать. Однажды говорю ему:

— Что-то много у вас в Болгарии Ивановых. Я лично знаю четырех: вас с другарко Ивановой, эстрадную певицу Лили Иванову и оперную певицу Генку Иванову.

Его ответ рассмешил меня:

— В одном вашем фильме один ваш военный сказал, что на Ивановых мири
держится. («На Ивановых вся Россия держится». К. Симонов. «Живые и мёртвые».)

Дом приёмов... Я чувствовала себя там, как дома.

«Моя страна, моя Болгария!» Лили.

Моя любимая болгарская певица! И песни великолепные! Спасибо за возможность слушать их на you tube.

kocharova

Большое спасибо за эту прекрасную песню от жителей Казахстана. Слушаем с волнением и грустью.

SaturnKZ

Най-голямото доказателство за ВЕЛИЧИНАТА на ЛИЛИ. Няма възраст, когато си ЛИЛИ ИВАНОВА!!!

bestmatalin4e

ЛИЛИ ОСТАВА ЕДИНСТВЕНАТА ЗВЕЗДА НА БЪЛГАРИЯ! НАИСТИНА НЕ Е ДОСТАТЪЧНО САМО ТЕКСТА, НО ИЗПЪЛНЕНИЕТО, ЗА ДА ТЕ ДОКОСНЕ.

19452112

Господи, какъв велик талант и велик дух!

daninab62

Браво, Лили! Разплака ме!

ingvarr07

Перебрала всю свою фонотеку, которой давно не пользуюсь, но бережно храню. «Чёртова» дюжина пластинок с её записями, начиная ещё с гибких из журнала «Кругозор». Две — подарок от Евгении Антоновны Приваловой с надписью «Услаждайся!». Это Лили Иванова и Асен Гаргов (1978), Лили Иванова «Щурче» (1982). На ней — трогательная благодарность от певицы всем, кто принял участие в подготовке записи. (На наших пластинках я такого не видела никогда). На обратной стороне конверта опубликованы и стихи Д. Дамянова, давшие название пластинке «Щурче» (Кузнецник). Здесь же расположилась и сама Певица в золотисто-серебристых одеждах. «Балкантон» оформляет её диски очень красиво. Приятно взять в руки. Вспомнила. Я была в 1983 году на практике в Москве и прибежала к Жене после интервью с маршалом авиации Евгением Савицким. Евгения Антоновна — наш преподаватель на журфаке МГУ. Ближайшая подруга, почти сестра. Мы отметили теперь уж точно состоявшуюся мою практику в одной из центральных газет, и она подарила мне эту пластинку... Обратила внимание и на пластинку «Русская и болгарская духовная хоровая музыка» с участием Евгения Нестеренко и московского камерного хора (дирижёр Владимир Минин). Он пишет: «Русская и болгарская музыка — родные сёстры. Это одна из древнейших музыкальных культур Европы. Но дело не столько в её более чем тысячелетнем возрасте, сколько в высоком строе мыслей и чувств, в её открытости, в её направленности на единение людей».

Не все хиты Лили Ивановой называла бы песнями: это блестящие баллады и композиции. Их тексты (поп-музыка!) необычайно глубоки, часто — драматичны.

Мелодичность им призваны обеспечить музыка и Голос самой Лили. Тройственный союз поэта, композитора и певицы, где Голос выходит на первое место, практически всегда оборачивается триумфом. Эти музыкальные композиции-шедевры невозможно слушать бездумно...

Лили е невероятен талант. Само това мога да кажа. Жива легенда.

1Peter1970

Каква мощ, сила и уникалност на гласа!!!. Толкова драматизъм и ярко внушение, че оставаш смразен!!!

dranobg

Slyshal ee v dalekom 1966... i do six por potriasen etoi pesniei! 6 let nazad napisal rasskaz pod ee vlianiem, kogda posle dolgogo poiska nashel ee. Spasibo LILI!!!

901tk

Так, «полетели» колонки. Меня предупреждали, что они маломощные. Пойду куплю самые мощные, и пусть весь дом знает, если забыли прошлые годы, кто вновь «поселился» в квартире № 18... Всё сначала!

О творчестве Лили Ивановой последних лет я могу судить только по записям, выложенным в *you tube*. (Спасибо, YT!). Дисков в Сыктывкаре нигде не нашла: говорят, возможно, есть в Москве... То, что я просмотрела за семь дней, пытаясь наверстать упущенное, произвело потрясающее впечатление. «Музыкальный идол Европы» — Лили Иванова всегда была вне идеологии, вне политики, но всегда пела и поёт о вечных человеческих ценностях, главная из которых — Любовь. Судя по развернутым интервью для Болгарского телевидения — она востребована в новой Болгарии. Ещё бы! И всё же, всё же! В комментариях и интервью упоминаются какие-то публикации «жёлтой прессы». И «Истины», её книга о жизни и творчестве, где невозможно избежать оценок людям и ситуациям, видите ли, «носит скандальный характер». Да и сами телевизионщики иногда поражают бес tactностью... «Болгари, вы что?! Это огромное для вас счастье, что такая ГЕНИАЛЬНОСТЬ родилась и живёт у вас!» Найл Ишмаков. Казань. Россия. *asdfgh341000*. Значит, и для неё не прошли бесследно потрясения последних двадцати лет? Мы почти ничего не знаем о сегодняшней Лили.

После раз渲ла нашей страны мир стал иным, и, независимо от убеждений, этого нельзя не заметить, тем более, что он не стал лучше. Я вспоминаю финальные кадры отличного советского фильма режиссёров Александра Арова и Владимира Наумова «Тегеран-43»: на фоне тонущих кораблей, разбивающихся самолётов, сотен тысяч гибнущих людей — звучит потрясающая мелодия «Вечной любви» в исполнении Шарля Азнавура, обращённая к каждому из нас: её лейтмотив — я люблю тебя!

Казалось бы, нет войны, но снова бомбят мирные города, тонут корабли, разбиваются самолёты, на всех континентах гибнут тысячи людей. Но я слышу её Голос, обращённый к каждому из нас: обычам те!

Пугают приближающейся к Земле неведомой кометой, способной уничтожить всё живое на нашей Планете, и пророчеством о конце света индейцев майя... Но я слышу её Голос: обычам те! Из её уст это звучит как заклинание, как оберег, а

не только как признание в любви какому-то конкретному человеку. Потому, что она — великая европейская Певица! И даже больше, чем Певица: в 1997 году Международная ассоциация женщин номинировала Лили как одну из самых популярных женщин XX века. К Лили пришло осознание своей значимости как национальной Певицы. Чего стоит финал её концерта 2007 года в Национальном Дворце культуры, где в сопровождении военнослужащих 9-й бронетанковой бригады гарнизона города Софии прозвучала песня композитора К. Гюлмезова на стихи Я. Кирина «От веков за векове»!

Я не знаю, что подвигло её исполнить «Аве Мария» Франца Шуберта. Думаю, что это меньше всего каприз. Одна из магических мелодий последних двух столетий в её исполнении прозвучала для меня как Молитва за всех нас, ещё живущих на этой Земле. И прозвучала потрясающе! Шуберт был бы доволен ею: так соединяются эпохи, так шедевры передаются из поколения в поколение.

Дорогая Лили! Твоя звезда взошла для нас в далёкие 1960-е. И какой бы бум ни происходил тогда на советской эстраде, твой Голос не затерялся, а был самым узнаваемым и для очень многих самым дорогим. Спасибо! Через годы и расстояния, сквозь разруху в головах и душах многих наших современников — прими запоздалое, но искреннее признание, под которым могли бы подписаться тысячи твоих поклонников в России: обичам те! Кто-то сказал: кого судьба выбирает, того и испытывает. Ты выдержала все испытания, ты знала не только направление *Дороги*, но и сумела по ней пройти. Потому, что по ней тебя всегда вела и ведёт Любовь! Без Любви нет жизни... И мы, как на солнечный свет, часто шли на твой Голос. Он нередко спасал, и врачевал. Лили, «старая Любовь не ржавеет, мы — с одного корабля!» Обичам те! Пройдут годы и годы. Но даже тогда, когда никого из нас уже не будет — твой Голос, как свет давно угасшей звезды в бескрайней Вселенной, дойдёт до потомков... Дошёл же он до меня двадцать лет спустя! Бог очень редко, но оставляет каждой нации образцы совершенства. Ты — образец! Болгария должна гордиться своей прекрасной дочерью...

Сыктывкар, 24–31 июля 2011 года.

Пройдёт пять месяцев. В самый большой, как теперь говорят в Болгарии, праздник — Коляду, 25 декабря, огромный «Airbus 310», до отказа забитый россиянами, подлетал к Софии. Настроение у всех было приподнятое. Вежливые стюардессы разносили еду и напитки. Детям и женщинам дарили подарки. «Аэрофлот» был на высоте! Поглядев в иллюминатор, я изумилась: под крылом всё было бело от снега. Божечки! От чего летела, к тому и прилетела! Ничего себе, солнечная Болгария! Соседи по салону радовались: «Новый год в горах на лыжах встретим!» А я вспомнила другую Софию, тридцатилетней давности, залитую августовским солнцем, «хора» в ярких летних нарядах, множество цветов на клумбах и детей — «цветов жизни» на улицах...

Из информации болгарского сайта Лили я знала, что в этот день, вечером, на ТВ-канале «Европа» будет её интервью. В номере приютившего меня отеля включила телевизор. Певица показалась уставшей и немножко грустной. На традиционные вопросы о себе, о творчестве и музыкантах группы, как всегда, отвечала обстоятельно и спокойно. Здравствуй, Лили!

К сожалению, эта встреча на экране болгарского телевидения оказалась для меня в эти новогодние праздники единственной. Куда ль ни зайдёшь выпить чашку кофе — всюду на экранах телевизоров прыгают полуобнажённые мулатки и играют мускулами негры. В поисках книги и дисков Лили обхехала пол-Софии: благо такси дешёвое — рассекала во все стороны. И в такси всё те же песни! Приветливый молодой мужчина — таксист на мой вопрос, где ваш фольклор, где песни Лили — только плечами пожал и, грустно улыбнувшись, ответил:

— А это радио круглые сутки транслирует, что поделаешь? Вот и слушаем...

Ни голоса в эфире, ни имени Певицы на театральных тумбах в Софии я так и не обнаружила. Даже на тех, что рекламировали предстоящие концерты на месяц вперёд. Возможно, я была не внимательна. После долгих поисков, наконец, обнаружила в одной из «книжарниц» книгу Лили «Истины» и скромную полочку с дисками. Софийскую народную оперу, зал «Болгария» в филармонии, Государственный музыкальный и балетный центр посетила. Но в её родном городе мне ощущимо не хватало голоса Певицы. Какой-то пустой казалась мне София.

Недалеко от нашего отеля висела афиша, извещавшая, что в галерее «Модерн арт» на улице «Оборище», 10 проходит выставка картин и рисунков С. Дали и М. Шагала. От собора Александра Невского — пять минут пешком.

Спускаюсь вниз по ступенькам. Девушки — смотрительницы залов докуривают сигареты. Спрашиваю, работает ли выставка?

— Да, — отвечают на сносном русском. — Вы у нас первая сегодня, проходите.

— Знакомая картина, — говорю им. — Третью галерею посещаю и всё первая и почти единственная.

Закуриваю мои сигареты.

— Улица у вас знаменитая, где-то здесь Лили живёт...

— А вот этот дом! — И показывают на здание через дорогу. На крыше развевается флаг Болгарии. Немею от удивления... всё так просто! И совпадение какое! Номер моих апартаментов в отеле такой же, как и номер её дома, отлитый на чугунных воротцах.

— А флаг почему вывешен?

— Не знаем!

— Певицу часто видите?

— Ни разу не видели. Только шофер: приезжает, уезжает...

— Лили водит машину, может быть, она под шофером гримируется?

— Не! Мы этого шофера знаем!

В начале улицы «Оборище», напротив посольства Великобритании и рядом с домом Лили — сквер (Докторска градина). В нём стоит памятник русским медицинским чинам, участникам освободительной войны 1878 года. На плитах — десятки фамилий наших соотечественников. В Болгарии вообще много памятных знаков, посвящённых людям и событиям, связанным с историей страны. А какие памятники и кому возведёт современная Болгария? Будь моя воля — распорядилась бы рядом с этим памятником поставить памятник полковнику медицинской службы Болгарии и генералу болгарской песни Лили Ивановой. С микрофоном в правой руке!

Генерал! Но почему, болгары, во время одного из новогодних ТВ-интервью Певица не может сдержать слёз при словах благодарности, обращённых к ней

из разных стран и городов? Болгары, как кланяется она вам, исполняя песню К. Гюлмезова «От векове за векове!» Как проходит перед первым рядом огромного зала! Словно Жанна д'Арк перед своим войском, которое вопреки всем правилам кричит: «Виват, Жанна!», а не «Виват, король!». Половина зала стоит весь концерт! У некоторых слёзы на глазах! А кому ещё флаг республики позволено водрузить над своим домом? А её парижский триумф в январе 2009 года? Директор зала «Олимпия» Майк Говри изумлён: 2 часа 20 минут — 22 песни (!) на родном языке. И всё время в движении! Стены «Олимпии», где пели только самые именимые из именитых: Эдит Пиаф, Шарль Азнавур, Ив Монтан, Жюльетт Греко, Мирай Матьё, Муслим Магомаев... вероятно, содрогались от аплодисментов. Это и ваш триумф, болгары! А её трёхчасовой концерт в апреле того же года в Москве в театре им. Станиславского и Немировича-Данченко, где, как говорят очевидцы, яблоку негде было упасть? Соскучилась Россия по Лили, а в её лице и по болгарской песне вообще, так любимой ранее... Памятник, уверена, будет! Неважно, когда, но будет, ибо «много званых, но мало избранных»! Одни врачают тела, другие — души. И ещё не известно, что важнее в нашей жизни. А памятник в душах тысяч россиян Лили уже давно поставила своим неповторимым Голосом... Вспоминаю одно видео на «YT»: Филипп Киркоров, который, по-моему, просто обожает Лили, на многотысячном концерте в зале №1 НДК в Софии поёт «Хризантемы» и в момент исполнения выкрикивает её имя. Лили стоя слушает его на балконе притемнённого зала в белом платье. Как свеча в ночи... Мудрые японцы своих выдающихся деятелей культуры и искусства называют национальным сокровищем. А сокровище нужно беречь...

Уезжая, купила в газетном киоске 96-страничный «най-големият български вестник «Уикенд» за 31 декабря 2011 года — 6 января 2012 года. Тираж броско обозначен на первой полосе — 324000 экземпляров! Круто! Таким и в России не каждая газета похвастается! Кого тут только нет! Подняли и мёртвых, и живых: от Цолы Драгойчевой до Никиты Хрущева, от Бисера Кирова до Аллы Пугачевой, от артистов кино и театра до каких-то экзотических звёзд и звёздочек. И только о Лили — вскользь в интервью «естрадната легенда Мустафа Чаушев»: на маленькую пенсию жалуется (у Лили, по сообщению её русскоязычного сайта, такая же), а когда-то с Лили вместе на гастроли в СССР ездили. Всё! Конечно, сложно, очень сложно хотя бы вскользь не коснуться этого имени: за пятьдесят лет — более одиннадцати тысяч концертов, на которых спето более шестисот песен болгарских и зарубежных авторов!

...Небо прояснилось, и солнце над Софией появилось только 1 января. Поднимаясь по улице «Оборище» к собору Александра Невского, я увидела в сияющей дали то ли облако, то ли гору. Даже не могла поверить, что, наконец, я вижу Витошу. И как будто услышала голос Певицы: «Хубава си, моя Горо»... Ничто другое не выдаёт так национальность певца, как исполнение народной песни. Недавно нашла эту запись на «YT» и, может быть, впервые за все годы, что я слушаю Лили — почувствовала: поёт истинная болгарка. Даже у меня — русской до мозга костей — слёзы на глазах выступают. Славяне мы!

Подъезжая к аэропорту, сказала себе: «Прощай навсегда, София!» Во второй раз я увидела Витошу уже под крылом набирающего высоту самолёта. И вдруг

почувствовала, что и «мои разбитые мечты обретают снова силу высоты!»... Никогда не говори «никогда»! Маленькая Болгария остаётся для меня великой величием её национальной Певицы. Лили!

Всю жизнь завидовала Болгарии, что у неё есть такая ЛИЛИ.

Alexdav1

Бесподобная Лили, русские ценители твоего голоса у твоих ног, годы тебя не берут! 1949лом

Голосом Лили Ивановой очарован уже не один десяток лет. Лили Иванова — ВЫДАЮЩАЯСЯ ПЕВИЦА, на века!!!!)

kollegavash

Ностальгия, как прекрасно! Вот это голос настоящей певицы и актрисы из Болгарии!!! Благодарю!

tundybash

Лили е неземна певица!

velichka

ЛИЛИ е музикален инструмент... Stradivarius!!!

risch4eto

София — Сыктывкар, январь 2012 года

P.S.

Прошло ещё ровно пять месяцев. Мощный ИЛ-96 с 270-ю пассажирами на борту подлетал к Бургасу. Молодые и пожилые россияне вместе с детьми и внуками прибывали на болгарское побережье Чёрного моря в самом начале сезона. Среди них была и я с единственной целью: обзавестись недвижимостью и получить затем вид на жительство... Невероятно, но уже через четыре дня я подписала предварительный договор о приобретении «места под солнцем»...

Чем больше я думаю о случайностях и закономерностях в своей жизни, тем больше и больше убеждаюсь в том, что Всевышним, если Он, конечно, есть, в ней всё изначально определено. Бернард Шоу сказал однажды: «Я не знаю, есть Бог или нет Бога, но жить надо так, как если бы Он был». Я старалась. Одно же я знаю точно: «мне Голос был, он звал утешно...». Десятилетиями я тонула в его потоках. И даже через 20 лет прерванная связь с ним была установлена мгновенно, при первом же звуке. «Старая любовь не ржавеет»... Музыка — это тоже любовь. Любовь... От кого бы и чего бы она ни исходила — это ветер, который даже в горстке пепла способен возродить пламя!

В своей книге «Истины» Лили пишет, что в конце 1980-х – начале 1990-х она, стремясь остаться в профессии, «работала как гастарбайтер», мотаясь на своей «коле» по Европе, а потом снова вернулась на Родину... На её концерте 25 августа 2012 года в Бургасе я сидела между двух болгарок. Одна — моего возраста, другая — совсем юная девушка, которая весь концерт, сложив на груди руки, как при молитве, не спускала восторженных глаз с Певицы. Я поняла: эстафета любви к ней продолжается, и будет передаваться из поколения в поколение, несмотря ни на что... Лили.

Бургас — Сыктывкар, июнь–октябрь 2012 года

Александр Котылев

Котылев Александр Юрьевич, кандидат культурологии. Работает в Коми государственном педагогическом институте на кафедре культурологии.

Образ Стефана Пермского в миниатюрах Лицевого летописного свода XVI века

Образ святителя Стефана Пермского появляется в религиозной изобразительной культуре Руси не позже XV века, чему способствовали популярность крестителя Перми, фактическое признание его (вероятно, уже при жизни) святым и раннее появление его жития. «Слово о святом отце нашем Стефане, бывшем в Перми епископом»¹ оказалось выдающимся произведением, в котором его автор Епифаний Премудрый² далеко вышел за границы традиционного жизнеописания, задав мощную основу формирования «стефановского текста» отечественной культуры, который продолжает прирастать новыми произведениями с XV века до сегодняшнего дня³. Надо полагать, что первые иконописные изображения Стефана Пермского до нас не дошли, хотя, согласно церковному преданию, самое первое из них создал уже Епифаний. Тем более важно изучить самые ранние из сохранившихся до наших дней образов и попытаться понять, как представляли себе деятельность святителя ближайшие к нему поколения русской культурной элиты.

В кругу иконографических изображений святителя Стефана Пермского особое место занимает цикл миниатюр в Лицевом летописном своде, созданном в правление Ивана IV Грозного. По мнению современных исследователей, эти миниатюры создавались в 40–60-е годы XVI века, представляя, таким образом, одни из наиболее ранних известных изображений святого, созданные незадолго

¹ Епифаний Премудрый. Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана // Святитель Стефан Пермский.— М., 1995.

² Прохоров Г. М. Равноапостольный Стефан Пермский и его агиограф Епифаний Премудрый / / Святитель Стефан Пермский.— СПб., 1995.— С. 26–29.

³ Котылев А. Ю. Учение и образ Стефана Пермского в культуре Руси / России XIV–XXI веков.— Сыктывкар, 2012.— С. 8–22.

до или непосредственно после его канонизации в 1549 году. Иллюстрированное житие стало, следовательно, частью масштабной программы организации системы почитания русских святых, осуществляемой митрополитом Макарием и его окружением при участии царской власти. Это стало частью системы событий, обозначивших завершение процесса Православного Возрождения и закрепления его результатов¹. Более ранними могут предположительно считаться только резные изображения на посохе Стефана Пермского, хранящегося ныне в Перми, тоже образующие подобие житийного цикла². Миниатюры Лицевого свода сделаны к сильно сокращённому тексту жития, прошедшему через неоднократную переработку летописцами и значительно отличающемуся от изначального житийного произведения, написанного Епифанием Премудрым. За основу текста Лицевого свода была взята Никоновская летопись, созданная в первой трети XVI века³.

Предпринимавшиеся ранее изучения миниатюр стефановского жития были преимущественно связаны с попытками рассмотрения их как «исторического источника»⁴. Требования «исторической достоверности» от произведений такого рода выглядят сегодня довольно наивными. В последние десятилетия разработаны различные подходы к исследованию древнерусской миниатюры, предполагающие её многогранное представление⁵. Миниатюрные изображения следует рассматривать как особую символическую систему, со своим художественным языком и особыми способами передачи информации. Конечно, эта система является частью (подсистемой) более общей и универсальной для средневековой эпохи системы иконописи, но обладает своими особенностями. Эти особенности могут по-разному проявляться в разные периоды развития культуры и в разных произведениях. Прочтение текста миниатюр требует достаточно сложных реконструкционных и интерпретационных процедур, которые должны применяться как относительно внутренней целостности произведений, так относительно социокультурной системы, в которой они были созданы и восприняты.

Наличие в Лицевом летописном своде целого цикла миниатюр, посвящённых пермскому святителю, свидетельствует об особом внимании к его действиям и их результатам. Цикл изображений представляет большие возможности для интерпретации, чем отдельные миниатюры. Ставя цель комплексного изучения круга изображений Стефана Пермского в исторической перспективе, следует обозначить необходимость перекрёстных сопоставлений различных вариантов презентаций святителя в российской культуре. Миниатюры должны быть детально сопоставлены как с сокращённым летописным, так и с полным епифаниеевским житийным текстом, который при любых сравнениях призван играть роль центрального, исходного образца. Плодотворным представляется также сопоставление миниатюр с резными костяными композициями посоха. Один из исследователей этого артефакта А. В. Чернецов⁶, отвергнувший с ходу возможность близости этих двух видов изображений, стремился доказать большую историчность и связанность

¹ Там же.— С. 21–36.

² Чернецов А. В. Посох Стефана Пермского // ТОДРЛ. Т. XLI.— Л., 1988.

³ Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 11. М.— 1965.

⁴ Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник.— М., 1944.— С. 99.

⁵ Черный В. Д. Русская средневековая книжная миниатюра: Направления, проблемы и методы изучения.— М., 2004.— С. 253–474.

⁶ Чернецов А. В. Посох Стефана Пермского...— С. 217.

с культурой коми рельефов обкладки посоха. Признавая, что миниатюры и рельефы создавались в разных хронотопах социокультурной системы Руси, нет оснований полностью отвергать связи между ними. Ближайшим аналогом книжных изображений являются также клейма житийных икон, наиболее ранние известные образцы которых относятся к началу XVII века¹. Не отказываясь от учёта временных, технических и мировоззренческих особенностей организации каждого из видов изображений, следует исходить из того, что они принадлежат единой образно-символической системе. Постижение закономерностей порождения и представления смысла в одной из подсистем помогает понять общие законы их функционирования, прояснить тёмные места в других подсистемах, выявить принципы их взаимосвязи.

Центральным для цикла является образ Стефана Пермского, персонифицирующего процесс христианизации Перми, который имеется во всех рассматриваемых миниатюрах Лицевого свода. На большинстве из них святитель изображён в качестве монаха, пресвитера или епископа, отличия во внешности которых незначительны. Это напоминает рельефы посоха, на которых Стефан также изображён однотипно, а во всех надписях назван «епископом». Соответственно, в отличие от Епифания², авторы рельефов мыслили не исторически, а мифологически, для них первостепенное значение имел конечный социокультурный статус, а временные отличия были второстепенны. Событие сразу приобретало сакральный чудесный облик. В иконах и миниатюрах непременным атрибутом священного статуса является нимб, указывающий на святость, как наиболее важное и вневременное качество (в рельефах визуальные указания на святость отсутствуют). В сольвычегодской житийной иконе нимб есть уже у новорождённого Стефана во втором по порядку клейме (первое посвящено предсказанию его рождения).

В Лицевом своде рождение святителя не изображено, нимб присутствует уже в миниатюре, изображающей пострижение Стефана в монахи и поставление его в дьяконы и пресвитеры³. Пространство миниатюры соответственно разделено на три части, отделённые друг от друга горками. В житийных иконах данные эпизоды обычно обособляются в отдельных клеймах, согласно епифаниевскому житию, но миниатюрист, следя скороговорке летописного текста, экономит место и время. События выстроены согласно хронологической и иерархической последовательности снизу вверх и слева направо. Пострижение расположено в левом нижнем углу, поставление в дьяконы — в левом верхнем, поставление в пресвитеры — в правом верхнем. Все сцены изображены на фоне храмов, но ростовские церкви одноглавые, а московская — пятиглавая. Стефан, изображённый в виде молодого безбородого человека, противостоит во всех трёх композициях однотипным седобородым старцам (с округлой курчавой бородой) с книгой в руке. Епископский сан Арсения и Герасима обозначен омофорами зеленоватого цвета. Центральные фигуры дополнены условными группами людей (в первой композиции только со стороны игумена, во второй и третьей — с обеих сторон). Фигура Стефана отличается цветом одеяния, при пострижении он одет в чёрную накидку с коричневым тяжёлым

¹ Котылева И. Н. Формирование иконографии «зырянского апостола» в XVII в.: к вопросу о развитии почитания Стефана Пермского на Руси // Историческое произведение как феномен культуры. Вып. 2.— Сыктывкар, 2007.— С. 117–119.

² Епифаний Премудрый. Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана.— С. 93–118.

³ ЛПС. Т. 6. Л. 572.

воротом, на желтоватом нижнем одевании, при поставлениях – в бледно-красноватое платье, с изменением цвета ворота с золотистого кружками на одномерно зеленовато-голубоватый.

Миниатюра, изображающая языковую деятельность святителя, построена бинарно¹. Двуликий (всё ещё безбородый) Стефан обращён спинами к осевой трёхэтажной башне, обозначающей высоту духовных свершений и божественное присутствие. Вероятно, художник чётко осознавал различие между древними и современными языками (между Византией и Пермью), разделив их изучение в пространстве. Впрочем, это вполне соответствует текстам летописи и изначального жития. Изучение греческого языка и грамоты (что предполагает обращение как к византийскому, так и древнегреческому языкам) изображено посредством обширного книжного развода. Толщина томов и их обилие сами по себе указывают на длительность культурной традиции, их породившей. Работа Стефана над изучением пермского языка и составлением новой письменности изображена длинным извилистым свитком, уходящим за пределы композиции. В клейме сольвычегодской житийной иконы XVII века использована традиционная композиция с двумя книгами, одна из которых лежит на столе, а вторую Стефан держит в руках. В отличие от этого клейма, миниатюру можно интерпретировать и во временном плане: Стефан обращён одновременно в прошлое и в будущее, становясь посредничающим звеном. Это соответствует противопоставлению «ветхого» и «нового», характерной для христианской традиции. Положение «между» символизируется также двумя большими полукруглыми арками, чернеющими с обеих сторон от центра композиции, как центры её половинок. Соответственно, автору было не чуждо историческое понимание последовательности событий.

Дальнейший летописный текст и расположение миниатюр в своде противоречит хронологии событий и логике разворачивания житийного текста: появление в епископы предшествует первоначальной поездке в Пермь. Подобный порядок может быть объяснён как логикой организации композиций, представляющих собой своего рода смысловые блоки, так и стремлением избежать канонических противоречий, связанных с наличием или отсутствием архиерейского сана. В другом варианте здесь могло быть изображено благословление на миссию Стефана Герасимом Коломенским. Тогда хронологически всё верно, а отсутствие обретения владычного сана в цикле можно объяснить тем, что оно представлено в другой миниатюре за его пределами. Изображение поставления в епископы соединено со сценой претерпевания гонений от язычников. Сам этот эпизод демонстрирует также логику переработки житийного текста в летописи. Если Епифаний описывает противостояния Стефана и пермян умеренно, указывая, что он остался «цел сохранен бысть от них и невредим»², то в летописи говорится о «ранах», полученных святителем. Впрочем, сцена в миниатюре скорее ближе житийному варианту: вооружённые пермяне окружили Стефана с двух сторон, но не решаются напасть на него (хотя протянутая сзади рука почти касается святого). Активное сопротивление язычников является сквозной темой рельефов посоха. Близкое по форме клеймо есть и в сольвычегодской житийной иконе. Хотя искусствоведами оно интерпретировано как «В споре с кудесником о правой вере Стефан проходит

¹ ЛЛС. Т. 6. 7. 30. Л. 572 об.

² Епифаний Премудрый. Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана.— С. 102.

через огонь»¹, композиция (при неразборчивости надписи) скорее указывает на эпизод из епифаниевского Слова, в котором святителя окружают агрессивные язычники. «Иногда же паки собирашася нань множество крамолующих, и снесоша множество бремен сухня соломы. И огню принесену бывши, и соломе въ круг около его обнесене бывши, въ скотеша хотеньем створити запалене рабу Божию и сим умыслиша огнем немилостивно въ смерть вогнати его»². Возможно, что здесь имеет место и перенос на Стефана судьбы его преемников, погибших от рук язычников. Характерен в этой связи и рассказ Сигизмунда Герберштейна о предшественнике святителя Перми, с которого содрали кожу³. Логика летописи и миниатюры делает поставление в архиереи следствием претерпенных гонений. Об этом же говорит и Епифаний, рассуждая о типе святости епископа Пермского и называя его «мучеником»⁴. Стефан в миниатюре одет полностью в тёмную одежду: серую рубаху, чёрный плащ и коричневый клобук. У него появляется характерная длинная седая клинообразная борода, хорошо заметная и в некоторых рельефах посоха, и в миниатюре XVI столетия из жития Сергия Радонежского, сохраняется она и в сольвычегодской иконе XVII века и в большинстве позднейших иконописных изображений. Можно предположить, что этот элемент внешности «портретен». Он мог восходить к легендарному первообразу, написанному Епифанием Премудрым⁵. В то же время, нельзя забывать, что подобные длинные бороды характерны для иконографического типа святителей в целом.

Следующая миниатюра свода пятичастна⁶. В нижней части Стефан едет в Пермь верхом, в сопровождении группы всадников. Изображение такого способа передвижений характерно только для данного цикла миниатюр. В рельефах посоха основным транспортным средством является лодка, что, по верному замечанию А. В. Чернецова⁷, сближает их и с текстом Вымско-Вычегодской летописи, и с кругом народных преданий. На лодке святитель Перми плывёт и в клейме сольвычегодской житийной иконы. В миниатюре из жития Сергия Радонежского Стефан, уже будучи епископом, едет в санях, запряжённых одной лошадью, предшествуемый всадниками и сопровождаемый пешими. Общим в миниатюрах из разных книг оказывается только белый цвет лошадей. Конь под святителем, само передвижение верхом могут быть символами идеологизации образа Стефана Пермского, характерной для XVI столетия. Изображение Стефана во главе отряда всадников придавало его миссии официальный статус, а его презентировало как посланца Москвы. Во втором ярусе миниатюры (порядок следования эпизодов несколько изменяется: снизу вверх и слева направо тремя ярусами, он продиктован текстом летописи) выделены две части. Первая из них полностью заполнена изображением городка. Во втором эпизоде Стефан обучает пермян грамоте. На протягиваемом им ученику листе (или табличке) отчётливо видны четыре буквы: «а», «б», «в» и «г», написанные кириллицей. Соответственно можно предположить, что миниатюрист не был знаком с пермской азбукой в отличие от княжеских

¹ Иконы строгановских вотчин XVI–XVII веков. Каталог-альбом.— М., 2003.— С. 67.

² Епифаний Премудрый. Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана.— С. 86–87.

³ Герберштейн С. Записки о Московии.— СПб., 1866.— С. 129.

⁴ Епифаний Премудрый. Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана.— С. 244–245.

⁵ Смоленцев Л. Н. Великий Зырянин // Родники Пармы.— Сыктывкар, 1993.— С. 15–27.

⁶ ЛЛС. Т. 6. Л. 574.

⁷ Чернецов А. В. Посох Стефана Пермского...— С. 217, 233.

писцов XV века. В то же время, нельзя отрицать и возможное влияние идеологических соображений, предполагавших отказ от культурного своеобразия в русле политики жёсткой централизации. Примечательно, что процессом создания пермской письменности интересовался митрополит Макарий, заказавший для себя список раздела «О азбуке пермской» из епифаниеевского Слова¹. Однако на миниатюрах этот интерес похоже не сказался.

В первой части третьего яруса Стефан изображён епископом. Цвет клобука меняется с коричневого на чёрный, появляется омофор, с отчётилько видным крестом на плече. Подобное изменение сана и внешности, противоречащее трём другим эпизодам, связано с попыткой миниатюриста преодолеть противоречие текста, восходящее к епифаниеевскому житию. Епифаний, описывая начальный, доархиерейский период деятельности Стефана, указывает, что он уже тогда ставил неофитов-пермян в священники и дьяконы. Это свидетельство переставляется в тексте летописи, что и потребовало от художника переодеть святителя в соответствии с каноном, благо, что принципы организации композиции вполне это допускали. В результате, четвёртый эпизод выпадает из хронологической последовательности, оказываясь противопоставленным во временном плане первому, третьему и пятому. В пятом эпизоде изображено строительство храмов в Перми, которое можно соотнести с разными местами из жития Епифания, в том числе и предшествующими поставлению Стефана в епископы². Изображение святителя в данном эпизоде отсутствует, вероятно, строительством руководят уже возведённые в сан его ученики.

Одной из самых интересных в цикле является миниатюра, изображающая верование пермян-язычников³. Текст летописи: «*И бе чудно видети земли твои. Иде прежде бе идолослужение, и бесогождение от начала миру. Молящеся идолом, солнцу, огню, воде, камению, древию, волом, козам и кудесником, и волхвом и золотой бабе*⁴», лишь частично может быть соотнесён с житием Епифания, у которого есть неоднократные упоминания волхвов, кудесников и общее описание идолов, с их краткой характеристикой, восходящей к библейским текстам⁵. Летописное описание пермских верований начинает формироваться с новгородской Софийской летописи XV века⁶, попадая затем в другие своды. Характерной в этом отношении становится легенда о Золотой бабе, созданная, скорее всего, новгородцами и заимствованная впоследствии С. Герберштейном и другими западными авторами⁷. Впрочем, барон уже помещает статую «бабы» за Уральские горы, что соответствует закономерностям движения в пространстве овеществлённых мифологем: из более освоенного пространства они уходят в менее освоенное. Не последним фактором при этом становится экзотичность информации, отвечающая желанию людей эпохи Возрождения постигать мир в самых необычных его проявлениях до самых дальних его пределов. Языческий мир на востоке становится

¹ Власов А. Н. Миссия русской православной церкви в Пермском крае (по материалам древнерусской письменности) // История Пермской епархии в памятниках письменности и устной прозы.— Сыктывкар, 1996.— С. 12.

² Епифаний Премудрый. Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана.— С. 114.

³ ЛЛС. Т. 6. Л. 574.

⁴ Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 11.— М., 1965.— С. 165.

⁵ Епифаний Премудрый. Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана.— С. 72, 82, 116–118.

⁶ Софийская первая летопись старшего извода. (ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1).— М., 2000.

⁷ Герберштейн С. Записки о Московии.— С. 126.

для интеллектуалов того периода пространством чудес, но, тоже в духе того времени, требующим рационального освоения. Впрочем, сегодня Золотая баба тоже остаётся образом привлекательным для журналистов, писателей и эзотериков (а, следовательно, и для массового реципиента)¹.

Стефан Пермский изображён в нижней части миниатюры, в центре группы активно жестикулирующих людей. На нём вновь облачение простого иеромонаха, без епископских регалий. В общем контексте миниатюры логично предположить, что Стефан изображён в сцене спора с язычниками, кудесниками и волхвами, в частности, с Памом-Сотником, главным своим противником в Слове, написанном Епифанием Премудрым, где спор монаха и волхва является кульминационным центром всего произведения². В этом случае, Стефан в миниатюре противостоит, с небольшим количеством приверженцев (за его спиной всего два человека), толпе противников или сомневающихся во главе с двумя предводителями. Возможно, миниатюрист разделил «Пама» и «Сотника» на двух действующих лиц. Один одет в длинное красное платье в сочетании с зелёной шапкой (жреческий наряд?), а второй — в короткий зелёный каftан с красными ноговицами, без головного убора. Впрочем, это может быть и разделением на «волхвов» и «кудесников», обозначенное в тексте летописи. Аналогия изображения спора с Памом как устного состязания предположительно имеется в одном из рельефов посоха³. В иконах с XVII века отдавали предпочтение испытанию огнём. В миниатюре вся сцена изображена на фоне сплошного ряда построек, без церквей и крестов. На том же уровне, с правого края, видна фигура беса, изображённого в виде высокой антропоморфной фигуры без одежды, с телом серого цвета, заметными признаками женскойности (выступающие груди и округлые бёдра) и стоящими дыбом волосами. Бес уходит, вероятно, напуганный появлением святителя, но оборачивается, как бы в ожидании: чем закончится длящийся спор?

Верхний уровень миниатюры полностью посвящён языческим верованиям. Справа, на фоне здания группа пермян поклоняется своим древним богам. Напротив, из-за горки вытягиваются шеи с головами «воля» и «козы», выше виднеются головы «волхвов» и «кудесников», возможно, едущих на этих животных. Ниже, на фоне холма, изображены огонь (в виде красного пятна с более яркими линиями внутри), вода (в виде потока), камень круглой формы, как бы скатившийся с холма, и дерево. Все эти природные элементы получили выражение и в мифологии народа коми, и в преданиях о Стефане Пермском. Огонь и вода фигурируют уже в житии Епифания, как средства организации состязаний между святителем и волхвом. Река, камень и дерево являются значимыми элементами народных сказаний о Стефане (он плавает на камне и рубит священное дерево). Возможно, неслучайно, что дерево изображено в миниатюре с двумя вершинами: у коми существовал культ подобных деревьев, которые называли «вожа пү»⁴. У молодого

¹ Котылев А. Ю. Стефан Пермский в пространстве интернета // Историческое произведение как феномен культуры.— Сыктывкар, 2012. Вып. 7.— С. 96.

² Епифаний Премудрый. Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана.— С. 122–160; Лимеров П. Ф. Стефан Пермский и Пам-сотник: к вопросу «препрении волхва» (Страница из «колдовского эпоса» народа коми) // Историческое произведение как феномен культуры. Вып. 4. Сыктывкар, 2009. С. 98–106; Котылев А. Ю. Учение и образ Стефана Пермского в культуре Руси / России XIV–XXI веков.— Сыктывкар, 2012.— С. 55–58.

³ Чернцов А. В. Посох Стефана Пермского...— С. 236.

⁴ Мифология коми. (Энциклопедия уральских мифологий. Т. 1).— М. – Сыктывкар, 1999.— С. 110.

дерева, посаженного на могильнике, специально отламывали верхушку, чтобы вверх шли боковые побеги. Образовавшаяся развишка трактовалась как путь в иной мир. Характерно, что образ дерева (Мамврийского дуба) занимает доминирующее место в иконе «Зырянская Троица», написанной самим Стефаном Пермским или по его заказу. Исследователи полагают, что это могло быть сделано в угоду особому месту дерева в языческих верованиях пермян¹. Древесная метафора была использована Стефаном Пермским и в его Списании (Поучении) против стригольников².

С правого края, завершаая ряд, изображена «Золотая баба» в виде стоящей женщины в красном платье и красной шапке, с согнутыми в локтях руками, протянутой вперёд правой ладонью и поднятой вверх левой. Её жест полностью повторяет положение рук человека в зелёном кафтане, противостоящего Стефану. Венчает композицию миниатюры антропоморфный лик красного солнца, контрастно помещённого в зелёный сегмент круга. Вполне вероятно, что изображения коми язычества в летописях и вышеописанной миниатюре восходят не столько к Слову Епифания, сколько к общим представлениям о языческих верованиях, характерных для христианской картины мира. В частности, очень похожее описание язычества мы находим в «Слове об артосе» («Слове на Фомину неделю») Кирилла Туровского, написанного в XII веке. «Обновися тварь; уже бо не нарекутъся богом стухия: ни солнце, ни огнь, ни источница, ни древеса. Отселе бо не приемлетъ ад закалаемых отци младенцы, ни смерть почести; преста бо идолослужение, и погубися бесовъское насилье крестным таинством, и не токмо съпасеся человечь род, но и освятися Христовою верою. Ветхий же закон отынудь обница отвержением телча крове и козья жертьвы; един бо Христос сам собою к отцю за всех жертву вѣзнесе»³. Описание поклонения язычников стихиям и природным объектам часто встречается в направленных против них Поучениях. В целом они выстраиваются вокруг представления о том, что язычники поклонялись твари, а не творцу. Изображения Золотой Бабы могли восходить к описаниям культов античных богинь, также имевших хождение в средневековье⁴.

Образ Пермской земли развивается и в следующей известной миниатюре, изображающей её «карту»⁵. Это изображение построено по знаменитому географическому описанию Епифания, почти полностью заимствованному летописью, характеризующему организацию пространства Перми и перечисляющему народы, живущие «вокруг да около» неё. «А се имена местом, и странам и землям, и иноязычником, живущим вокруг около Перми: двиняне, устюжане, вилежане, вичегжане, пинежане, южане, сырьяне, гаишане, вятчане, лопь, корела, югра, печера, vogуличи, самоеды, пертасы, пермь великая, глаголемая чюсовая.

Река же едина, ей же имя Вымь; си обходяща вси землю Премськую и вниде въ Вычегду. Река же другая, именем Вычегда; си исходяща изъ земля Пермских и шествующи къ северней стране, и своим устьем вниде в Двину ниже града Устюга за четыредесять поприщ. Река же третья, нарицаемая Вятка, яже течет

¹ Виноградова Е. А., Маймасов С. Б., Преображенский А. С. Святая Троица («Зырянская Троица») // Иконы Вологды XIV–XVI веков.— М., 2007.— С. 133.

² Котылев А. Ю. Учение и образ Стефана Пермского...— С. 80–85.

³ Кирилл Туровский. Слово об артосе // Красноречие Древней Руси. (XI–XVII вв.).— М., 1987.— С. 70–71.

⁴ Аничков Е. В. Язычество и древняя Русь.— СПб., 1914.— С. 21–32, 289–296, 380.

⁵ ЛЛС. Т. 6. Л. 575.

*с другую страну Перми и вниде в Каму. Река же четвертая си есть именем Кама; си убо обходящия и проходящия всю землю Пермскую сквозь ню; по ней же мнози языци седят; си убо грядущия устремлением прямо яко ко угу и своим устьем вниде в Волгу близъ града, нарицаемаго Булгар. Незнамо же, како изъ единоя страны истекoste две реце, Вычегда и Кама, овы убо воды грядаху на полнощи, овы же на полдни*¹. Миниатюрист следует структуре этого описания, изображая Пермь как семь сегментов, разделённых сине-зелёными полосами рек. Каждый из них заполнен городками с сидящими в них людьми, которые, вероятно, и репрезентируют многочисленные племена и народы. В отличие от Епифания, предварившего данным описанием миссию Стефана, летопись показывает её в другой момент. В центральном сегменте (на острове, образованном течениями Вычегды и Камы) изображён сам святитель в одеянии пресвитера, на фоне храма и в окружении пермян, которых он осеняет крестным знамением. Это, несомненно, резиденция Стефана, Усть-Вымь, которую Епифаний называет местом строительства первого храма. Миниатюрист, таким образом, соединяет два фрагмента жития, создавая образ уже крещённой Пермской земли, имеющей храм своим центром. Не следует отрицать и возможность символической интерпретации этой миниатюры. Река была (как и, связанная с ней, рыбная ловля), помимо прочего, символом преображения человечества, связываемым с апостольской деятельностью. «*Ныня реки апостольския наводняются, и язычныя рыбы плод пушауть, и рыбари глубину божия вчеловечения испытавше, полную церковную трежю ловитвы обретают. «Реками бо, — рече пророк, — расядеться земля, узрять и разболяться нечестивии людье*².

Следующая миниатюра посвящена утверждению места Перми среди русских земель³, что продолжает идеологическую линию, отмеченную выше. В то же время, воспроизводя устойчивый мотив Слова и следуя настроениям XVI века, летописный текст подчёркивает эсхатологическое значение крещения Перми, как «остаточного места», приведённого к Богу в «последние времена». Пространство произведения построено в два уровня. В центре нижнего изображён Стефан, поучающий пермян. Вокруг расположены представители разных земель, приветствующие его и Пермскую землю. В центре верхнего уровня расположена фигура царя в зелёном одеянии, простёршего правую руку, а пальцы левой сложившего в знамении.

Завершающая цикл миниатюра посвящена последнему периоду жизни святителя⁴. В отличие от других произведений композиция строится последовательностью событий сверху вниз. Верхняя часть изображает поездку Стефана в Москву. Он так же, как и на пути в Пермь, едет верхом в сопровождении всадников, изображение также ориентировано слева направо. Второй ярус характеризует переориентация последовательности частей: в правой части святитель молится, а в левой произносит последнее поучение, находясь на смертном одре. Нижний ярус изображает смерть Стефана, стоящего у его гроба митрополита Киприана вместе с каким-то епископом (преемником Стефана, вторым владыкой пермским Исаакием?). Изображение это не исторично: митрополита не было в Москве во время смерти и похорон Стефана. Миниатюрист полностью игнорирует характерное для епифа-

¹ Епифаний Премудрый. Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана.— С. 64–66.

² Кирилл Туровский. Слово об артосе // Красноречие Древней Руси.— С. 73.

³ ЛЛС. Т. 6. Л. 576.

⁴ ЛЛС. Т. 6. Л. 576 об.

ниевского Слова противопоставление Перми и Москвы¹, их спор по поводу того, кому должно принадлежать тело усопшего святителя.

Рассмотрение и интерпретация цикла миниатюр Лицевого свода позволяет утверждать, что они не являются простыми иллюстрациями летописи. Есть основания полагать, что миниатюрист пользовался разными источниками, наиболее очевидным из которых является Слово, написанное Епифанием. Круг идей этого концептуального произведения, связавший рождение христианского просветительства на Руси с многовековой православной традицией, был в какой-то степени воспринят интеллектуальными деятелями XVI века. Притом, что потери относительно полноты этнокультурного учения Стефана Пермского были уже велики, какая-то его часть продолжала ещё жить, имея своим символом Пермскую епархию. Содержание и символика миниатюр служили также реализации идеологической программы московских властей, хотя к ней и не сводились. Обнаруженные параллели рельефам посоха указывают на общий круг представлений и установок, характерный для раннего периода развития в культуре образа Стефана Пермского, взаимосвязанного с образом чудесной земли Пермской. Образ Стефана трактован условно, как и следовало ожидать от подобной изобразительной системы. Можно говорить о том, что этот образ в миниатюрах более историчен, чем в рельефах. Во всяком случае, он показан в развитии. Как и в рельефах, в миниатюрах намечается включение в историческое описание жизни и свершений Стефана Пермского мифологизированных преданий.

Столкновение язычества и христианства в миниатюрах изображено не слишком активно и подробно. Наиболее драматические эпизоды епифаниеевского слова проиллюстрированы здесь не были. Изображение языческих верований стереотипно и прямого отношения к конкретным божествам пермян не имеет. Скорее, оно выражает общие представления православной картины мира. Интеллектуальные деяния Стефана Пермского представлены противоречиво: презентирована связь пермской письменности с христианской традицией, но удалены все признаки своеобразия этой письменности, вплоть до передачи её графического облика. В целом можно говорить о том, что заданный Епифанием Премудрым интеллектуальный уровень осмысления свершений Стефана Пермского к XVI столетию значительно снизился. Конкретная миссионерская практика, как и круг обосновывающих её идей, как и конкретная языческая культура, против которой они были направлены, перестают быть актуальными². В то же время, Пермь сохраняет за собой значение универсального символа, представляющего взаимодействие двух христианских культур в рамках одной страны.

Список сокращений:

БАН — Библиотека Российской академии наук

ГММК — Государственные музеи Московского кремля

ЛЛС — Лицевой летописный свод

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей

ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы

¹ Епифаний Премудрый. Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана.— С. 216.

² Котылев А. Ю. Учение и образ Стефана Пермского...— С. 141–150.

— Вы начинали как бунтарь-романтик. Многие хорошо помнят ваши картины с летающими вездеходами, геологами, каким-то футуристическим дождём, живыми цветами...

— К сожалению, почти все ранние работы сгорели.

А триптих «Мастер и Маргарита»?

— Тоже поджарился. Одна часть осталась. И второй вариант, который я делал немножко с другой идеей. В этой мастерской всё из того, что могло случиться — случилось. И потоп, и пожар...

— Значит, больше уже нечего бояться. Постучим по дереву. Но я продолжу: раньше у вас были яркие сюжетные картины, а сейчас одни пейзажи. Не только у вас, впрочем. Почему наши художники дружно ударились в созерцание?

— Жизнь другая... Хотя не буду скрывать, я просто хотел освоить пейзаж, поэтому и поехал когда-то с Сашей Беляевым (учёным Института геологии КНЦ — Е.Ш.), Царство ему небесное, в экспедицию. Заразился этой ерундой, и последние годы много путешествовал. Побережье Карского моря, Пай-Хой, Урал... Но я к этим своим работам спокойно отношусь. Хотя бы разобрался с пейзажем, стал понимать, что к чему.

— Вы были председателем Союза художников республики.

— Недолго. Между Анатолием Капотиным. Он был до меня и после.

— Видела вас на состоявшемся недавно внеочередном съезде художников, где сместили с поста председателя Романа Бендерского. Что скажете по этому поводу?

— Это делёж шкуры давно убитого, полуистлевшего медведя. Надо напомнить, что сам союз возник когда-то по решению государства для контроля за художниками. Государство немножко кормило их через могучую некогда контролю под названием художественный фонд. Фонд снабжал их работой, все заказы шли через него, начиная от уличных плакатов и стендов до монументалки. Фонд отчислял союзу деньги на закупки, содержал дачи, организовывал пленэры. СССР рухнул, Фонда тоже уже нет давно, и союз художников России живёт за счёт той собственности, которая кое-где у него осталась. Включая Дом художников в Сыктывкаре. Самого объединяющего понятия союз художников — уже просто нет. Он существует по инерции. Мы все родились в совдепии, поэтому и кучкуемся вместе. Ругаемся друг с другом, и всё равно будем контактировать, пока все не перемрём. Просто потому, что мы все из одной тарелки. Это происходит во всех союзах, не только у художников. Я уверен, что эти цеховые объединения сегодня просто не нужны. Им идёт небольшая поддержка от государства, но это лишь потому, что во власти тоже ещё много тех, кто родился в совдепии. Скоро это само собой умрёт.

— Настало время индивидуалистов.

— Да, выживай, как хочешь. Я не хотел идти на это собрание, меня зацепили.

— То есть?

— Я и тогда был под гэбэшным надзором и сегодня, наверное. Приходили ко мне накануне съезда с подозрительными вопросами. «А нет ли там в вашей каше с внеочередным съездом бунта «а ля Болотная» или какого-то националистического

уклона?» Когда меня спрашивают про Юру Екишева, я же понимаю, куда клонят. Ты знаешь Юру?

— *Лично не знакома, только как писателя.*

— А я Юру давно знаю. Он приходил ко мне в мастерскую, ещё когда писал свои романы, такой скромный худенький парнишка в очках. Потом, как только попал в епархию, сразу почему-то превратился в большого и крупного. Удивительно, как они там быстро все поправляются, в Церкви-то... Мне б туда хоть на недельку (смеётся).

— *В конце 90-х вы были председателем Коми регионального отделения Российской христианско-демократической партии. Как вас туда-то занесло?*

— Вляпался в очередную авантюру. Подписал меня на эту ерунду один товарищ, я не смог отказаться. Выполнил обещание: вывел отделение на нужное количество голосов, зарегистрировал бумаги в Минюсте, пару раз съездил в Москву. Потом всё благополучно заглохло.

— *Это был единственный случай вашего хождения в политику?*

— Да, слава богу.

— *Вернёмся к съезду. Чем дело закончится, как думаете?*

— Пока союз существует, какую-то работу и контакты всё равно надо проводить и поддерживать. Дело не в этом. Дело в том, что нельзя с людьми разговаривать так, как Бендерский. Тебя ведь поставили во главе не для того, чтобы ты хамил на каждом шагу. Тем более, пусть мизерную, но ты получаешь за это зарплату... Думаю, Москва не будет сопротивляться. Им вообще наплевать на всё, лишь бы скандал не выходил за рамки. Зачем им идти супротив коллектива?

Я виноват перед Всевышним

— *В одном из своих интервью вы говорили, что главная движущая сила человечества... лень. Вы и сегодня так считаете?*

— Конечно! Многие открытия появились благодаря тому, что человек очень хотел облегчить себе жизнь. И у меня лень в процентном отношении занимает гораздо больше, чем не лень. Обычно я долго думаю и быстро исполняю. Бывало, завожусь так, что работаю днём и ночью, пока не упаду. Но это в прошлом. Сейчас лень усугубилась болезнью. Медленный стал. Думаю долго, и исполнить быстро уже не могу.

— *Вы потеряли ногу. Расскажете, что случилось?*

— Троечники в местном Кардиоцентре. Они на стадии диагностики не могли определить причину моих болей. Обидно: я всё время ходил на грани жизни и смерти. Не потому, что такой герой или экстремал, просто так случалось. То здесь чуть не убили, то в горах чуть не упал, то в экспедиции чуть не утонул. В таких ситуациях бывал, сам удивлялся, как ещё живой.

Летом 2011 года я ездил в горы в Казахстан. Материалу привёз — море! Но разболелась нога, травмированная во время поездки, и я решил её подлечить. Тем более, что на новый год собирался поехать в Абхазию. Сбегал в поликлинику, мне выписали какие-то лекарства, время поджимает, а нога не проходит. Пришлось отменить поездку. Решил, что всё к лучшему. Следующим летом исполню мечту

детства — съезжу на Алтай. И, как дурак, попёрся к врачам. Мне сказали: «Ложись в больницу, мы тебе всё быстренько отреставрируем». Я купился и пошёл на это дело. А здравоохранение наше, как я понимаю, тоже давно катится по инерции. Слава о врачах Кардиоцентра осталась от тех, первых. А нынче пришло поколение троечников. Те, для кого чуть ситуация вышла из-под контроля, и они уже не знают, что делать. Короче, вгоняют мне в артерию иглу, запускают раствор и делают снимок, как протекает кровь. Я ничего не понимаю, они меня таскают и таскают на всякие осмотры, боли жуткие. В общем, запороли артерию. Как раз там, где они иглу вставляли, образовался тромб. Собрали всех моих родственников, сказали, что надо резать. Себя обезопасили бумагами, которые постоянно давали мне подписывать. Претензий, мол, не имею. Я неделю не спал, не ел, день и ночь перепутал напрочь. Когда мне объявили, послал всех к чёрту. Просто некуда деваться было...

(Пауза. Асташев достаёт сигареты, молча курит две подряд.)

— Я думал, быстро сделаю всё и свалю отсюда. А мне вот такой подарок ко дню рождения. Отпазгнули здоровую (!) конечность, а ту, что болела, я теперь сам лечу. Я — сын хирурга. Папа у меня был замечательный доктор, военно-медицинскую академию закончил. У меня нет диабета, нет холестерина, то есть ничего того, что могло спровоцировать тромб... Хочу этих сволочей-эскулапов под суд отдать. Нужно только независимую экспертизу провести.

— Жуткая история... Как вы теперь?

— Тренируюсь. Шинканули весьма коротко, по самый пах, поэтому — проблема с арматурой. Я хотел бы научиться ходить без костиля, но это ещё нескоро. Железяки (*протез* — Е.Ш.), к тому же, стоят недёшево: от 300 тысяч до 1,5 миллиона рублей. Государство мне выделит, дай бог, 400 тысяч. Конечно, можно и не тренироваться и взять что-нибудь попроще. Наш союз выделил мне 20 тысяч рублей, но это копейки. Я стольник израсходовал только на один курс лекарства. А нужен ещё курс и не один... Тут есть и часть моей вины. Я перед Всеевишним виноват. Мы с ним всё время не находим общий язык, вот он и внёс свои поправки в мою жизнь. Чтобы я не сутился сильно. Не бегал по разным местам, а занялся, наконец, делом. Я сразу ограничил своё участие во всяких дурацких делах.

О придворных художниках

— Кто-то из местных политиков позировал вам?

— Нет, никогда.

— А вы знакомы с ними?

— Со Спиридоновым и с Торлоповым (*экс-главы региона*, — Е.Ш.). С Торлоповым мы как-то ездили вместе в Германию. Точнее, он с нами ездил. К Спиридонову я всегда хорошо относился. Он захаживал ко мне в эту мастерскую, когда уже не был главой. Незадолго до смерти.

— В Госсовете есть портретная галерея спикеров нашего законодательного органа. Она закончилась на Иване Кулакове. Два портрета отсутствуют. Вы бы согласились написать Владимира Торлопова и Марину Истиховскую?

— Нет проблем. Торлопов, правда, был слабой фигурой на политическом поле. Возможно, это бы отразилось как-то и в портрете. А Марину Истиховскую написал бы с интересом. Она очень неглупая женщина.

— *Живопись нынче тоже в кризисе?*

— Да, и он появился не случайно. Вот раньше были придворные художники, Налбандян, к примеру. Я тогда был ещё совсем молодой и не испытывал к нему ничего, кроме негатива. Но потом приходит Шилов — ещё хлеще. Вообще потрясающе! По сравнению с ним Налбандян просто замечательный живописец. А теперь в фаворе отлично пропиаренный Никас Сафонов. Это новый эталон живописи. Живопись с использованием компьютерных технологий штампуется самым бессовестным образом.

С таким же успехом рухнуло и понимание музыки. Возьми Макаревича и Магомаева. Я раньше не любил особо ни того, ни другого, но со временем понял, что Магомаев — личность и голос. Весьма значительная фигура в музыке. И когда Макаревичу дают звание народного артиста, я не понимаю, как их можно ставить рядом? Это такие разные величины, которые нельзя совмещать. Происходит обесценивание награды. Я бы не хотел ничего получать. Лучше ничего, чем такое...

И вернисаж и финисаж — с музыкой

На открытие выставки пришло много известных людей: академик Асхаб Асхабов, поэт Надежда Мирошниченко, вице-спикер Госсовета РК Вера Скробогатова, композитор Михаил Герцман, множество коллег Асташева по союзу художников Коми. Все они не скучились на самые лестные оценки творчества художника и его личных человеческих качеств.

— Это было время нашей молодости, когда в Сыктывкар приехали такие художники,— с ноткой ностальгии призналась Надежда Мирошниченко.— Это были совершенные анархисты, что в нашем тихом, глубоко провинциальном городе было нечто!

Многие знающие зрители при этом согласно кивали, вспоминая и посиделки «под шпилем», и первые в Сыктывкаре кожаные штаны, в которых щеголял художник, и первую, поистине взрывную выставку «Мы — молодые», которая открыла сразу несколько новых имён...

— Асташев — самый добрый человек, которого я встречал,— заявил друг художника, иконописец Герман Тонков.— Это самый драгоценный и чистый камень в нашем союзе художников. Есть у нас рубины, изумруды, а это просто бриллиант какой-то. Незамутнённый.

Вернисаж затянулся почти на два часа. Никто не спешил уходить...

Художник остался верен себе. Он вновь всех удивил и, судя по всему, планирует удивлять дальше. Так же весело, с музыкой и гостями, как и вернисаж, пройдёт финисаж (то есть последний день) выставки (21 марта).

Беседу вела Елена Шелест.

Ольга Орлова

Орлова Ольга Владимировна, заведующая музейно-исследовательским отделом Национальной галереи Республики Коми, куратор.

Безотносительно

Не ищите смысла во всём, что окружает, и увидите, что будет.

Выставочный проект «ВРЕМЯ DU» — высказывание молодых независимых художников, у которых есть необходимость транслировать образы и месседжи, отражающие их «дуальные» переживания и чувства в начале XXI века.

DU — дуальность, контраст чёрного и белого.

DU — (аббревиатура от англ. Disk usage) — стандартная Unix программа для оценки занимаемого файлового пространства. Появилась в первой версии AT&T UNIX. По умолчанию показывает размер файлового пространства, занимаемого каждым файлом и директорией в текущей директории. Чтобы указать другой путь для работы, необходимо поместить его первым параметром.

DU — «чёрный»; прилагательное (бретонский).

DU — «ты»; личное местоимение 2-го лица, единственного числа (немецкий).

DU — два; числительное (эсперанто).

ДУх времени — ZEITGEIST (документальные фильмы Петера Джозефа).

ДУхless — фильм-драма режиссёра Романа Прыгунова (2012 год). По мотивам бестселлера Сергея Минаева «Духless. Повесть о ненастоящем человеке».

Духless — вошло в российский лексикон как определение бездуховности, безудержного потребления, аморального шика и общего падения нравов.

ДУ ЮЙ — в китайской мифологии герой-охотник, победитель дракона, спасающий страну от потопа.

ДУэт (итал. Duetto — двойка) — музыкальное сочинение из двух инструментов или двух голосов с инstrumentальным сопровождением.

Духовность — совокупность проявлений духа в мире и человеке. В социологии, культурологии и публицистике «духовностью» часто называют объединяющие начала общества, выражаемые в виде моральных ценностей и традиций, сконцентрированные, как правило, в религиозных учениях и практиках, а также в художественных образах искусства. Проекция духовности в индивидуальном сознании называется совестью.

Духи — парфюмерия, парфюмерное (ароматизирующее) средство, спиртовые или спиртоводные растворы смесей душистых веществ — парфюмерных композиций и настоев.

Духи — мифологические существа, связываемые обычно с человеком, его телом и жизненной средой, в том числе и природной.

Ай ду-ду ду-ду ду-ду — текст русской народной колыбельной, заканчивающейся словами: «всему миру спать велят».

В экспозицию вошли произведения молодых художников Республики Коми (Сыктывкар, Ухта), живущих или работающих за её пределами (Москва, Санкт-Петербург). Все они учащиеся и выпускники факультета искусств Сыктывкарского государственного университета, Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина, Московской школы фотографии и мультимедиа им. Родченко, МГХП им. Строганова.

Проект был направлен на поддержку молодых живописцев, графиков, архитекторов, авторов художественной фотографии, декоративно-прикладного искусства, театрального искусства, новых художественных практик. Особенность выставки в том, что в ней приняли участие состоявшиеся молодые художники, которые заявили о себе не только в художественной жизни Республики Коми, но и за её пределами. Участники выставки Анастасия Неверова, Владимир Дурнев, Анастасия Денисова, Макта Дораев, Ольга Кривушева, Виктор Гауса, Тарас Геш, Андрей Ретанов, Игорь Попов, Кирилл Шучалин, Анжелика Штепа, Татьяна Земцова, Ася Маслова — участники международных, российских выставок, пленэротов и фестивалей.

Большая часть представленных в экспозиции ПРОЕКТОВ подчинена контексту непрерывной игры-размышления, контексту, не имеющему литературного сюжета, что характерно для традиционного искусства.

Именно молодые смело, дерзко работают с формой. Их искусство по-своему прогрессивно, без ограничительных рамок, что даёт возможность выявить форму, скрываемую кодами официально признанного искусства. Основные понятия искусства — композиция, линия, цвет, ритм — всё это, безусловно, присутствует в представленных в экспозиции произведениях. Цветовая гамма, ритмический строй, интонационное решение.

Это, по сути своей, актуальные художники, ориентированные не столько на местный, сколько на интернациональный художественный процесс.

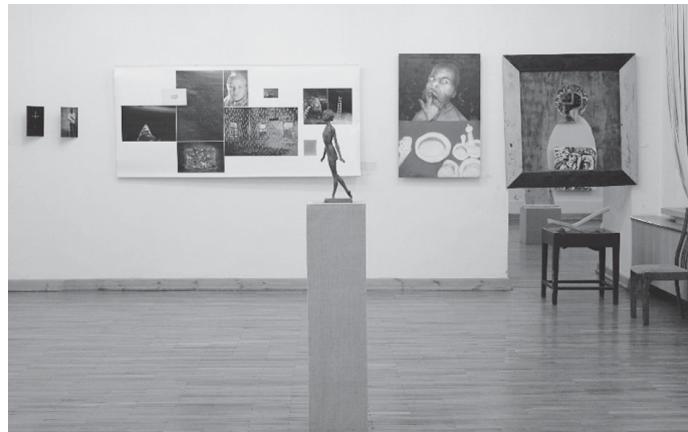
Тарас Геш (Москва) — графический дизайнер, видеохудожник, виджей, работающий с музыкантами разных направлений и стилей, участник художественных выставок и фестивалей (Электроме-

ханика, Музыка-Москва, Sensation, Красноярский медиа-арт фестиваль, мультифестиваль «Ыбица», «Европейская ночь музеев» (Сыктывкар). На фестивале «Электромеханика» за совместный проект с музыкантом The Taiga (Hmot) получил премию в области современного искусства.

На открытии выставки художник показал видеоинсталляцию в городской среде — «Street shadows», которая является одним из этапов реализации проекта соединения стрит-арта и видео-арта. Проект ставит цель открытия и развития новых возможностей для медиахудожников в публичном пространстве. Автор находится в поиске новых оригинальных форм использования видеопроекции взамен уже ставшим популярными и ушедшими в коммерческую сферу технологиям видеомэппинга. Он использует проекцию не как источник изображения, а как средство имитации, моделирования реальной ситуации в среде. В основе идеи используется изначальное преимущество проекции перед другими средствами передачи изображения — световой поток. Свет и тени — это главный инструмент общения между художником и зрителем. Луч проектора используется для имитации реального источника света в среде, а тени от луча созданы искусственно и моделируют наличие в пространстве объекта, который на самом деле не существует, но воспринимается зрителем как реальность. Так, в представленной серии инсталляций художник сыграл на тенях, падающих на здания от фар машин. Для этого предварительно были отсняты небольшие сюжеты с людьми, которые можно наблюдать на улице, привычные и нестандартные. Потом из этих силуэтов создавался видеоряд с имитацией движения света и теней от фар. В подходящих местах на улице (где свет фар падает на стену и отбрасывает тень) незаметно устанавливался проектор, и поочерёдно с тенями от фар проезжающих машин транслировалась проекция. Кульминация наступала каждый раз, когда случайные прохожие видели неожиданные образы. Для усиления эффекта в видеоряд добавлены знакомые мультипликационные образы. К стрит-арту нас отсылают силуэтные образы, которые перекликаются с трафаретами, используемыми художниками граффити, и само пространство, в котором реализуется художественный замысел. В данном случае можно сказать, что стрит-арт становится медийным, мобильным, временным, или же видео-арт становится уличным, провокационным, оживляющим городскую среду. Художественный замысел состоит в попытке пробуждения внимания любого современного жителя города к окружающему его миру через иллюзию реальности. Художник играет с восприятием случайного зрителя и его подсознанием, которое по сути само достраивает образ несуществующей реальности на основе увиденной проекции этой реальности.

Проект Оли Кривушевой (Санкт-Петербург) состоит из семи диптихов. Это

Фотография Николая Антоновского (bnkomi.ru).

результат размышлений художницы о форме и цвете, вечном и мимолётном. Молодая художница, родившаяся в XX веке, внутреннее становление которой произошло в начале нового тысячелетия, пошла на эксперимент: выбрав и «столкнув» абсолютно противоречивые материалы — тёплый, живой пластилин с яркими цветами, неподатливую хрупкую модельную массу и деревянную основу (по форме

напоминающую иконную доску), что дало ей возможность не только показать интересную форму и текстуру, но и создать экспериментально-новое: актуализировав «иконные» образы века минувшего — Вивьен Вествуд, Джон Леннон и Йоко Оно, Винсент Ван Гог, Хельмут Ньютон, Серж Генсбург, Коко Шанель, Диззи Гипси.

Всматриваясь в графические листы закоренелого эстета **Виктора Гауса** (Сыктывкар), складывается ощущение красивого, очень медленного видео. В серии «MUTE» Виктор предстаёт как блестящий рисовальщик и интеллектуальный художник, «изгоняющий прекрасное» в своём творчестве. На поверхности одни фрагменты вырываются вперёд, на первый план, пульсируя. Зритель видит игру цветовых пятен, линий, форм, компонующихся, ассоциирующихся с энергией. Единая серия «безмолвно-молчаливых» образов проекта — об ощущении от человека, как некоего «холодного или горячего блюда», «приготовленного», подаваемого в определённый момент и по «особому поводу» (для каждого — свой). «Оценить» изысканность, простоту, безвкусие можно только вступив в диалог с разными объектами окружающего мира. Все обладают физическими свойствами и параметрами. Важно представить, как бы мы ощущали этот мир, если бы руководствовались не зрением, а вкусовым ощущением фактуры, текстуры и прочего непосредственно физического, дерматологического контакта или с помощью хеморецепции. Когда химический сигнал преобразуется в потенциал действия. Попробовать представить, что это мир прилегает к нам вплотную и понять, что нас окружает, что мы потребляем и чем мы становимся, сможем только прикоснувшись к этому. Почувствовать сладость или горечь, твёрдость или мягкость; почувствовать запах и вкус и, только потом, визуализировать образы. В серии восемь иллюстраций о «вкусовом» восприятии реальности.

Живопись **Андрея Ретанова** не связана с мольбертом, палитрой, кистями («Dominicana-Republic of us», «STERILIZATION», «Профиль 0»). Его работы написаны на фанерной основе акрилом, баллончиками для граффити с ощущением сопротивления твёрдой поверхности плоскости пола. Андрей бессознательно погружает себя в создаваемый живописный образ. Сочетание управляемого и

неуправляемого сродни «природе творчества» Джексона Поллока, отчасти, Диего Риверы.

Игорь Попов (Москва) — студент последнего курса Московской школы фотографии и мультимедиа им. Родченко. Игорь — это художник, свободно ощущающий жизнь. Инсталляция «Гербарий» на фотополотне в духе культового немецкого фотографа Вольфганга Тильманса, на котором Игорь запечатлел неуловимые моменты (отчасти скрежиссированные) проживания-переживания пространства места. Во время международного экспериментального пленэра «Клюкva», который состоялся в августе 2012 года в селе Козловка Княжпогостского района Республики Коми, была сделана серия фотографий надреальных, сновидческих, предрассветных, сумеречных состояний — «движений»-метафор бегущего в высоких травах «короля-оленя» с бархатным винтажным ковриком вместо рыцарского плаща, каное (автор Сергей Разманов), плывущего по реке Вымь, лестницы, одиноко «стоящей» в поле и устремлённой в небо (звездное, рассветное, закатное...), преобразованного с помощью полосок скотча («солнечных зайчиков») пространства стен заброшенного дома. Нереально красивые моменты провоцируют на размышления, на поиски познания.

Его же серия фотографий «Сияние», выполненных на сентябрьском пленэрё в Национальном парке «Югыд Ва» на Приполярном Урале.

Искусство молодых стремится к поиску общего языка со ВРЕМЕНЕМ; а сами они ищут дух времени. Выставка позволила преодолеть некоторую инертность художественной жизни, выйти за рамки обыденного сознания. Искусство молодых, наполненное смыслом, непрерывным размышлением, а не только традиционно-обыденным содержанием, самонадеянно, искренно некой НОВОЙ ИСКРЕННОСТЬЮ.

Молодое искусство — самое независимое; его природа позволяет быть открытыми и доступными. Художники выплескивают свой внутренний мир, ни на кого не оглядываясь. Их волнует сегодняшнее время, самоощущение в нём, всё то, что соответствует чувственной палитре внутреннего мира молодого человека, живущего в начале века. Ярко-индивидуальные и смелые, со своими идеями, мыслями и философией, желанием изменить мир к лучшему, стремлением к идеалу, они хотят опубликовать свою идею, познать мир, и, конечно же, найти свой путь, что сейчас очень сложно...

Обзоры. Новости. Письма

* * *

2013 год — юбилейный для Национальной галереи Республики Коми, Коми регионального отделения Союза художников, ряда художников Республики Коми. Первым вернисажем галереи в наступившем году стала выставка Вячеслава Кислова «Шаржи. Скульптура», открывшаяся в залах Национальной галереи 24 января.

Концепция выставки предложена самим автором. В её основе — искусство шаржа. Такой подход, с одной стороны, ограничил показ разнопланового творческого наследия художника — в его арсенале есть и живопись, и графика, и скульптура, и изделия декоративно-прикладного искусства. С другой стороны, именно в этой экспозиции наиболее ярко проявилось гуманистическое мироощущение художника, в основе которого — доброта, юмор и стремление постичь человеческую суть. Неподдельный интерес к человеческой личности, авторское чутьё на великое, обыденное и смешное, — это и есть лейтмотив экспозиции, представляющей оригинальную и печатную графику и скульптуру малых форм.

Более 150 произведений включено в состав выставки. Хронологически она охватывает 1960-е – 2010-е годы, что даёт возможность сопоставить ранние шаржи с работами, выполненными в последние годы. За эти годы в стране произошли кардинальные социальные перемены. Всё это нашло отражение в творчестве художника.

* * *

«Коллекция поясов в собрании Национального музея Республики Коми» — так называется новый каталог, презентация которого состоялась в начале года. Каталог содержит описание более 300 предметов — поясов всех этнографических групп коми (зырян), русского старообрядческого населения р. Печоры (усть-цилемов), а также родственных финно-угорских народов (коми-пермяков, удмуртов, эстонцев). Большая часть коллекции — пояса конца XIX – первой половины XX вв., отдельные образцы относятся к первой половине XIX в., также представлены пояса, изготовленные мастерами современного народного декоративно-прикладного искусства.

Издание адресовано исследователям национальной культуры и искусства, мастерам прикладного творчества, всем ценителям народного искусства.

Автор каталога Елена Константиновна Коровина — старший научный сотрудник отдела фондов Национального музея Республики Коми.

Каталог издан при поддержке ООО «Коми республиканская типография».

* * *

27 февраля 2013 года в Национальной библиотеке Республики Коми состоялась презентация новой коллекции документов «Анатолий Гуревич — советский разведчик, агент Кент, узник Воркутлага».

Имя петербуржца Анатолия Марковича Гуревича (1913–2009) до недавнего времени было известно лишь узким специалистам в деле агентурной разведки. Известный под псевдонимом Кент, он был одним из руководителей глубоко законспирированной советской агентурной сети, действовавшей в предвоенные и военные годы на территории Западной Европы, той самой сети, что гитлеровцы называли «Красная капелла». Исследователи называют Гуревича агентом № 1 Советского Союза против Германии времён Второй мировой войны. По их мнению, немцы были убеждены, что из всех разведчиков в Бельгии и во Франции, а может быть, вообще из всех разведчиков, он нанес самый ощутимый урон Германии. Однако судьба Анатолия Гуревича была трагична: он стал одной из жертв сталинских карательных органов. Обвинительным заключением от 10 декабря 1946 года был репрессирован и отправлен в один из лагерей ГУЛАГа — в Воркуту, где провёл десять лет. Более 45 лет он считался предателем и вынужден был молчать о своей работе в разведке, и лишь в 1991 году решением Главной военной прокуратуры СССР был полностью реабилитирован. Лагерные письма, книга Гуревича, в которую входят «Разведка — это не игра...» и книга «Красная капелла», коллекция, поступила в дар от Евгения Владимировича Хлыбова, журналиста, главного редактора газеты «Республика», заслуженного работника Республики Коми, члена общественной редколлегии Книги памяти Республики Коми, члена Попечительского совета библиотеки. В своё время все эти материалы были предоставлены Евгению Владимировичу вдовой Гуревича Лидией Васильевной Кругловой.

Нам пишут

Уважаемая редакция!

2 ноября 2012 года ушла из жизни наша любимая мама, ветеран труда Волкова Лидия Михайловна. Проводить в последний путь её пришла вся Мещура... До слёз тронуло прощальное слово председателя Совета ветеранов сельского поселения «Мещура» Тамары Ивановны Дмитриенко. Это была небольшая поэма о нашей маме, простой коми женщине... Будем безмерно признательны вам, если вы опубликуете эти стихи... мне кажется, наша мама заслужила это, чтобы о ней узнали как можно больше людей.

С уважением, *Т. Е. Замятин*
г. Сыктывкар

* * *

Стоял ноябрь, горели свечи, марш траурный оркестр играл.
Тебя, простую коми женщину, в последний путь народ наш провожал.
После мучительной болезни ушла из жизни навсегда...
Тяжёлой жизнь была твоя в войну, в послевоенные годы...
Разруха, карточки и голод — всё это закалило лишь тебя.

Не затерялась, как былинка в поле, и место в жизни ты своё нашла.
Нелёгким в жизни был твой путь, бедняжке было некогда вздохнуть, —
Сварить обед, скотину накормить, детишек в школу и детсад отправить,
Мужа на работу, с утра на весь посёлок хлеб испечь, так целый день,
всё на ногах...

И выбившись из сил, лишь только вечером могла прилечь.
Потом были развод и переезд, и пополнение в семье, и новые заботы...
С жильём проблема, работа повара, всё приходилось делать ей самой:
Колоть дрова и печь топить, варить и воду приносить,
Чтобы больных обедом вкусным накормить, а в перерыв ещё и в лес сходить...
Ты никакой работы не боялась, любое дело делала с душой.
Весёлая, задорная, простая, ушла от нас ты в мир иной,
Но ты в наших сердцах всегда будешь живая!
Ведь дети, внуки — продолжение твоё, твои секреты, мудрые советы зная,
Сумеют счастье отстоять своё...
А помнишь Валин юбилей, мы в ресторане, полон зал людей.
Ты не стесняясь, встала вдруг и зычным голосом запела.
Стояла тишина, как будто всё замерло вокруг, зал встал, всплеск рук,
как шум прибоя...

Это тебе, простая коми женщина, все аплодировали стоя.
Прощенья просим, если были мы не правы, а может, чем-то и обижали порой,
Ты спи спокойно, наша дорогая, пусть сосны охраняют твой покой,
Пусть над тобой щебечут птицы, злых духов отгоняет ветер прочь.
Мы твёрдо знаем, в трудную минуту ты явишься во сне и сможешь нам помочь.
Тебя мы не забудем, будем помнить, как можно чаще на могилку приходить,
И чтоб порадовать тебя, цветы живые приносить.

* * *

А вот письмо, которое пришло по электронной почте из Германии от Ивана Антонии, бывшего учителя из Кустанийской области, серебряного призёра международного литературного конкурса «Русский стиль».

Уважаемая редакция журнала «Арт»!

Посылаю на ваше рассмотрение детские стихи «Мик», «Конь» и «Маленькая Леечка» для детей разного возраста, а также повесть «Эмили». Может быть, вы пожелаете напечатать некоторые из них.

С наилучшими пожеланиями, И. Антонии

Одно из присланных Иваном Антоновичем стихотворений мы решили опубликовать. Надеемся, что он понравится вам.

Конь

Ты скачи, мой верный конь,
Конь ретивый, конь-огонь!

По ковру и по дорожке,
Под цветами на окошке,

И по кухне, и по залу
Покатай детишек малых!

Конь, запыхавшись, сказал:
— Стоп, малышки! я устал.

— Отдохни,— сказали дети, —
А потом опять поедем.

По тропинке за оградой
Нам ещё проехать надо.

Потерялся где-то мячик,
Мы искать его поскакем.

Папа взмок, ему не сладко:
Тяжело играть в лошадку!

* * *

«Уважаемые сотрудники журнала «Арт». Вам пишет ваша читательница из села Выльгорт Сыктывдинского района! У меня есть знакомая, работает продавцом.

Её зовут Евгения Владимировна Томова, она очень отзывчивый, очень добрый человек. Когда я случайно увидела её тетрадь с её стихами, то не удержалась и решила послать вам. Спасибо, если вы их хотя бы прочитаете, а ещё лучше, если напечатаете...

С новым годом!

С уважением, М. С. Снегирёва».

Евгения Томова,

с. Выльгорт Сыктывдинского района

Сон

Мне приснился райский сад!
Был там света водопад,
Солнце в озере плескалось,
С неба падал звёздный град.

Мне приснился райский сад,
Там случился камнепад:
Злато-серебро сверкало
И алмазы в сто карат.

Мне приснился райский сад:
Фруктов сладкий аромат,
Лошадь в яблоках зелёных
Ела киви и гранат.

Мне приснился райский сад:
Вились розы вдоль оград,
Пели песни чудо-птицы
И клевали виноград.

Мне приснился райский сад,
Там везде был мир да лад,
Дети там читали сказки
И жевали мармелад.

Мне приснился райский сад:
Звёзды вышли на парад,
Но запутавшись в берёзах,
Стали падать все подряд!

Я желанье загадала,
Чтоб сбылось, о чём мечтала.
А про то, что увидала,
Никому не рассказала!

Июль 2009 г.

У меня внук и孙女...

У меня внук и孙女 — два счастья,
Два лучика, два солнца, два тепла,
Две крепости мои от всех напастей,
Два ангела, две птички, два крыла.

Две пары ручек тянутся за мною,
Две пары ножек топают ко мне,
Две пары глаз, распахнутые настежь,
И две судьбы в одной моей судьбе.

Два ручейка журчат в моей квартире,
Два колокольчика, две песни, две струны.
Два дива дивных, два росточки чудных,
Две звёздочки, две сказки, две мечты.

Я с ними молодая, как и прежде,
И в сердце поселились навсегда
Две веры, две любви и две надежды,
И не расстаться с ними никогда!

Декабрь 2009 г.

Бабье лето

Бабье лето! Боже, боже!
Мне приснилось, что ли?
Снова солнце из-за туч
Выкатилось в поле!

Встрепенулись воробыи,
Удивляясь чуду.
Ожил город, и народ
Гонит прочь простуду.

Повылазили гулять
Мамы, дети, кошки.
Засверкали хрусталём
Чистые окошки!

Ах, как жаль, что коротки
Славные денёчки.
Бабье лето, погоди! —
Рано ставить точки,

Рано отдавать зиме
Листьев позолоту —
Ювелирных мастеров
Тонкую работу,

Нежность хрупкого тепла,
Небо голубое!..
Долго будем вспоминать
Время золотое!

11 октября 2012 г.

* * *

А в этом письме наш читатель Сергей Габов поделился рецептами своих родителей. И вы тоже, уважаемые читатели, можете присыпать нам письма с секретами коми кухни. А мы с удовольствием их опубликуем.

Паренча ва

Паренча — пачын пёжём сёркни либё морков. (Öнія кадё позьё и газ вылын пуны, дерт, пачад пёжомыд бурджык).

Кисьтам дозйё ва, пуктам сэтчо паренча, сю пызы да бура гудралам. (4 литраа дозйё кык китыр паренча, кык ыджыд пань тыр сю пызы).

Гудралом бёрын дозъяс содтам пуан ва да пуам нёшта 15–25 минут, медым паренчайс небзяс.

Пуём бёрас позяс содтыны пузьёдём ва. Сы бёрын пуктам кёдзёдны.

Кёдзалом бёрас торъя дозйё, шуам, 1 литра стеклô банкао, кёдзёдём паренча васё кисьтам неуна да пуктам сэтысь жё öти-кык паренча. Содтам неуна дрёжжи, сакар да колям шузьёдны.

Кор шузяс, лоас быгъя, содтам паренча васё банка тыр да пуктам сакар.

Кор мёдысь заводитас шузыны, быгъялышты, позьё юны.

Мыйён бырас, сийё жё банкаас содтам водзджык вочём нин паренча ва, öти-кык паренча да сакар, шузьём бёрын юам.

И тадз водзё, кытчёдз оз быр паренча вавыс.

Лятиа шаньга

Вёчам сю пызысь да рыськысь (рысь пыдди позьё босытны небзьёдём кос нянь) шаньга корка нянышом (тестё). Бура чабралам да быгльёдчанён вёсньёдам-вочалам гёгрёс коркайс (куяс), бергёдлігмоз доръяссö чеплялам.

Еджыд пызысь да выллъёлсы (кефир туяс) гудралам ляти, содтам неуна дрёжжи, сода, позьё и майонез содтыны. Бура ставсё гудралам, мед оз лоны комокъяс.

Лятисё разёдам шаньга корка вылё (тыралам) лёссыда, мольыда, вывсё нёкъялам.

Пёжавны колё зэв öдъя пачын, сэки шаньгайс бура кыптас да лоас торъя чёссыд.

Нёкъя картупель

Пуам весалом картупель, вундавтёг. Солыштам, кор кутас нин лоны дась. Пуём бёрас кёдзёдам. Кор кёдзалаас, вундалам шёркодь ыдждаён да пуктам латкао (скёвёродао), содтам нёк да шонтам. Бурджык лоас, шонтыны кё пач вылын.

